

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

2/2023

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.И. Минаев**, д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.I. Minaev**, Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, ДНР.

Тел: +7(856) 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

*Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 7 от 29.08.2023 г.*

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

№ 2/2023

С О Д Е Р Ж А Н И Е

История

- Агапов В.Л.* Штурм Саур-Могилы 29–31 августа 1943 г.: этапы и проблемы изучения 5
- Гречихин К.А.* Социально-экономические взаимоотношения Ирака и Курдского автономного района в 1991–2003 гг. 15
- Ешпанов В.С.* Железнодорожные училища Оренбургской железной дороги в период Великой Отечественной войны (историографический аспект проблемы) 21
- Разумный В.В., Янченко Д.С.* Тактика войны на истощение: на примере противостояния Египта и Израиля в 1967–1970 гг. 26
- Сайганов В.С.* Образ Чехословакии в периодической печати Польши в 1934–1938 гг. 32

Философия

- Бартагариева И.И.* Этические проблемы цифровой эпохи 41
- Миргородский А.А.* Человек как предмет философской рефлексии XX века: религиозная философия vs марксизм 47
- Сухина И.Г.* Ценности как мировоззренческие ориентиры человеческого бытия 53

Педагогика

- Анпилогова Т.Ю., Сафронов Г.П.* Экскурсии как метод организации обучения в системе профессионального образования Донбасса (1920–1930-е гг.) 65
- Бавыка Т.В.* Совершенствование вокальной подготовки будущих учителей музыки на основе практико-ориентированного подхода 71

<i>Приходченко Е.И., Иващенко Д.Б.</i> Теоретические аспекты применения гибких методологий проектного управления в образовательном процессе высшей школы	77
<i>Скворцова Е.В.</i> Специфика приема одаренных выпускников школ в вузы США	84
Правила для авторов	91

Bulletin of Donetsk National University

Series B. Humanities

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

№ 2/2023

C O N T E N T S

History

<i>Agapov V.L.</i> Storming of Saur-Mogila on 29-31 August 1943: stage and problems of study	5
<i>Grechikhin K.A.</i> Socio-economical relations between Iraq and Kurdish Autonomous in 1991–2003	15
<i>Yeshpanov V.S.</i> Railway school Orenburg railway during the Great Patriotic War (Historiographical aspect of the problem)	21
<i>Razumnyi V.V., Yanchenko D.S.</i> Tactics of War of Attraction: on example of confrontation between Egypt and Israel in 1967–1970	26
<i>Saiganov V.S.</i> Image of Czechoslovakia in periodical press of Poland in 1934 – 1938	32

Philosophy

<i>Bartagariyeva I. I.</i> Ethnical problems of the Digital Age	41
<i>Mirgorodskiy A.A.</i> Human as a Subject of Philosophical Reflection of the 20 th century: Religious Philosophy vs Marxism	47
<i>Sukhina I.G.</i> Values as Worldview Guideposts of Human Being	53

Pedagogy

<i>Anpilogova T.Y., Safronov G.P.</i> Excursions as a Method of Organizing Training in the System of Vocational Education in Donbass (1920–1930s)	65
<i>Bavyka T.V.</i> Improving the Vocal Training of Future Music Teachers Based on a Practice-oriented Approach	71

<i>Prihodchenko E.I., Ivashchenko D.B.</i> Theoretical Aspects of the Application of Flexible Project Management Methodologies in the Educational Process of Higher Education	77
<i>Skvortsova E.V.</i> The USA universities admission peculiarities for the gifted students	84
Guidelines for authors	91

ИСТОРИЯ

УДК 94:930:355.421.1(477.62) «1943 29/31 августа»

ШТУРМ САУР-МОГИЛЫ 29–31 АВГУСТА 1943 г.: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2023. *В.Л. Агапов*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье изучена историография штурма войсками 5-й ударной армии высоты 277,9 (Саур-Могила) 29–31 августа 1943 г., определены этапы изучения проблемы, выявлены их характеристики. Автор обращает внимание на разночтения в описании действий участвовавших в операции дивизий, полков и отдельных подразделений, что, по его убеждению, связано с ограниченностью источниковой базой работ, изданных в советский период, и отсутствием в открытом доступе на сайте «Память народа» большинства журналов боевых действий, боевых и оперативных донесений дивизий и полков за август 1943 г.

Ключевые слова: Саур-Могила, высота 277,9, гвардейская стрелковая дивизия, младший лейтенант Г.П. Шевченко, С. Кораблев, Донбасс.

8 сентября 2022 г. В.В. Путин в своем обращении к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могила» выразил отношение русского народа к подвигу советских солдат, совершенному при взятии высоты 277,9: «Саур-Могила, как и Сапун-гора, Мамаев курган, стали для нас великими святынями» [1]. События, разворачивавшиеся у этой высоты 29–31 августа 1943 г., являются неотъемлемой частью исторической памяти жителей Донбасса, а осознанные в художественных образах они стали частью нашего культурного наследия. Этим событиям посвящены стихотворения, песни, художественные произведения. Ф. Серебрянский, участник штурма Саур-Могила, написал стихи, в которых есть такие строки:

Послушай ветры над Саур-Могилой
И ты поймёшь, кто эту землю спас,
Чьё мужество в боях освободило
Врагу непокорившийся Донбасс.

Эти стихи были положены на музыку и стали песней.

Столь важное значение, которые играют события 80-летней давности в патриотическом воспитании ныне живущих поколений донбассовцев, прежде всего, его молодого поколения, предопределяет необходимость осуществления историографического анализа проблемы с тем, чтобы выяснить как осуществлялся процесс изучения данного исторического явления, какие результаты достигнуты, понять насколько полно историки удовлетворяют общественный запрос на знания о событиях тех лет и их объективное освещение.

Первые описания и оценки боев за Саур-Могила были даны еще в годы Великой Отечественной войны в газетных публикациях центральных и армейских газет. Один из

наиболее прославленных участников штурма Саур-Могилы С. Кораблев 3 сентября 1943 г. в газете «Советский боец» в материале «На вершине» о взятии высоты писал: «Огонь нашей артиллерии и авиации вынудили немцев покинуть вершину и занять оборону ниже, на скатах. Наблюдение у фрицев ухудшилось. Этим воспользовалось наше командование. Оно выдвинуло вперед группу бойцов и поставило им задачу просочиться сквозь боевые порядки немцев и проникнуть на вершину. Мы двигались бесшумно под прикрытием темноты. Одна группа – Иванов, Дудка, Селиванов, Симаков и другие подкрались к левому пулемету, вторая – во главе с мл. лейтенантом Шевченко и старшиной Веремеевым – к правому. Одновременным ударом сняли пулеметчиков и побежали вверх. Невдалеке встретили вражеских автоматчиков. Дали длинную очередь, те с криком разбежались. За ними в панике остальные. Вот и вершина... Залегли... Так мы держались 12 часов. Гитлеровцы не могли примириться с потерей вершины. Они пытались взять нас и слева, и справа, обстреливали из самоходных орудий... Никто не дрогнул... Понимали: бьемся за Донбасс» [2].

Полковник Генерального штаба Красной Армии А. Карпов в брошюре «Освобождение Донбасса», изданной в 1943 г., первым дал общую информацию о прорыве Миус-фронта. Он писал, что «как только немцы начали перебрасывать свои силы с одного участка на другой, войска Красной Армии предприняли несколько мощных атак на новом направлении и овладели городами Красный Луч, Снежное» [3]. О значении действий 5-й ударной армии (далее – УА) и 28-й армии Южного фронта он писал: «Успехи наших войск, действовавших южнее Донбасса, благоприятно сказались на общей обстановке и дали возможность другим нашим частям начать успешное наступление непосредственно в районе Донбасса» [3].

Если считать годы войны первым периодом историографии проблемы, то второй период начинается в годы «хрущевской оттепели». В 1957 г. ЦК КПСС принял постановление «О создании труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Авторский коллектив из числа сотрудников отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под руководством его директора П. Н. Поспелова впервые получил доступ к архивам МО СССР. В итоге был создан 6-ти томный труд, третий том которого, а он был издан в 1961 г., был посвящен коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. В томе содержался параграф «Освобождение Донбасса», в котором на 8 страницах излагался ход Донбасской стратегической наступательной операции. В параграфе при анализе событий, связанных с прорывом Миус-фронта и попыткой окружения таганрогской группировка врага, Саур-Могилы в тексте даже не упоминалась.

Работа по изучению интересующих нас событий началась в 1960 г. после появления в областной газете «Радянська Донеччина» очерка «Слово о Саур-Могиле». В нем содержалась самая общая информация о развернувшихся здесь боях в последние числа августа 1943 г. и высказывалась мысль о необходимости создания на высоте 277,9 мемориального комплекса. Очерк вызвал массу откликов. Ветераны г. Снежное приступили к созданию собственного фонда документов, собрав со временем коллекцию из 40 фронтовых газет, разработали хронологию прорыва советских войск к Донбассу, выяснили участвовавших в нем номера дивизий и полков [4].

На этой волне возросшего интереса к событиям конца августа 1943 г. Г.В. Тепляков стал составителем сборника воспоминаний «Они освобождали Донбасс» (в последующих изданиях «Твои освободители, Донбасс»), увидевшего свет в 1963 г. [5]. В сборник была включена статья уполномоченного Ставки ВГК на Южном и Юго-западном фронтах, разработчика плана Донбасской стратегической наступательной

операции А.М. Василевского «Освобождение Донбасса». Автор писал, что в конце августа 1943 г. 5-я УА В. Д. Цветаева начала активные действия с тем, чтобы «свернуть оборону противника перед 51 армией Я.Г. Крейзера. Все это давало возможность организовать удар на Сталино» [6].

В сборнике впервые были опубликованы воспоминания участников боев, непосредственно или опосредованно принимавших участие в боях за Саур-Могилу, в том числе командира 96-й гв сд Героя Советского Союза С.С. Левина «Наступают иловайцы» [7], командира 295-го сп 96-й гв сд А.М. Волошина «На подступах к Саур-Могиле» [8], командира 34-й сд Ф.В. Брейляна «Герои тридцать четвертой» [9], начальника политотдела 40-й гв сд П.И. Черенцова «Массовый подвиг» [10]. Ветеранами 127-й сд Н.А. Поповым, А.К. Поповым и Н.Г. Тубальцевым была подготовлена статья «Чистяковцы стояли насмерть» [11]. Наибольший исследовательский интерес представляла статья С.С. Левина. В ней, в частности, наиболее обстоятельно показана необходимость взятия высоты 277,9. Автор писал: «Эта высота имела стратегическое значение, с нее открывался широкий обзор, на ее вершине находился наблюдательный пункт 6-й армии противника. С потерей ее гитлеровцы лишались возможности управления войсками. Вся высота была превращена в сильный опорный пункт, плотно насыщенный огневыми средствами, урытыми в долговременных сооружениях. На ее склонах находились врытые в землю бронеколпаки с установленными огневыми средствами. Чтобы обеспечить более свободное продвижение войск 5 УА, создать им безопасность с флангов, нужно было овладеть Саур-Могилой [7]. Как и всякий нарративный источник, статья С.С. Левина имеет недостатки. К примеру, в числе дивизий, которые принимали участие в боях за высоту, не упоминается сосед слева – 387-я сд.

В публикациях последующих лет будут по разному трактоваться два вопроса: роль младшего лейтенанта Шевченко во взятии высоты и цель возглавляемой им группы. С.С. Левин по этому поводу написал, что после успешной атаки наших войск, а из контекста следует, что она состоялась 29 августа, и тогда «полки были близки к захвату вершины», немцы смогли частично отбить свои позиции. «Требовалось время, – пишет автор, – чтобы вновь организовать наступление. Под покровом ночи группе бойцов из 293-го сп было дано задание во что бы то ни стало прорваться на вершину и закрепиться там. Взвод из 17 человек возглавил младший лейтенант Шевченко. Уроженец Горловки, он страстно желал скорейшего освобождения Донбасса» [7]. Прорыв к вершине высоты 277,9 был описан, как было сказано выше, С. Кораблевым. Обратим внимание на следующий факт: если С. Кораблев в статье от 3 сентября писал о двух группах, одну из которых, надо полагать, возглавлял он, а вторую Шевченко, в состав который входил старшина Веремеев, то С.С. Левин о старшине С. Кораблеве не упоминает. Он пишет: смертью храбрых пал в бою Шевченко, его обязанности взял на себя Веремеев.

К сожалению, уникальная информация, содержащиеся в этом сборнике, не была историками тщательно проанализирована, а ее игнорирование приводило к искажениям исторической действительности.

Первое более-менее подробное описание штурма Саур-Могилы сделал корреспондент газеты «Радянська Донеччина», журналист и писатель, выпускник Донецкого педагогического института М. Я. Олейников в путеводителе «Саур-Могила», изданном в 1969 г. [12].

При подготовке публикации автор использовал упомянутый сборник воспоминаний «Они освобождали Донбасс». Скорее всего, М.Я. Олейников был

участником встреч ветеранов дивизий, участвовавших в штурме высоты. Эти встречи состоялись во время торжественного открытия мемориального комплекса «Саур-Могила» в октябре 1967 г. в Амвросиевке и Снежном. В изложении интересующих нас событий М.Я. Олейников, скорее всего, изложил версию, услышанную от ветеранов: группа Шевченко была разведывательной группой. Задание группы состояло не в том, чтобы прорвавшись на вершину, заставить немцев атаковать себя и таким образом, дать командованию полка время подготовиться к новому штурму, а в том, разведать укрепления на высоте. И далее М.Я. Олейников изложил информацию, которая не встречается ни в одном из архивных документов: «В ночь на 30 августа группа дважды пыталась просочиться через передний край противника, но оба раза безрезультатно. Ей приказывают, пока не рассветло, сделать третью попытку. Разведчики сумели пройти через все заслоны. Уничтожили обслугу двух пулеметов на своем пути, пробрались на высоту и установили там красный флаг. Гитлеровцы утром всполошились. Это для них было совершенно неожиданным. Вскоре они поняли, что в их тылу небольшая группа смельчаков. В течение дня 12 раз предпринимались атаки, которые поддерживались сильным огнем артиллерии и минометов... Враги окружили гвардейцев. Но отважные воины не дрогнули, стояли до последнего... На штурм Саур-Могилы пошли советские танки. За ними устремилась пехота. Саур-Могила была взята» [12].

В статье содержался еще один тезис, противоречивший изложению событий С.С. Левиным. Преемником Шевченко после его смерти М.Я. Олейников называет старшину С. Кораблева. Впервые в исторической литературе в публикации были названы все 17 фамилий участников штурмовой группы. Среди смельчаков, кроме Шевченко, еще двое были наши земляки. Ст. сержант И.Я. Алешин также из Горловки. Жил до войны в районе шахты № 9. На фронте – с октября 1941 г. В первой половине 1943 г. находился в плену. 21 августа 1943 г. при прорыве немецких рубежей Миус-фронта был в первых рядах наступавших за что был награжден медалью «За отвагу». За взятие Саур-Могила был представлен к награждению Орденом Красного Знамени. Награждение состоялось 24 октября 1943 г. Через три недели 17 ноября он погиб у с. Ново-Петровка Запорожской области. Е. Я. Козырь уроженец Кировского р-на г. Сталино. Жил в районе шахты Лидиевка. Умер от ран 8 ноября 1943 г. и похоронен в с. Михайловка Запорожской области [13].

В 1970 г. увидело свет многотомное издание «История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область». В статье «Снежное» содержался материал о битве за Саур-Могила. Эта статья интересна тем, что впервые среди дивизий-участников штурма упоминается 387-я сд [14]. Таким образом, к 1970 г. в самых общих чертах ситуация была выяснена.

В 1973 г. А.Г. Ершов опубликовал военно-исторический очерк «Освобождение Донбасса» [15]. В нем есть глава «Крушение «Миус-фронта». Автор описал более подробно, чем это сделал М.Я. Олейников маршрут движения группы Шевченко. Он пишет, что на рассвете бойцы вышли с тыла на островерхую шапку кургана, установив там красный флаг... Вместе с подошедшим к ним подкреплением они нанесли врагу потери и вынудили его отступить» [15].

1980-й год открыл новые возможности изучения интересующей нас проблемы. В этом году был опубликован сборник документов «Донецкая область в годы Великой Отечественной войны». В нем был впервые опубликован архивный документ МО СССР – «Формуляр 96 гв сд о прорыве немецкой линии обороны на реке Миус и овладении высотой Саур-Могила [16]. Документ датирован 1946 г. и подписан В.Д. Цветаевым. Документ позволял выяснить предысторию битвы за Саур-Могила,

которая началась со взятия Луганского и Гараны, позволял уточнить хронологию взятия Саур-Могилы. В нем содержалось описание боев 30-31 августа. Постановка группе Шевченко боевой задачи по проникновению на вершину Саур-Могилы связана с датой 30 августа, а цель их действий описана словами: «Первые ряды врагов уже были сломлены. Нужно было окончательно добить немцев и сбросить их с высоты 277,9. Эта трудная и ответственная задача была решена группой смельчаков...» [16].

В этом же 1980 г. Г. В. Тепляков подготовил новый сборник «Донбасс. Год 1943: воспоминания участников Донбасской наступательной операции в годы Великой Отечественной войны» [17]. В нем содержалась статья «В боях мужали гвардейцы», подготовленная генералами в отставке И.Ф. Безуглым, В.Г. Воскресенским и полковник А.В. Тузовым, возглавлявшими 3-й стрелковый корпус, который являлся левым соседом 96-й гв сд. В статье впервые довольно подробно были описаны события, связанные с овладением высотами 196.0 и 183.0, взятием Саур-Могилы, названы, кроме уже известных новые имена героев штурма. О событиях 30 августа они писали: «Утром 30-го августа после артподготовки, завершившейся залпом реактивных катюш, полки 96-й дивизии с 3-х направлений атаковали Саур-Могилу... Только к вечеру достигли высоты и соединились с разведчиками. Но многих уже не было в живых» [18]. Появлением этой статьи можно считать завершение второго периода историографии проблемы.

Третий период предлагается датировать началом 2000-х годов. Значительный сдвиг в изучении событий в Северном Приазовье в годы войны был осуществлен благодаря исследованиям А. В. Исаева [19]. В 2010 г. Г. Г. Матишов и его коллеги издали труд «Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. [20]. Появление новых трудов, основу которых составляли документы архива МО РФ, позволяло уяснить место боев за Саур-Могилу в реализации планов Донбасской стратегической наступательной операции войсками Южного фронта, 5-й УА, в частности. Описанию штурма высоты 277,9 историк А.В. Исаев уделил несколько строк, сведя при этом его к действиям только 293-го гв сп 96-й гв сд.

Не внесла нового в исследование изучаемой нами проблемы изданная в 2011 г. М.А. Жироховым монография «Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941-1943» [21]. Автор повторяет тезис о разведывательной миссии группы бойцов в ночь на 30-е августа, но, считает, им ее выполнить не удалось (в тексте: «Дважды в течение ночи разведчики пытались выйти на высоту, но понеся большие потери вынуждены были вернуться обратно. Только после серьезной артподготовки нашим войскам удалось взять Саур-Могилу» [21]).

В 2016 г. А. А. Кайдаш опубликовал доклад «Саур-Могила: стратегическое значение в освобождении Донбасса вчера и сегодня» [22]. В трактовке автора группа смельчаков под командованием младшего лейтенанта Шевченко действовала с целью «дать ясную картину расположения немецких войск». Групп, по мнению автора, было две и «к первой группе вскоре пробились вторая под командованием полковника А.А. Сошальского» [22]. Имя старшины С. Кораблева в тексте не упоминается. Крайнее удивление вызывает утверждение автора о том, что «в ходе штурма за Саур-Могилу по официальным данным погибло 23 238 солдат и офицеров 5-й ударной армии» [22]. При этом автор ссылается на монографию М.А. Жирохова, в которой таких данных нет. Между тем, донецкий историк Г.В. Мишечкин, опираясь на архивные документы ЦАМО (Ф. 333. Оп. 4885. Д. 109. Л. 44) установил, что за период с 23 по 31 августа 1943 г. потери 5-й УА составили убитыми 1 607 чел., ранеными – 5 253 чел.

М.М. Медведев в 2021 г. опубликовал статью «Южный фронт в прорыве немецких рубежей на Миус-фронте в августе 1943 г.», где дал более-менее развернутое

описание взятия высоты 227,9: «Перед штурмом бойцы расчистили проходы для наступления, провели эвакуацию раненых и убитых вблизи передовой линии. В 3.00 дивизия перешла в наступление. В 5.20 1-й батальон 293-го гвардейского стрелкового полка под командованием гвардии капитана Смолякова овладел рощей южнее Саур-Могилы и штурмом взял высоту» [23].

Донецкий историк Д. А. Вязов в докладе «Боевые действия 96-й гвардейской стрелковой дивизии в районе высоты 277,9 (Саур-Могила) 29-31 августа 1943 г.» [34], опубликованном в материалах проведенной Донецким Республиканским краеведческим музеем 14 сентября 2022 г. международной научно-практической конференции «Бои за Донбасс 1941–1943 гг.: боевые действия на территории Сталинской и Ворошиловградской областей» частично повторил изложение событий, данное М.М. Медведевым. В докладе были высказаны некоторые очень спорные мысли. К примеру, автор утверждает, что «в штурме высоты были задействованы силы всего одной советской дивизии» [24]. Отметим, что еще при подходе войск ЮФ к Саур-Могиле 28 августа была создана оперативная группа под командованием подполковника штаба 5-й УА И.Г. Парашенко, состоявшая из 96-й гв. сд. и 387-й сд.

Также во взятии высоты участвовала 40-я гв. сд. В документах 5-й УА Южного фронта, в частности, сказано: «40 сд и 96 сд полностью овладели Саур-Могилой» [25]. В «Журнале боевых действий 40 гв. сд» записано: «С 8.00 31.8.43 продолжала наступление на высоту 277,9, которой и овладела к 12 час. 31.08. С 12.00 части дивизии закрепились на достигнутом рубеже, отбивая ожесточенные контратаки пехоты и танков противника...» [26]. Д.А. Вязов поставил под сомнение существование самого Шевченко. Этот подход получает распространение. Дело дошло до того, что в размещенном в Интернете материале под названием «Саур-Могила, август 1943, как это было, участники штурма» имя Г. Шевченко даже не упоминается [24]. Хотя, если верить содержащейся в Интернете информации, основанной на рассказах ветеранов 96-й гв. сд., во время выполнения боевой задачи Г. Шевченко был дважды ранен, второй раз смертельно.

Прав Д.А. Вязов, когда пишет, что ни в одном из архивных документов 96-й гв. сд, составленных за период 27 августа – 2 сентября не упоминается имя гв. мл лейтенанта Г.П. Шевченко, «который по официальной версии являлся старшим группы». Он пишет, что впервые эта фамилия появляется в фондах 96-й гв. сд только в 1946 г., в документе под названием «Формуляр 96 гв. сд о прорыве немецкой линии обороны на реке Миус и овладении высотой Саур-Могила» [24]. Но, как мы выяснили, о младшем лейтенанте Шевченко шла речь в публикации С. Кораблева, которая датируется 3 сентября 1943 г. В документах за 27 августа – 2 сентября 1943 г. упоминается только одна фамилия – капитана Смолякова. В январе 1944 г. офицерами штаба 96-й гв. сд был закончен труд «Боевой путь 96 гв. сд». В нем описана история дивизии, начиная от сентября 1942 г., когда шло ее формирование в Новосибирске, до осени 1943 г., когда велись бои в районе Мелитополя. Документ был подписан командиром 96-й гв. сд полковником С.С. Левиным и начальником штаба М.Л. Перельманом. В нем также упоминается фамилия Шевченко [27].

«Взятие Саур-Могилы имело тактическое, а не стратегическое значение, - делает вывод Д. А. Вязов [24, С. 20]. Это умозаключение отличается от ранее высказанного М.М. Медведевым, который утверждал, что «штурм Саур-Могилы имел важное оперативное значение» [23]. Трудно провести грань, которая отделяет оперативное от тактического, но однозначно одно: взятие высоты 277,9 позволяло расширить линию прорыва и ускорило дальнейшее и изгнания немцев из Донбасса. Взяв Саур-Могилу,

оперативная группа 5-й УА ликвидировала последний крупный рубеж немецкой обороны и армия вышла на оперативный простор. За один день 1 сентября войска 5-й УА освободили 23 населенных пункта, среди которых были Снежное, Новый Донбасс, Зугрэс.

Если говорить о проблемах изучения событий 29-31 августа 1943 г. у высоты 277,9, то они связаны, прежде всего, с тем, что до 2015 г. у исследователей был ограничен доступ к документам архива МО СССР/РФ. Единственным опубликованным архивным документом об интересующих нас событиях продолжает оставаться «Формуляр 96 гв сд о прорыве немецкой линии обороны на р Миус и овладении высотой Саур-Могила».

Начиная с 2015 г., после создания сайта «Память народа» исследователи, казалось бы, имеют возможность беспрепятственно изучать события тех лет. Но вместо одних проблем возникли новые. Некоторые из них:

а) оцифрованы и размещены на сайте «Память народа» далеко не все архивные документы. В частности, не представлены документы, относящиеся к 1943-му году 291-го и 295-го гв. полков 96-й гв сд. Боевые действия 293-го гв сп в августе 1943 г. вкратце излагаются только в документе «Боевой путь 293 гв сп 96 гв сд за период с 15.07.43 по 20.12.43 г.».

б) в документах содержится порой противоречивая информация. Разнобой в информации, в частности, связан с тем, что журналы боевых действий порой заполнялись задним числом. К примеру, в «Журнале боевых действий 549 сп 127 сд» в записи за 26 августа сказано: «Полк овладел селом Саур-Могила» [28], хотя войска 5-й УА взяли хутор Саур-Могильский только 29 августа. Следующая запись в журнале была сделана уже 1 сентября, то есть, через 5 дней.

Противоречивая информация содержится в документах, связанная с описанием действий группы Шевченко-Кораблева. В наградных документах на членов группы сказано: «30 августа в 5:00 часов, просочившись через боевые порядки противника и, уничтожая по пути его огневые точки и солдат, достигли высоты 277,9 (Саур-Могила) и удерживали ее в течение дня до подхода основных». Дата 30 августа фигурирует также в документе «Боевой путь 293 гв сп 96 гв сд за период с 15.07.43 по 20.12.43 г.», где утверждается: «Полк 30.08.43 в 7.00 овладел господствующей высотой и твердыней нацистской обороны Донбасса – высотой 277,9 Саур-Могила. В штурме высоты участвовали 17 отважных гвардейцев под командованием гв мл лейтенанта Шевченко, которые первыми овладели высотой и в течение дня упорно отражали противника» [29].

В документе «Боевой путь 96 гв сд» называется иная дата: «На рассвете 31 августа гв. старший сержант Кораблев со своей группой прошел к самой вершине Саур-Могила и гранатами выбил немцев из траншей» [30].

в) сомнения историка Д. А. Вязова о наличии в 293-м сп 96-й гв сд младшего лейтенанта Шевченко, удостоенного за свой поступок, о чем сообщается в материалах Интернета, Ордена Красной Звезды, объясняются тем, что в списках боевых потерь, в списках награжденных Орденом Красной Звезды сайта «Память народа» фамилия мл. лейтенанта Шевченко, погибшего 30 или 31 августа, мы не находим. Запрос в ЦАМО мог бы помочь получить однозначный ответ на этот вопрос.

г) в источниках по-разному описано завершение боев за Саур-Могилу. С.С. Левин вспоминал: «Утром 31 августа усилиями трех полков высота была взята» [7, с.198]. В «Формуляре» говорится: «В 18 час. 10 мин. до роты немцев при поддержке самоходной пушки последний раз пытались контратаковать выдвинувшиеся подразделения 295-го

сп, но, увидев угрожающее им и всем другим немецким подразделениям окружение, убедившись в бесплодности своих попыток, немцы, огрызаясь, с большими потерями, оставив на высоте 112 убитых и раненых, 4 пулемета, 1 пушку и множество автоматического оружия откатились назад [16].

Но в статье «Саур-Могила» интернет-ресурса «Википедия» говорится о том, что «к середине дня 31 августа из-за больших потерь ... высоту пришлось оставить... Около полуночи со стороны противника внезапно начался шквальный артиллерийско-миномётный огонь, не менее часа... Через пару часов выяснилось, что это был заградительный огонь для обеспечения отхода немецких войск с рубежа. К рассвету заслоны немцев на высоте и за ней были сбиты...» [31]. Поскольку авторы этого анонимного материала ссылаются документы архива музея г. Амвросиевка, историкам необходима помощь музейных работников этого города в возможности их анализа и изучения находящихся в их распоряжении документов.

д) в этой же статье в «Википедии» содержится упрек всем, кто был связан с изучением штурма и взятия Саур-Могила, на том основании, что исследователями незаслуженно замалчивалась роль 127-й сд. В документах 3-го гв. стрелкового корпуса, в состав которого входила дивизия (документов 127 сд на сайте «Память народа» нет), отмечалось, что дивизия 28 августа находилась северо-западнее хутора Саур-Могильский, наступала в северном направлении и 29 августа находилась в 1 км западнее Саур-Могила, откуда была обстреляна из артиллерии и минометов противника. 30 августа «в течение суток приводила себя в порядок», 31 августа в результате наступления дивизия овладела высотой 207,8, но не 277,9 [32].

Таким образом, начавшееся в 1943 г. изучение и описание событий, связанных с взятием войсками 5-й УА Южного фронта Саур-Могила, не завершено до сегодняшнего дня. Нами выделены 3 периода историографии проблемы: военный (1943 г.), послевоенный (1960-1980 гг.) и современный (2000-е гг. – настоящее время). Фактом являются несовпадения в описании и датировке этапов взятия высоты, преодоление которых возможно только в случае использования в качестве исторического источника журналов боевых действий, боевых и оперативных донесений дивизий и полков за 29-31 августа 1943 г., участвовавших в штурме Саур-могила, которые, к сожалению, отсутствуют среди оцифрованных документов сайта «Память народа». Выявленные проблемы в изучении и освещении проблемы позволяют сконцентрировать внимание исследователей на спорных моментах и закрытии некоторых «белых пятен», что позволит предоставить общественности обстоятельное изложение событий, связанных со взятием Саур-Могила 31 августа 1943 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Видеообращение к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могила» Текст: электронный – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69314>
2. Кораблев С. На вершине // Твои освободители, Донбасс. Очерки, воспоминания / сост. Г. В. Тепляков. – Изд-е 5-е, доп. – Донецк: «Донбасс», 1976. – С. 335-336.
3. Карпов А. Освобождение Донбасса. М.: Госполитиздат, 1943. 24 с. Текст : электронный – URL: https://royallib.com/read/karpov_aleksandr/osvobogdenie_donbassa.html
4. Монастыренко Г.А. Снежное помнит// Твои освободители, Донбасс. – С. 390.
5. Твои освободители, Донбасс. Очерки, воспоминания / составитель Г. В. Тепляков. – 5-е, дополненное. – Донецк: Донбасс, 1976. – 423 с.
6. Василевский А.М. Освобождение Донбасса // Твои освободители, Донбасс. – Донецк: Донбасс, 1976. – С. 11.

7. Левин С.С. Наступают иловайцы // Твои освободители, Донбасс. – Донецк: Донбасс, 1976. – С. 195-198.
8. Волошин А.М. На подступах к Саур-Могила // Твои освободители, Донбасс. – Донецк: Донбасс, 1976. – С. 199-202.
9. Брейляна Ф.В. Герои тридцать четвертой // Твои освободители, Донбасс. – Донецк: Донбасс, 1976. – С. 189-194.
10. Черенцов П.И. Массовый подвиг // Твои освободители, Донбасс. – Донецк: Донбасс, 1976. – С. 219-223.
11. Попов Н.А. Чистяковцы стояли насмерть / Н.А.Попов, А.К. Попов, Н.Г. Тубальцев // Твои освободители, Донбасс. – Донецк: Донбасс, 1976. – С. 219-223.
12. Олейников М.Я. Саур-Могила. Путеводитель. – Донецк: Донбас, 1976. – 32 с.
13. Мальцев А. Саур-Могила, август 1943, как это было, участники штурма. 04.04.2019. – Текст : электронный – URL: https://dzen.ru/a/YrXkdbaysDsPaEEg?utm_referer=www.yandex.ru
14. История городов и сёл Украинской ССР: Донецкая область. – Ин-т истории УССР. Ред. коллегия: Ерхов Г. П. (пред.) [и др.] - К.: Глав. ред. Украинской Сов. Энциклопедии, 1976. – 811 с.
15. Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. – М.: Воениздат, 1973. – 239 с.
16. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : Сб. документов и материалов / Парт. арх. Донец. обкома Компартии Украины, Донец. обл. гос. арх.; [Сост. А. В. Грушко и др.]. – Донецк : Донбас, 1980. – С. 172-177.
17. Донбасс. Год 1943: воспоминания участников Донбасской наступательной операции в годы Великой Отечественной войны / сост. Г. В. Тепляков. – Донецк: Донбасс, 1980. – 191 с.
18. Безуглый И.Ф. В боях мужали гвардейцы/ И.Ф. Безуглый, В.Г. Воскресенский, А.В. Тузов // Твои освободители, Донбасс. – Донецк: Донбасс, 1976.. – С.103.
19. Исаев А.В. Прорыв Миус-фронта. Июль – август 1943 года // Фронтная иллюстрация. – 2006. – № 3. – 86 с.
20. Матишов Г. Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. [Текст] / Российская акад. наук, Южный науч. центр, Ин-т социально-экономических и гуманитарных исслед. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 214 с. : Специфические сведения: 2-е изд., испр. и доп.
21. Жирохов М. А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941-1943. – М.: Центрполиграф, 2011. – 352 с.
22. Кайдаш А.А. Штурм Саур-Могила: стратегическое значение в освобождении Донбасса вчера и сегодня // Россия в глобальном мире. – 2016. – №8 (31) – С. 51-55.
23. Медведев М.М. Южный фронт в прорыве немецких рубежей на Миус-фронте в августе 1943 года // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – 2021. – № 2. – С. 61.
24. Вязов Д.А. Боевые действия 96-й гвардейской стрелковой дивизии в районе высоты 277,9 (Саур-Могила) 29-31 августа 1943 г // Материалы международной научно-практической конференции «Бои за Донбасс 1941-1943 гг.: боевые действия на территории Сталинской и Ворошиловградской областей» 14 сентября 2022 г. – Воронеж. 2022 г. – С. 9-20.
25. ЦАМО. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 109. Л.43.
26. ЦАМО. Ф. 1135, Оп. 1, Д. 11. Л. 47.
27. ЦАМО. Ф. 1269. Оп. 0000001. Д. 0005. Л. 36-39.
28. ЦАМО. Ф. 7194. Оп. 739. Д. 7. Л. 3.
29. ЦАМО. Ф. 6821. Оп.022. Д. 7298. Л.2.
30. ЦАМО. Ф. 1269. Оп. 0000001. Д. 0005. Л.24.
31. Саур-Могила Текст : электронный – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
32. ЦАМО. Ф. 812. Оп. 1. Д. 20. Л. 186.

Поступила в редакцию 16.08.2023 г.

STORMING OF SAUR-MOGILA ON AUGUST 29–31, 1943: STAGES AND PROBLEMS OF STUDY

V.L. Agapov

The article examines the historiography of the assault by the troops of the 5th Shock Army of the height 277.9 (Saur-Mogila) on August 29–31, 1943. the stages of studying the problem are determined, their characteristics are revealed. The author draws attention to the discrepancies in the description of the actions of the divisions, regiments and individual units participating in the operation, which, in his opinion, is due to the limited source base of works published during the Soviet period and the lack of open access on the website "Memory of the People" of most journals of combat perations, combat and perational reports of divisions for August 1943.

Key words: Saur-Mogila, Height 277.9, Guards Rifle Division, junior Lieutenant G.P. Shevchenko, S. Korablev, Donbass.

Агапов Владимир Леонидович

Доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»
E-mail: agapov_donetsk@mail.ru

Agapov Vladimir Leonidovich

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
FSBEI HE «Donetsk State University».
E-mail: agapov_donetsk@mail.ru

УДК 94.(567) «1991/2003»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИРАКА И КУРДСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА В 1991–2003 гг.

© 2023. *К.А. Гречихин*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В данной статье рассматриваются основные направления противостояния и сотрудничества центральных властей Ирака и новообразованного Курдского автономного района. Анализируются социально-экономические аспекты развития Ирака и Южного Курдистана в 1991–2003 годы – напряженный период в взаимоотношениях данных сторон. В выводах выделяются перемены в развитии Ирака и Иракского Курдистана, которые произошли до вторжения США в 2003 году, в нефтепромышленности, сельском хозяйстве, а также в социальной политике.

Ключевые слова: Ирак, «Свободный Курдистан» (КАР), «зона безопасности», санкции.

Сегодня достаточно много исследований посвящено политическому урегулированию отношений курдов и центрального правительства Ирака после войны в Кувейте. Исследователи пишут о «роли» Южного Курдистана в жизни Ирака в целом, однако нами не было найдено глубокого анализа связей региона с центром страны за данный период.

Актуальным в настоящее время является понимание того, как развиваются события на Ближнем Востоке, для прогнозирования дальнейших изменений ситуации в большой геополитической картине. Для выработки аргументов к дискуссии о развитии всего региона, необходимо разбираться в социально-экономической дихотомии Ирак – Свободный Курдистан, как одной из точек напряженности столь многогранной ближневосточной арены.

Цель исследования – проанализировать основные направления взаимодействия и противостояния Ирака и Курдского автономного района в социально-экономической сфере за период 1991–2003 гг.

Теоретическая разработка проблемы представлена в основном западными исследованиями по истории Ирака и экономической ситуации вокруг предмета санкций ООН. Это труды: «Экономические санкции против Ирака и их последствия, 1990–2000 годы» [8] Аббаса Альнасрави и «Конфликт между ДПК и ПСК в Северном Ираке» [13] Майкла Гюнтера.

О развитии Иракского Курдистана в 1990-е годы писал Дэвид МакДоуэлл [6]. Он отмечает улучшения в данном регионе в сравнении с темпами восстановления и наращивания мощностей в центральном и южном Ираке, выделяя стабильное функционирование электросетей в регионе.

Отечественная историография включает в себя труд С.М. Иванова «Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.)» [2] и Н.В. Степановой «История Ирака. XX век» [9]. А также статьи сотрудников института Ближнего Востока А.Б. Богуславского и С.М. Задонского посвященные экономическому и коммуникационному развитию страны в 1990-е годы.

Среди источников важны данные по экономике Ирака из библиотеки ЦРУ [5], резолюции Совета Безопасности ООН [1] касающиеся Ирака в данный период, постановления правительства Багдада, Эрбиля и Сулеймании, «Вашингтонское

соглашение» между курдскими лидирующими партиями, записки российского дипломата в Ираке Мир Паши Зейналова [3], а также данные из периодики, журналов «Азия и Африка сегодня», «Мировая экономика и международные отношения».

Отношения между курдами и арабами в Ираке достигли пика конфликтности в 1980-х годах. С появлением расследований по операции «Анфаль», мировое сообщество стало внимательнее относиться к действиям баасистского правительства Саддама Хусейна.

Ключевым событием для иракских курдов стало поражение Ирака весной 1991 г. в ходе операции «Буря в пустыне». 5 апреля 1991 года ООН принимает резолюцию № 688, объявляющую территорию к северу от 36 параллели «зоной безопасности» [1]. Она защитила иракских курдов от новых атак со стороны режима С. Хусейна, создала благоприятные условия для формирования курдских региональных органов власти и начала социально-экономического возрождения КАР.

Историк С.М. Иванов отмечает, что Иракский Курдистан с 1991 по 2003 гг. находился по сути дела в двойной экономической блокаде [2, С.8]. Помимо санкций ООН, Саддам Хусейн ввел блокаду, огорожив границу линией укреплений и минных полей длиной 550 км. В результате безработица в регионе составляла 90 % в 1992 и 70 % в 1998 году, а цены на нефтепродукты на черном рынке в 70 раз превышали багдадские. Положение усугублялось огромным количеством беженцев и полным разрушением страны в годы «анфалья». «На месте [городка] Хаджи Омрана – несколько палаток; вместо Барзана – две-три палатки над рекой» – вспоминает очевидец ситуации осени 1991 года [3, с.44].

Из-за острой нехватки продовольствия и медикаментов, центральные власти вынуждены были прекратить ограничительные меры в отношении курдов.

Гордон В. Рудд отмечает, что всякий раз, когда Саддам оказывался под международным давлением, он отступал, позволяя подписать новые соглашения о взаимопонимании, и давал грузовикам с гуманитарной помощью снова въехать в Курдистан [4, с.24].

Экономическая война Саддама постепенно истощала курдские резервы. В июле был введен запрет на топливо, а к августу 1992 года блокада была практически полной. В октябре цена на керосин была в 200 раз выше, чем в июле 1990 года, а на рис – в 80 раз [5]. Люди продавали имущество.

После краха весеннего восстания 1991 многие курды вывозили с заводов тяжелое оборудование и продавали его, в основном в Иран. Например, к августу 1992 года из 700 транспортных средств Эрбиля осталось только 92. Печально известным единичным инцидентом был демонтаж оборудования с проекта строительства плотины Бихма, недалеко от Равандуза [6, с.381].

Тем временем 19 мая 1992 года прошли первые выборы в Национальный совет Иракского Курдистана, места в котором на паритетных началах поделили между – ДПК, возглавляемой М. Барзани, и ПСК, руководимый Дж. Талабани. В июле 1992 года правительство КАР начало работу [6, с. 381].

На второй сессии, 4 октября 1992 года, парламент принял декларацию об образовании федерального курдского государства со столицей в Киркуке (фактически курдам неподконтрольном) в рамках «демократического, свободного и объединённого Ирака» [2, с. 7].

То есть это определение столицы бросало вызов правительству в Багдаде и оспаривало право контроля над городом. Экономические мотивы такого решения были понятны, ведь это большая промышленная зона, с колоссальным потенциалом. Запасы

нефти в Иракском Курдистане – оцениваются в 45 млрд. баррелей (60 % от всех в Ираке). А центром всей иракской нефтедобычи является город Киркук. На территории КАР же нефть разрабатывалась слабо, несмотря на наличие богатых месторождений – Атруш, Тоуке в районе Сулеймании (местами добывалась кустарным способом), к северо-востоку от Эрбиля, а также в районе Дахука и Заху [7].

Связав промышленный комплекс Киркука и самое большое в мире месторождение каменной серы близ Эрбиля, можно было бы вывести объемы экспорта на новый уровень. Вдобавок правительство курдов апеллировало к культурно-историческим традициям.

Весной 1993 года обесценился иракский динар, что нанесло весомый удар и по КАР. С. Хусейн пытался использовать это и оказать давление на США, Великобританию и Францию, чтобы добиться отмены или смягчения экономических санкций. Однако в западных политических кругах в приоритете стояла смена правящего в Ираке режима. О стабилизации курса иракской валюты и оживления экономики страны, речи не было [8, с. 8].

Ко всему с 1994 года разногласия между М.Барзани и Дж. Талабани приобрели открытый характер и привели к вооруженным столкновениям. Началась «курдская братоубийственная война» 1994–1997 гг. В этот период к личным амбициям курдских лидеров добавились проблемы справедливого раздела доходов от экспорта нефти, таможни, торговли и хозяйственной деятельности. В КАР с 1994 по 2002 годы функционировали практически два правительства (ДПК в Эрбиле и ПСК в Сулеймании). Размежевание усугублялось тем, что к северу и западу от реки Большой Заб (район ДПК) курды говорят на диалекте курманджи, а к югу – на диалекте сорани [9, с.523].

Подводя небольшие итоги, стоит сказать, что экономическое положение «Свободного Курдистана» в первой половине 1990-х было, пожалуй, тяжелее, чем в остальной стране.

Толчком к дальнейшим положительным сдвигам в экономической и социальной сфере Иракского Курдистана послужила программа ООН для Ирака «Нефть в обмен на продовольствие». По данной программе с 1997 года 13 % прибыли от иракской нефти направлялись на нужды курдского региона. К 2003 году курды получили по программе 8,35 млрд. долл. (ещё более 4 млрд., остались на счетах ООН из-за саботажа багдадских чиновников). К 2004 году доход на душу населения превышал общеиракский на 25 % [10].

Заметим, однако, что ущерба от вторжения США в «Свободном Курдистане» было гораздо меньше, чем в остальной стране.

Значительное внимание уделялось восстановлению и развитию инфраструктуры и производственной базы КАР (дороги, мосты, ирригационные и электроэнергетические системы, промышленные предприятия). По мере решения экономических задач появилась возможность решать и социальные проблемы. Сократилась безработица, поднимался уровень жизни, позаботились о системах здравоохранения и образования, открывались колледжи и сельские школы [9, с. 526]. Все эти мероприятия снижали социальную напряженность и стабилизировали положение в КАР.

В рамках отдельного исследования рассмотрения заслуживает и иностранная помощь. Для разработок месторождений по всему Ираку, начали привлекаться иностранные компании из Франции, Италии, России и Китая [5]. Ведь как пишет А.Б. Богуславский: «из-за санкций и износа в стране к концу века была жуткая нехватка оборудования» [11].

Тель-Авив помог М. Барзани возобновить деятельность специального разведывательного органа, имевшего в 1970-е годы название «Парастин» (Безопасность) [12]. Эрбиль привлекал израильских бизнесменов своим транзитными путями, богатыми запасами нефти, газа и пресной воды.

США так и вовсе к началу XXI века подготавливали «Свободный Курдистан» в качестве плацдарма, для вторжения в Ирак. Для этого дополнительно выделялись деньги на обновление аэродромов, средств связи и других коммуникаций.

Майкл Гюнтер отмечает: «результатом событий 1991 года стало фактическое подчинение курдских политических организаций США. Курды получают деньги и оружие, а взамен ведут борьбу с Рабочей Партией Курдистана, т.е. помогают Турции – союзнику США. Пытались американцы создать и совершенно новые организации, например, Национальный конгресс Курдистана» [13].

За период с 1992 по 1999 годы курдам удалось возобновить работу ряда жизненно важных промышленных объектов: организовать добычу нефти для местного потребления, построить и ввести в строй нефтеперерабатывающий завод, восстановить работу цементных заводов, сигаретной фабрики, построить завод по производству минеральной воды, фабрику пошива одежды, создать производство соли и других предприятий. Строительство ирригационных систем дало толчок к развитию сельскохозяйственного производства: зерновых, бахчевых и других культур.

Повышался экспорт с животноводства. Так, если в 1996 году в зоне ДПК было 26 птицеферм, то в 2003 году – 145.

Гордостью иракских курдов стала социальная программа: открытие дошкольных учреждений, начальных и средних школ, университетов в Эрбиле, Сулеймании и Дохуке. Были сделаны важные шаги в области культуры: открылось несколько каналов курдского телевидения, распространялись видео и аудио записи, издавались журналы и газеты на курдском и арабском языках, развивалась курдская литература и искусство, курдские партии и университеты открыли в интернете свои страницы.

Стоит отметить, что уже к началу XXI века усилилось расслоение, однако выросло и благосостояние, по отношению к центральным и южным регионам страны.

В свою очередь на территориях подконтрольных Багдаду продолжался процесс арабизации. Всего с 1991 по 1998 годы из Киркука было изгнано 200 тыс. курдов и 5 тыс. туркоманов. Баасисты переселили в город около 300 тыс. арабов. Так Саддам Хусейн достигал арабизации и подрыва «Свободного Курдистана» с помощью масс беженцев [14].

Рассматривая взаимосвязь севера Ирака с остальной страной, следует отметить, что для увеличения экспорта ресурсов КАР был необходим доступ к портам на юге страны, а Багдад в свою очередь интересовали энергетические мощности «Свободного Курдистана» и продовольствие.

Три провинции Иракского Курдистана давали 50 % иракской пшеницы, 40 % ячменя, 98 % табака, 30 % хлопка и 50 % фруктов [15]. Отмечается, однако, что две ГЭС – в Докане и Дербенди-Хане – работали не в полную мощность и только при условии реконструкции смогли бы удовлетворить потребности всего региона в электроэнергии.

Саддам Хусейн нашел возможность усилить свое влияние на севере страны, поддержав Масуда Барзани в войне с Джалялем Талабани, и параллельно притворяя в действие план по арабизации региона.

Миру между Барзани и Талабани сильно способствовала программа «Нефть в обмен на продовольствие», потребовавшая от курдских лидеров кооперации.

Реализация программы была главной темой переговоров в Вашингтоне [16]. Хотя Вашингтонские соглашения предусматривали новое объединение «Свободного Курдистана», единый парламент восстановил работу только в 2002 году.

Новый вызов для общества «Свободного Курдистана» - исламисты, а именно организация «Ансар аль-Ислам», поддерживаемая Тегераном и Багдадом. Она базировалась в Халабдже. В феврале 2001 года исламисты совершили первый крупный теракт, убив христианина, губернатора Эрбиля от ДПК Франсо Харири. Осенью 2001 года Талабани послал против них 12 тыс. пешмарга (Барзани также предлагал свою помощь), но вмешательство Ирана не допустило окончательного разгрома группировки. Она была уничтожена только в конце марта 2003 года при помощи американцев [2, с. 18]. Стоит отметить, что в сфере коммуникаций страна восстанавливалась согласованнее, чем в других позициях. Автомобильный транспорт играл ведущую роль в перевозке грузов по территории Ирака.

Общая протяженность автомобильных дорог в Ираке превышает 45 тыс. км, из которых 30 тыс. км – дороги с твердым покрытием. Действовали три основные автомагистрали на северном направлении:

1. Багдад – Тикрит – Мосул – Дохук – Захо (более 600 км).
2. Багдад – Киркук – Эрбиль – Равандуз (450 км).
3. Багдад – Баакуба – Сулеймания (330 км).

У железных дорог была низкая пропускная способность, т.к. 85 % железнодорожных путей – однопутные и довольно старой постройки. Однако иракское правительство уделяло внимание и этому виду транспорта. В 1994 году подвижной состав железных дорог был доведен до 46 пассажирских поездов и 22 грузовых. В 1997 году до 52 пассажирских и 32 грузовых поездов [17].

С введением в действие резолюции СБ ООН № 986 наибольшее значение в системе трубопроводов Ирака придается нефтепроводам Киркук - Юмурталик (Турция) и нефтепроводам, связывающим южные иракские месторождения с портом Фао. Кроме того, программа позволила иракскому правительству получить необходимое оборудование для данных нефтепроводов и восстановить их работоспособность.

В результате на фоне усиливавшегося давления на Багдад со стороны США и их союзников иракский кризис углублялся и негативно влиял на позитивные социально-экономические преобразования в КАР. К осени 2001 года ситуация вокруг Ирака резко обострилась, страна вновь оказалась на грани экономической катастрофы [9, с. 534].

Как вывод можем заметить, насколько умело использовался после войны 1991 года, вновь обострившийся конфликт курдов и арабов. От страны отделился Курдский автономный регион, который, несмотря на внутреннюю войну 1994–1997 годов, при иностранной помощи вышел по многим социально-экономическим показателям вперед в сравнении с остальной страной. Естественно для повышения в 18-25 % относительно центра и юга страны, имелись предпосылки в виде большого ресурсного потенциала. Однако важную роль сыграла также политическая воля, организация общества в «Свободном Курдистане» и его культурное возрождение.

Для более успешного развития страны мешало, прежде всего, внутрисполитическое противостояние с режимом Саддама Хусейна, активизация экстремистских группировок подрывающих деятельность администрации КАР, давление международных санкций, а также влияние Турции, Сирии и Ирана, которые опасались за столь значительные перемены в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резолюция № 688, принятая Советом Безопасности ООН 5 апреля 1991 г. [Электронный ресурс] // Резолюции ООН (Ирак) – режим доступа: <http://www.un.org/Russian/document/scresol/res688.pdf>
2. Иванов С.М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8. [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11009_2.pdf
3. Зейналов М.П. В блокадном Ираке / Мир Паша Зейналов. – М.: Реалии, 2001. – 67 с.
4. Gordon W. Rudd. Humanitarian Intervention: Assisting the Iraqi Kurds in Operation Provide Comfort, 1991. / Washington, D.C.: Department of the Army, 2004. – 296 p.
5. Iraq Economic Data (1989-2003) Annex D. CIA Library, 2004. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www-personal.umich.edu/~graceyor/govdocs/pdf/duelfer1_eb.pdf
6. McDowall D. A Modern History of the Kurds. 3rd ed. – London, New York: I. B. Tauris, 2004. – 515 p.
7. Лазарев М.С. Курды – народ гонимый // Азия и Африка сегодня. – 1995. – № 3. – С. 13-16.
8. Abbas Alnasrawi. Iraq economic sanctions and consequences, 1990-2000 / Department of Economics at the University of Vermont. – Burlington, VT 05405, USA. – 2010. – P. 1-15.
9. Степанова Н.В. История Ирака. XX век / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 562 с.
10. Арбатов А. Иракский кризис в мировой политике: предыстория и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 77–83.
11. Богуславский А.Б. Основные экономические показатели Ирака в 90-е годы / Ин-т Ближнего Востока, 30 декабря, 2002. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=253>
12. Лазарев М.С. Курдское национальное движение и Израиль (к вопросу о стратегическом партнерстве). // Московские новости. – 07.02.1996.
13. Michael M. Gunter The KDP-PUK Conflict in Northern Iraq // Middle East Journal. – 1996. – Vol. 50, No. 2. – P. 224-241.
14. Вартаньян Э.Г. "Свободный Курдистан": трудный путь к самоопределению (1970-е годы – XXI век) // Научный диалог. – № 10. – 2021. – С. 328-342. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47125022>
15. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.
16. Alan Makovsky. Kurdish Agreement Signals New U.S. Commitment // Policy Analysis. – Sep 29, 1998. – [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://web.archive.org/web/20191211080251/https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/kurdish-agreement-signals-new-u.s.-commitment>
17. Задонский С.М. Коммуникационные ресурсы Республики Ирак // Ин-т БВ, 27 декабря, 2002. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=251>

Поступила в редакцию 14.08.2023 г.

SOCIO-ECONOMIC RELATIONS BETWEEN IRAQ AND THE KURDISH AUTONOMOUS REGION IN 1991–2003

К.А. Grechikhin

This article examines the main areas of confrontation and cooperation between the central authorities of Iraq and the newly formed Kurdish Autonomous Region. The socio-economic aspects of the development of Iraq and South Kurdistan in 1991-2003 are analyzed – a tense period in the relations of these parties. The conclusions highlight the changes in the development of Iraq and Iraqi Kurdistan that occurred before the US invasion in 2003, in the oil industry, agriculture, and social policy.

Key words: Iraq, «Free Kurdistan» (KAR), «security zone», sanctions.

Гречихин Кирилл Александрович
Аспирант
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
E-mail: grechikhin.kir@mail.ru

Grechikhin Kirill Alexandrovich
Postgraduate student,
FSBEI HE “Donetsk State University”.
E-mail: grechikhin.kir@mail.ru

УДК 94:(470.327) 1941/1945

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ УЧИЛИЩА ОРЕНБУРГСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

© 2023. *В.С. Ешпанов*

Казахский университет технологии и бизнеса, г. Астана, Республика Казахстан.

Исследуемая тема посвящена специфике подготовки технических кадров для железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны. Автор анализирует проблему на основе материалов Южного Урала, привлекая архивные источники, а также научную литературу. В рассматриваемой статье раскрыто состояние и развитие железнодорожных училищ, профессионально-технических школ и трудовых резервов железнодорожного транспорта. Показаны особенности подготовки кадров железнодорожного транспорта. Отмечены трудности и успехи в подготовке молодого потенциала в железнодорожных училищах. Выявлена основная задача подготовки и переподготовки рабочих сил усилиями учебных заведений, находящихся в ведомстве Оренбургской железной дороги.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Оренбургская железная дорога, железнодорожные училища, профессиональное образование, подготовка рабочих кадров, трудовые резервы.

Профессиональное образование в железнодорожных училищах, как одно из важнейших звеньев образования и как один из активных факторов экономического и социального прогресса общества, привлекает к себе внимание исследователей на протяжении всей истории существования, особенно в поворотные моменты истории. На Оренбургской железной дороге, как по всей железнодорожной сети страны в период войны создавалась и совершенствовалась система обучения кадров в железнодорожных училищах.

Первые публикации, отражающие подготовку рабочих в железнодорожных училищах и школах ФЗО, появились в годы Великой Отечественной войны. Среди них выделяются выступления секретарей обкомов и горкомов партии [1, с. 18], и работников государственных трудовых резервов [2, с. 31]. В военные годы также вышел ряд брошюр [3, с. 44]. Эти выступления, статьи и брошюры носили, прежде всего, агитационно-пропагандистский характер.

В годы войны появилось огромное количество материалов периодической печати. Основанных на личных наблюдениях корреспондентов газет и журналов, которые были составлены непосредственно в училищах и школах ФЗО, в мастерских и на предприятиях, расположенных в тыловых районах нашей страны. В частности, в Челябинской и Оренбургской областях. Эти работы были в основном публицистического характера. Они рассказывали о трудовых подвигах рабочего класса, но не анализировали их, так как главная задача в тот сложный период была в поднятии морального духа советского народа на борьбу с врагом.

Ограничившись лишь констатацией фактов, работы военной поры не являлись историческими исследованиями. Однако ценность их бесспорна. Эти издания с годами все больше превращаются в своеобразный источник, являющийся носителем не только фактов, но и духа своего времени. Именно в них заложена основа для дальнейшего изучения данной тематики.

Важное значение для исследования проблемы имеет вышедший в конце войны сборник документов по трудовым резервам [4, с. 23].

После окончания войны было положено начало научному освещению вопроса подготовки квалифицированных рабочих. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов опубликовано было несколько книг. В них приводились данные о количестве подготовленных кадров в системе трудовых резервов в годы войны, анализ учебных программ, раскрывалась история профессионально – технического образования [5, с. 10].

Для всех работ, вышедших до XX съезда КПСС, характерны узкая источниковая база, схематизм, цитатничество, возвеличивание роли Сталина, идеологическая направленность. Уровень научного анализа оставался невысоким.

Возможности нового осмысления истории появились после XX съезда КПСС. Началась «оттепель» в исторической науке. Этот десятилетний отрезок времени характеризуется повышением методологического и научного уровня исследований о войне и, в частности, истории системы государственных трудовых резервов (ГТР), преодолением наслоений субъективизма, иллюстративности и схематизма в изложении. Заметно расширяется источниковая база проблемы, больше используются архивные и статистические материалы. Шире становится круг проблем, изучаемых историками. Также начинает исследоваться данная проблема на региональном уровне.

В этот период выходит фундаментальный труд – шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.». (1960–1965 гг.) – заметно выделявшийся не только огромным фактическим материалом, в основной массе впервые введенным в научный оборот, но и комплексным подходом к важнейшим проблемам истории. Одно из главных достижений авторского коллектива заключалось в том, что были предприняты первые попытки аналитического подхода к истории войны.

Книги, вышедшие до 1960 года, в большей степени были обращены к современности [6, с.92]. В своей работе А. Н. Веселов отметил формирование кадров техников в промышленности Советского государства, обратил внимание на необходимость изучения истории профессионального образования и показал возможности исследований в данном направлении.

Этот труд представляет для нас определенный интерес, так как дает методику исследования темы. Многие важные вопросы получили освещение в работе экономистов [7, с. 70]. Они уделили внимание обоснованию места и роли системы профессионально – технического образования в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы. Историки Л.И. Тульчинский, В. Савина, Г. Ушаков высказали мысль о необходимости создания научного подхода в планировании материальных средств профессионального образования, а также расширения источников его финансирования [8, с. 27].

Значительный вклад в разработку проблемы истории рабочего класса был внесен известными историками [9, с. 106]. А.В. Митрофанова впервые наиболее глубоко проанализировала количественные и качественные изменения, произошедшие в системе трудовых резервов в годы войны, привела интересный фактический материал о трудовом героизме воспитанников училищ и школ ФЗО в ходе социалистического соревнования. Имеется фактический материал об учебных заведениях и Южного Урала, в частности Челябинской и Чкаловской областей.

В период «застоя» вышла книга Э.С. Котляра [10, с. 38]., которая впервые наиболее полно рассмотрела развитие трудовых резервов страны именно в годы войны. Она имела как историческую, так и педагогическую направленность. В книге раскрывались вопросы состояния сети учебных заведений в военное время. Постепенное совершенствование учебного процесса, идейного и военно-физического воспитания учащихся, показана роль и социальные функции трудовых резервов,

подробно описана производительная деятельность училищ для фронта и тыла, даны примеры коллективного и личного трудового и ратного подвига учащихся и работников училищ и школ в годы войны. В 1985 г. выходит еще одна его работа, рассказывающая о героических страницах истории ГТР, выпускниках РУ и ЖУ и школ ФЗО, их подвигах и трудовой отваге [11, с. 89]. Достаточно емко рассматриваются учебные заведения профессионально-технического образования и роль профсоюзов в их организации и деятельности в работе А.А. Булгакова [12, с. 102].

В конце 1950-х – начале 1970-х гг. появляются диссертационные исследования по истории профессионального образования в союзных республиках и ряд диссертаций на региональном материале [13, с. 74].

Методологической основой всех диссертаций служила марксистская философия, что неизбежно приводило к преувеличению роли политических структур, влияющих на развитие среднего профессионального образования.

В эти годы так же вышло несколько брошюр, посвященных партийному и комсомольскому руководству системой трудовых резервов [14, с. 68].

В 1979 году была защищена кандидатская диссертация Г.К. Павленко, которая освещала деятельность партийных организаций Южного Урала по подготовке квалифицированных рабочих кадров в системе трудовых резервов в годы войны [15, с. 51]. В этой диссертации автор обобщила опыт работы партийных организаций Южного Урала по совершенствованию форм и методов партийного руководства подготовкой квалифицированных рабочих в системе трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны. Изучила организационно-партийную работу в училищах и школах ФЗО, показала сроки перестройки партийной работы, раскрыла вопросы партийного руководства внутрисоюзной работой комсомольских организаций училищ и школ ФЗО, рассмотрела работу партийных организаций по идейно-политическому воспитанию учащихся, руководство партийных организаций социалистическим соревнованием в училищах и школах ФЗО. Из шести параграфов диссертации только один посвящен патриотическому вкладу воспитанников трудовых резервов Южного Урала в дело победы над фашистской Германией. Типичная черта этого исследования – чрезмерная идеологическая направленность.

Вклад трудовых резервов Урала в депо Победы рассматривается также частично в сборнике «Урал – фронту», вышедшего в 1985 году под редакцией А.В. Митрофановой. Глава третья, написанная доктором исторических наук П.Г. Агарышевым, посвящена обеспечению индустрии Урала кадрами. Он рассматривает привлечение нового пополнения на производство, подготовку рабочих кадров, особенно в системе ГТР, и их труд на промышленных предприятиях региона, а также заботу о материально-бытовых нуждах тружеников города.

Таким образом, за период 1970-х – начала 1980-х годов появились работы по отдельным звеньям системы профессиональной школы, проблемам организации и содержания обучения. Была поставлена задача системного анализа истории профессионального образования как целостного развивающегося объекта.

Во второй половине 1980-х изучение низшего и среднего профессионального образования, с одной стороны, приобретает более систематический характер, расширяется круг вопросов, связанных с экономикой, политикой в среднем звене профессиональной школы; с другой – вопросы, непосредственно связанные с историей, освещаются достаточно редко [16, с. 230]. Автором удалось осмыслить большой и ценный фактический материал, систематизировать представление о механизмах управления профессиональным образованием.

В эти годы выходит ряд работ доктора исторических наук, профессора Л.И. Футорянского, посвященных вкладу Оренбуржья в победу над фашистской Германией, в которых рассматривается подготовка молодых рабочих, их героических труд на промышленных предприятиях Оренбурга [17, с. 99]. В 1990-е годы были защищены две кандидатские диссертации по материалам Башкирии: одна по педагогике М.М. Бикбаевым [18, с. 47], который исследовал начальное звено системы профессионального образования – профессионально-техническую школу с педагогической точки зрения, и вторая по истории Л.Н. Маркеловой [19, с. 84], которая рассмотрела среднее звено профессионального образования.

Ко дню Победы над фашистской Германией состоялись Всероссийские и региональные конференции, посвященные вкладу Урала в победу над врагом. В ряде выступлений авторы затрагивали проблему обеспечения промышленности рабочей силой [20, с. 176].

Анализ имеющейся литературы показывает, что вопросы создания, становления и развития системы ГТР Южного Урала в годы Великой Отечественной войны, были изучены только в русле партийного руководства подготовкой рабочих кадров, но не были еще предметом комплексного и специального исследования в отечественной историографии. Актуальность, научная и практическая значимость этой проблемы, слабая ее изученность обусловили выбор темы данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорохович Я. С., Болотин И. А. О государственных трудовых резервах. – Смоленск, Смолгиз, 1940. – 64 с.
2. Кедров Г. Государственные трудовые резервы страны Советов. – М.: Госполитиздат, 1941. – С.112.
3. Кузьминов И. Подбор и подготовка новых промышленных рабочих в условиях войны // Большевик. – 1942. – № 11. – С. 39-52.
4. Государственные трудовые резервы. Сборник официальных документов. – М.: Госполитиздат, 1945. 76 с.
5. Золоторев Ю. Е. Трудовые резервы Страны Советов. – М.: Трудрезервиздат, 1947. – 95 с.
6. Веселов А. Н. Профессионально – техническое образование в СССР. – М.: Просвещение, 1961. – 133 с.
7. Сонин М. Я. Подготовка квалифицированных рабочих на производстве. Изд. 2-е, – М.: 1954. – С. 118.
8. Тульчинский Л. И. Финансовые проблемы профессионального образования в СССР. – М.: Просвещение, 1968. – 166 с.
9. Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941 – 1942). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 486 с. – С. 203.
10. Котляр Э. С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа, 1975. – 238 с.
11. Котляр Э. С. Войной, опаленная смена. – М.: Высшая школа, 1985. – 207 с.
12. Булгаков А. А. Профессионально-техническое образование и профсоюзы. – М.: Профиздат, 1973. – 64 с.
13. Бырка Г. Подготовка кадров высшей и средней квалификации в Молдавской ССР в годы социалистического строительства (1940 – 1958 гг.): Автореферат дис канд. ист. наук. – Кишинев, 1968. – С. 16.
14. Ибрагимкулова Б. И. Среднее специальное образование в Киргизии за годы советской власти: Автореферат дис канд. ист. наук. Фрунзе, 1967. – С. 16.
15. Павленко Г. К. Деятельность партийных организаций Южного Урала по подготовке квалифицированных рабочих в системе трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны. (1941- 1945). Дис. канд. ист. наук. – Челябинск, 1979. – С. 176.
16. Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири (1917 – 1980) // Под редакцией П. П. Костенкова. – Новосибирск: книжное издательство, 1986. – 236 с.
17. Футорянский Л. И. Вклад Оренбуржцев в Великую Победу (Материал в помощь пропагандистам, лекторам, политинформаторам). – Оренбург: Издательство ОГПИ, 1985. – 54 с.

18. Бикбаев М. М. Становление и развитие профессионально-технического образования республики Башкортостан в 1940-1990 годы: Дис. канд. пед. наук. – Уфа, 1999. – С. 180.
19. Маркелова Л. Н. Становление и развитие среднего профессионального образования республики Башкортостан в 1925-1985: Дис. канд. ист. наук. – Оренбург, 2001. – С. 195.
20. Футорянский Л. И. Оренбургский край – одна из баз уральского арсенала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии второй мировой войны: Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2000. – С. 174 – 180.

Поступила в редакцию 15.08.2023 г.

RAILWAY SCHOOLS ORENBURG RAILWAY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT OF THE PROBLEM)

V.S. Yeshpanov

The topic under study is devoted to the specifics of training technical personnel for railway transport during the Great Patriotic War. The author analyzes the problem based on materials from the Southern Urals, drawing on archival sources, as well as scientific literature. The article under consideration reveals the state and development of railway schools, vocational schools and labor reserves of railway transport. The features of training personnel in railway transport are shown. Difficulties and successes in training young potential in railway schools are noted. The main task of training and retraining the workforce through the efforts of educational institutions under the authority of the Orenburg Railway has been identified.

Key words: Great Patriotic War; Orenburg Railway; railway schools; professional education; training of workers; labor reserves.

Ешпанов Владимир Сарсембаевич
доктор исторических наук, профессор,
Казахский университет технологии и бизнеса,
г. Астана, Республика Казахстан.
E- mail: ws-282@mail.ru

Yeshpanov Vladimir Sarsembayevich
PhD (doctor of history), professor,
Kazakh University of Technology and Business
Astana, Republic of Kazakhstan.
E- mail: ws-282@mail.ru

УДК 94(53+569.4) «1967/1970»

ТАКТИКА ВОЙНЫ НА ИСТОЩЕНИЕ: НА ПРИМЕРЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЕГИПТА И ИЗРАИЛЯ В 1967–1970 гг.

© 2023. *В.В. Разумный, Д.С. Янченко*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье были изучены тактика войны на истощение, включая ее принципы и характерные черты, а также пример данной тактики в условиях противостояния Египта и Израиля в ближневосточном регионе в 1967–1970 гг. Определены последствия войны на истощение для каждой из сторон-участников конфликта.

Ключевые слова: Война на истощение, тактика, Египет, Израиль, противостояние.

Война – сложное и многостороннее явление, которое включает в себя использование различных видов вооружения и военных тактик. Одной из таких тактик выступает война на истощение, применение которой, в свою очередь, нашло свое отражение в противостоянии Египта и Израиля в 1967–1970 гг. Важность изучения данной темы обусловлена необходимостью анализа тактики войны на истощение и её реализации в рамках египетско-израильского противостояния с целью лучшего понимания военно-стратегических аспектов арабо-израильского конфликта.

Цель исследования заключается в изучении принципов и характерных черт тактики войны на истощение на примере противостояния Египта и Израиля в 1967–1970 гг.

Исходя из вышеуказанной цели, можно поставить следующие задачи:

1. Дать определение тактике войны на истощение и рассмотреть ее особенности;
2. Изучить тактику войны на истощение в контексте египетско-израильского противостояния на Ближнем Востоке в 1967–1970 гг.;
3. Выявить последствия войны на истощение для Египта и Израиля.

Война на истощение (Attrition Warfare) согласно определению, которое дано в статье адъюнкт-профессора кафедры военной истории в Командно-штабном колледже армии США доктора Николаса Мюррея – это термин, используемый для описания продолжительного процесса истощения противника с целью заставить его физически разрушиться из-за постоянных потерь в личном составе, технике и припасах или измотать его до такой степени, что его воля к борьбе рухнет[1]. Ключевое значение здесь имеет слово «истощение» (attrition) от лат. корень *atterere*, что в буквальном смысле означает акт трения друг об друга или акт износа.

Вопрос о «трениях в армии» как одном из факторов воздействия войны был рассмотрен в книге прусского военного деятеля и теоретика Карла фон Клаузевица – «О войне». «Трение – это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной. Все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. Опасности и физическое напряжение, с которыми сопряжена война, увеличивают зло настолько, что на них следует смотреть, как на важнейший его источник» – именно так утверждал К. Клаузевиц в своей книге [2]. Несомненно, специфика войны на истощение подразумевает определенное морально-психологическое воздействие на солдат из-за продолжительности и интенсивности боевых действий. Поднимая вопрос о проблемах

«истощения», профессор военной истории на факультете национальной безопасности и стратегии Военного колледжа армии США Дж. Бун Бартоломис-младший, говорит как о моральном (психологическое разрушение врага), так и физическом истощении. При этом, автор отмечает: «боец, который использует стратегию физического истощения, намеревается победить, уничтожая вооруженные силы противника с течением времени. Вообще существует негласное предположение, что по ряду причин единое решающее сражение невозможно или нежелательно. В кампании, направленной исключительно на истощение, нельзя ожидать стратегического преимущества, кроме несения потерь» [3]. Так, определив характерные черты тактики войны на истощение, которая базируется на моральном подавлении противника и его физическом уничтожении с целью получения стратегической инициативы, обратимся к конкретному историческому примеру – противостоянию Египта и Израиля в 1967–1970 гг.

Военные действия в рамках войны на истощение, которые развернулись между Египтом и Израилем, начались в кратчайшие сроки после окончания Шестидневной войны 1967 г. (5-10 июня), завершившейся поражением арабских стран и передаче Израилю таких территорий, как: Голанские высоты (Сирия), Синайский полуостров и Сектор Газа (Египет), Западный берег реки Иордан (Иордания). Бард Митчелл, политический аналитик, специализирующийся в области американской внешней политики, в частности политики США на Ближнем Востоке, говорит о том, что Г.А. Насер в вопросе начала войны на истощение исходил из определенных стратегических причин: во-первых, поскольку израильская армия состоит в основном из резервистов, Израиль не сможет выдержать длительную войну на истощение; во-вторых, он полагал, что Израиль не сумеет выдержать бремя финансовых затруднений, вызванных военными действиями, а неизбежные потери среди военнослужащих и гражданского населения деморализуют население Израиля [4]. Еще одним фактором выступала поддержка Египта Советским Союзом, для которого победа Израиля наносила удар по его господству на Ближнем Востоке. Поэтому Советский Союз, сразу же после вступления в силу соглашения о прекращении огня, начал новые крупномасштабные поставки вооружений в ближневосточный регион. В течение двух недель более двухсот истребителей «МиГ», упакованных в контейнеры, были переброшены по воздуху в Египет и Сирию, а затем, в течение всего остатка лета и на протяжении осени, два-три судна еженедельно вставали под разгрузку в порту Александрии, доставляя новые вооружения [5].

Первые столкновения начались в июле 1967 г., когда египетские военные силы вышли из Порт-Фауда, единственной части Синайского полуострова, неоккупированной в период Шестидневной войны, и направились на юг, заняв позицию в Рас-эль-Ише (в 10 милях к югу от Порт-Саида на восточном берегу Суэцкого канала – районе, контролируемом израильтянами). Битва за «Рас-эль-Ише» была решена в пользу египтян [6]. На начальном периоде военных действий, одним из знаковых событий стало затопление израильского эсминца «Эйлат» ракетами советского производства «Стикс» (SS-N-2), выпущенными египетскими ракетными катерами 21 октября 1967 г.. Из 199 членов экипажа 47 были убиты или пропали без вести, 90–100 были ранены. По словам израильского историка и журналиста Абрахама Рабиновича: «Потопление «Эйлата» изменило характер морской войны. Запад знал о существовании советских ракет класса «море-море», но понятия не имел об их точности и мощности. Три из четырех ракет, выпущенных по «Эйлату», попали в цель. Четвертый удар промахнулся только потому, что от корабля практически ничего не осталось» [7]. Израильтяне в ответ 24 октября подвергли массированному обстрелу

мирное население в зоне Суэца, нанеся большой ущерб портовому хозяйству и разрушив две нефтеочистительные установки [8].

Начальная фаза войны, в целом, со времени окончания войны и до апреля 1969 г., характеризовалась спорадическими перестрелками, интенсивность и частота которых увеличивались по мере того, как египтяне начали оправляться после разгрома. На каждую египетскую попытку «прощупать» оборону противника, открывая огонь с западного берега канала, израильтяне отвечали мощным контрударом. Однако, если ответные израильские действия и наносили значительный ущерб египетской экономике, все равно они не удерживали египтян от проведения новых артиллерийских обстрелов и вылазок. Суэцкий канал был для Израиля превосходным оборонительным заграждением, но аналогичную функцию он выполнял и для Египта, не позволяя Израилю осуществлять наступательные операции [5]. Несомненно, Насер, который опасался возможности превращения линии по Суэцкому каналу в постоянную военную границу, надеялся с помощью людских потерь заставить израильтян отступать. Израильские же военные пришли к переносу акцентов на оппозиционную оборону после построения «линии Барлева» (цепь укреплений, построенных Израилем вдоль восточного берега Суэцкого канала) [9]. Сама «линия Барлева» развилась из группы рудиментарных укреплений, расположенных вдоль линии канала с целью защиты от любого крупного нападения со стороны египетских войск [10].

Октябрь 1968 г. стал поворотным моментом в развитии боевых действий в зоне канала. В одну из суббот, после полудня, египтяне в ходе массированного артобстрела убили 15 израильских военнослужащих, продемонстрировав, что на западном берегу канала они создали превосходство в живой силе и технике. После этого обстрела и до конца лета 1969 г. интенсивность действий египетской артиллерии постоянно увеличивалась [5]. Как отмечает советский и российский историк-востоковед Л.И. Медведко: «Число вооруженных конфликтов на Суэцком канале росло чуть ли не в геометрической прогрессии. Если раньше перестрелки вспыхивали по несколько раз в неделю, то к началу 1969 года – по несколько раз в день. К середине 1969 года общие потери Израиля в живой силе были больше, чем в ходе июньской войны 1967 года» [8].

В июле 1969 г. потери израильтян составили 70 человек, а снабжение переднего края становилось все более опасным. Для того чтобы переломить ход войны, в конце июля 1969 г. израильская армия начала непрерывные бомбардировки египетских артиллерийских позиций на западном берегу канала. На протяжении последующих трех месяцев израильские ВВС систематически бомбили позиции египтян вдоль Суэцкого канала, пока практически полностью не подавили их, после чего израильские потери значительно сократились [5]. Голда Меир, премьер-министр Израиля в 1969–1974 гг., в своих мемуарах говорит, что война на истощение, начатая Насером именно в 1969 году, соответствовала главным принципам египетской политики – ни переговоров, ни мира, ни признания Израиля. Сам факт войны в очередной раз демонстрировал невозможность сосуществования между арабами и евреями [11].

В конце 1969 года Израиль приступил к осуществлению плана операции «Хордос» с целью уничтожения 18 военно-стратегических объектов Египта. Перед этим ВВС Израиля совершили более 300 разведывательных полетов авиации, в ходе которых были выявлены египетские зоны ПВО. После их подавления израильские ВВС нанесли ракетно-бомбовые удары по центральным районам и пригороду Каира [12].

7 января 1970 г. Израиль инициировал проведение операции «Приха» (Цветение), представляющую серию воздушных налетов на военные цели в Египте на расстояние до 100 миль от канала. В общей сложности в период с 7 января по 13 апреля было совершено

118 боевых вылетов [13]. 12 января, согласно данным «Jewish Telegraphic Agency», два египетских истребителя-бомбардировщика советского производства Су-7 были сбиты в воздухе американскими ракетами класса «земля-воздух» «Hawk» над Суэцким заливом. По словам военного представителя, в результате последней операции общее число вражеских самолетов, сбитых со времен Шестидневной войны в июне 1967 года, достигло 81 (из них 64 были египтянами, а 17 – сирийцами). Египетская версия инцидента утверждала, что израильские бомбардировщики уничтожили ракетную площадку «Hawk» [14].

Одно из наиболее серьезных воздушных сражений произошло 30 июля 1970 г. (операция «Ветка»), для которого Израиль выделил звено в составе четырех «фантомов» и два звена по четыре «миража» [15]. Книга «Секретные войны Советского Союза» описывает события следующим образом: «В воздушном бою южнее г. Суэца были сбиты 4 самолета МиГ-21 МФ (по другим данным — 5). Они в составе звена из 12 истребителей вылетели на перехват звена израильских истребителей-бомбардировщиков «Скайхок», атаковавших советский зенитно-ракетный дивизион. В воздухе они встретились с 12 израильскими истребителями «Мираж» и 8 штурмовиками F-4. В результате боя (как стало известно после его анализа, из-за неправильных действий расчета КП Био-Арейда) погибли советские летчики [12]. Израиль, несомненно, расценивал данную операцию как одно из своих важнейших военных достижений в период с 1967 по 1970 г.

В августе 1970 г. между Египтом и Израилем было установлен режим прекращения огня в соответствии вторым планом Роджерса (по имени государственного секретаря США Уильяма П. Роджерса) [10]. Согласие на «план Роджерса» привело к краху правительства национального единства – в знак протеста из него вышел блок Гахал. Принятие Насером «плана Роджерса» привело к трениям между ним и ООП [9]. Кардинально политическая обстановка в Египте поменялась после смерти Г.А. Насера (28 сентября 1970) и прихода ко власти А. Садата, который особым образом изменил египетский подход к решению палестинской проблемы и налаживанию отношений между Израилем и США (Кэмп-Дэвидские договоренности 1978–1979 гг.) [16].

Говорить о последствиях войны на истощение между Египтом и Израилем в 1967–1970 гг., учитывая логику данной тактики, изложенную у ранее упомянутого нами Дж. Буна Бартоломиса-младшего, согласно которой каждая из сторон несет обязательные потери, очень сложно.

О так называемой патовой ситуации (пат фр. pat, итал. patta – «игра вничью») говорил американский дипломат Дэвид Корн (во время войны занимал должность политического сотрудника и начальника политического отдела в посольстве США в Тель-Авиве). В реальности не было победителя или побежденного и этот факт явно негативно был воспринят в Израиле. В частности, неспособность Израиля признать, что война не была победной, привела его к ложному чувству безопасности и возможности для промежуточного мира с Египтом были упущены [17]. В свою очередь, израильские представители, соответствуя политической конъюнктуре своего государства, двигали идею победоносности войны и приспособления израильской армии к новому типу войны [18–19]. В контексте оценки последствий для Израиля, важно выделить статью в «The Times of Israel» от 2020 г. под названием «50 лет назад: Израиль выиграл воздушное сражение и проиграл войну на истощение», отмечающую: «Поистине славная победа ВВС Израиля в битве 30 июля, наряду с серией прославленных тактических подвигов израильских сухопутных войск, могла быть обыграна – и была – обыграна в израильском нарративе, чтобы заявить о полном триумфе в войне на

истощение. Только в последние годы стало понятно, что в стратегическом плане Израиль фактически проиграл войну на истощение» [20].

Война на истощение была одним из новых образов конфликта на Ближнем Востоке в конце 60-х гг. XX века, в котором арена противостояния между Египтом и Израилем постоянно менялась: суша – море – воздух. Нельзя не отметить, что это один из наиболее длительных вооруженных конфликтов в рамках арабо-еврейской конфронтации, превышающий срок в одну тысячу дней. Объективный анализ войны на истощение на стратегическом и тактическом уровнях показывает, что пусть Египет и не добился восстановления оккупированных в ходе Шестидневной войны территорий, она привела к более системному подходу в области организации вооруженных сил, вооружения и методов военной подготовки. Главным образом, события 1967–1970 гг. стали как военным уроком для Египта и Израиля, так и преддверием новой арабо-израильской войны на Ближнем Востоке – Войны Судного дня 1973 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Murray Nicholas. Attrition Warfare. The International Encyclopedia of the First World War. – [Электр. ресурс] – Режим доступа URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/attrition_warfare/%20Attrition%20Warfare
2. Клаузевиц К. О войне: Пер. с нем. – М.: Издательская корпорация "Логос"; Международная академическая издательская компания "Наука", 1994. – 448 с.
3. J. Boone Bartholomees Jr. The Issue of Attrition. Strategic Studies Institute. – [Электр. ресурс] – Режим доступа URL: <https://fliphtml5.com/rqmd/jbts/basic/>
4. Митчелл Бард. Мифы и факты. Путеводитель по арабо-израильскому конфликту / Пер. с англ. А. Курицкого. – М.: Еврейское слово, 2007. – 480 с.
5. Говард М. История Израиля. От зарождения сионизма до наших дней. – Том 2. 1952-1978. – В 3-х томах. Пер. с англ. В. Гопмана. – М.: Книжкини; Текст; 2011. – 622 с.
6. Zeev Maoz. Defending the Holy Land. University of Michigan Press, 2006. – 714 p.
7. Rabinovitch Abraham. The Boats of Cherbourg. – New York, NY: Henry Holt and Co, 1988. – 354 p.
8. Медведко Л.И. Этот Ближний бурлящий Восток: Документальное повествование. – М.: Политиздат, 1985. – 335 с.
9. Звягельская И.Д. История Государства Израиль. – М.: Аспект Пресс. 2012. – 360 с.
10. Simon. Dunstan. The Yom Kippur War 1973. The Sinai. Osprey Publishing, 2003. – 97 p.
11. Голда Меир. Моя жизнь. Иерусалим: «Библиотека Алия» // lib.ru, 1985. Перевод с иврита Р. Зерновой. Предисловие и общая редакция Я. Цура. – Чимкент: Аурика, 1997. – 560 с.
12. Окорочков А. В. Секретные войны Советского Союза: первая полная энциклопедия. – М.: Яуза, 2008. – 731 с.
13. Isabella Ginor, Gideon Remez. The Soviet-Israeli War, 1967–1973: The USSR's Military Intervention in the Egyptian-Israeli Conflict. Oxford University Press, 2017. – 539 p.
14. Israel Reports Two Soviet Built Fighter Bombers Blasted out of the Air. Jewish Telegraphic Agency. – [Электр. ресурс] – Режим доступа URL: <https://www.jta.org/archive/israel-reports-two-soviet-built-fighter-bombers-blasted-out-of-the-air>
15. Штереншис Михаил. История Государства Израиль. Изд. 2-е. – Герцлия: ISRADON, 2005. – 720 с.
16. Янченко Д.С., Разумный В.В. Трансформация подходов к решению палестинской проблемы администрации Анвара Садата в 1970 – 1981 гг. // Вестник студенческого общества научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2022. – С. 376 - 381.
17. Korn, David A. Stalemate: The War of Attrition and Great Power Diplomacy in the Middle East, 1967–1970. Westview Press, 1992. – 326 p.
18. Schiff Zeev. History of the Israeli Army 1870–1974. – Straight Arrow Books, 1974. 338 p.
19. Herzog Chaim and Gazit Shlomo. The Arab-Israeli Wars: War and Peace in the Middle East. – New York, 2005. – 560 p.
20. 50 years ago: Israel won an air battle, and lost the War of Attrition. The Times of Israel. – [Электр. ресурс] – Режим доступа URL: <https://blogs.timesofisrael.com/50-years-ago-israel-won-an-air-battle-and-lost-the-war-of-attrition/>

Поступила в редакцию 12.08.2023 г.

**TACTICS OF WAR OF ATTRACTION: ON THE EXAMPLE OF THE CONFRONTATION
BETWEEN EGYPT AND ISRAEL IN 1967 – 1970**

V.V. Razumnyi, D.S. Yanchenko

The article examined the tactics of war of attrition, including its principles and characteristic features, as well as an example of this tactic in the context of the confrontation between Egypt and Israel in the Middle East region in 1967–1970. The consequences of a war of attrition for each of the parties to the conflict are determined.

Key words: War of attrition, tactics, Egypt, Israel, confrontation.

Разумный Виталий Витальевич

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Razumnyi Vitalii Vitalievich

Candidate of History, Docent.
FSBEI HE «Donetsk State University».
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Янченко Дмитрий Сергеевич

аспирант
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
E-mail: dmitry_yanchenko@inbox.ru

Yanchenko Dmitry Sergeevich

Post-graduated student
FSBEI HE «Donetsk State University».
E-mail: dmitry_yanchenko@inbox.ru

УДК 94(437).070

ОБРАЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПОЛЬШИ 1934–1938 гг.

© 2023. *В.С. Сайганов*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена исследованию характерных стереотипных черт образа Чехословакии в периодической печати Польши 1934–1938 гг. Рассмотрены причины резкого повышения враждебности польских газет по отношению к соседнему государству, этапы и характерные проявления негативного отношения авторов. Сделаны выводы о влиянии позиции СМИ на формирование негативного образа Чехословакии в общественном сознании Польши.

Ключевые слова: Польша, Чехословакия, образ, стереотип, периодическая печать.

Взаимные стереотипные представления жителей Польши и Чехословакии друг о друге в периодической печати сформировались почти сразу после получения независимости этими государствами по итогам Первой мировой войны. Они включали в себя различные полемические взгляды на прошлое и настоящее друг друга, но не были однозначно негативными. Однако, в 1934 году в польских газетах и журналах тон освещения событий в соседней стране и стереотип о Чехословакии в целом резко меняется. Начинает доминировать критика, акцентируется внимание на отрицательной роли чехословацкого руководства в двусторонних взаимоотношениях, негативных чертах чешского национального характера, агрессивности по отношению к Польше (в частности, в вопросе принадлежности спорного региона Заользье). Представляется актуальным исследовать причины и ход событий, существенно изменившие отношение к Чехословакии в польской периодической печати, а также содержание нового негативного образа соседнего государства, в чем и состоит цель данной статьи.

В качестве основной категории источников данного исследования использованы публикации общепольских и региональных газет за 1934–1938 годы, отдельные публицистические работы и тексты, источники личного происхождения.

Проблематика образа Чехословакии в межвоенной Польше, общественного мнения о двусторонних отношениях, негативных тенденций в решении проблемы Заользья масштабно освещена в польской историографии. Над данными вопросами работали такие специалисты как Ремигиуш Каспшицкий [1], Йоанна Янушевская-Юркевич [2], Доната Рогозик [3]. В чешской историографии стоит обратить внимание на коллективное исследование «Образ Польши и поляков в чешских СМИ», часть которого освещает проблему взаимных представлений в межвоенный период в свете конфликта вокруг Заользья [4].

С 1934 года образ Чехословакии и, прежде всего, чехов в польской журналистике резко меняется, в связи с изменениями в позиции чехословацких властей по отношению к СССР. «Polska Zbrojna», не так давно восхвалявшая национальные особенности чехов и пропагандирующая польско-чехословацкую дружбу, паникерским тоном начала сообщать о преследовании польского меньшинства в Чехословакии [5]. Она сообщала о репрессиях против поляков в Заользье и шахтерском городке Острава. Упоминалось притеснение польского языка, увольнение польских директоров из школ и изгнание нескольких десятков польских шахтеров из страны. В Чехословакии, по

сообщениям издания, препятствовали распространению польской прессы и конфисковали ее тиражи [6]. Польские журналистские специализированные журналы также присоединились к описанию репрессий против поляков. Забили тревогу польские охотничьи сообщества. Сообщалось, что чехи дискриминировали не только польских учителей и шахтеров. Преследовали и польских охотников, отбирая у них оружие и боеприпасы [7]. В левых польских кругах, впрочем, это было воспринято как удар по ненавистной польской элите. По их мнению, в Чехословакии предпринимались попытки разрушить аристократические традиции, которые символизировала, в том числе и охота.

Поляки в Заользье подвергались политическим, экономическим и религиозным притеснениям. Пресса писала о том, что лишь 11 из 18 польских приходов остались в руках поляков, а чехи увеличили численность своих приходов с 6 до 15. Польский язык прекратили использовать в ряде церквей [8]. Интересно, что польские католические журналы только после резкого охлаждения польско-чехословацких отношений начали замечать секуляризацию чешской нации. С начала 1934 года стали описываться примеры чешского безбожия [9].

Популярные газеты не только сообщали об ухудшающемся положении поляков в Заользье, но и рецензировали антипольские книги, изданные в Чехословакии. Таковыми были, например, книги, изданные в Праге в 1936 году: «Rusko a Malá dohoda v policy světové» («Россия и Малая Антанта в мировой политике») авторства Яна Шебы и «Soudobé Polska» («Современная Польша») Вацлава Фиалы. Эти труды считались образцом типичной чешской фальсификации действительности. В частности, говоря о книге Фиалы, «Polska Zbrojna» подчеркнула несправедливый образ Пилсудского и министра Бека. Однако редактор польской газеты преуменьшил эффективность ее влияния, написав: «Но, к счастью, это уже не вызывает сомнений: такое отношение к Польше только вредит Чехословакии. Времена, когда Чехословакия могла причинить и на самом деле причинила нам очень серьезный ущерб, относятся к далекому прошлому» [10].

Книга Шебы получила крайне эмоциональные отзывы в Польше. Она трактовалась как официальная политическая программа Чехословакии, враждебная Польше. Во-первых, автор работы был активным политиком, послом своей страны в Румынии. Во-вторых, введение книги написал на тот момент министр иностранных дел Кароль Крофта. Такой взгляд укреплял образ двуличных чехов в польских СМИ. В прессе высказывались предположения, что они, с одной стороны, выступали за примирение с Польшей, а с другой – делали недружественные шаги в её отношении [10].

Книги чешских авторов вызывали в Польше негативные эмоции. Лишь отдельные личности и события пытались уменьшить напряжённость двусторонних отношений в прессе. Жестом примирения стало издание в Польше в 1937 году книги Эдварда Бенеша «Возрождение народов» с введением, написанным специально для польского читателя. В нем президент Чехословакии указал на все еще реальный путь примирения двух народов: «В интересах обеих стран, чтобы мы пришли к взаимопониманию и способствовали совместной работе – в строгом и дружеском согласии – для поддержания нового политического устройства Европы и всеобщего мира [11].

К сожалению, слова президента Чехословакии не оказали серьезного влияния на происходящее. Диалог двух народов переживал серьезный кризис. Недавнее увлечение поляков чешской культурой и литературой было быстро подошло к концу и быстро сменилось критикой и даже ненавистью. Например, в 1934 году журналист Войска Польского назвал Ярослава Гашека лентяем и пьяницей [12].

В новых политических реалиях «Приключения бравого солдата Швейка» не могли рассчитывать на благосклонность польского читателя. Швейк стал символом конформистского и трусливого чеха, которому противопоставлялся храбрый, рыцарский польский народ. Такое изменение в отношении к чешскому классическому было почти мгновенным. Еще в 1930 году произведение имело широкое признание в Польше. Театр Польский в Варшаве воплотил повесть Ярослава Гашека на сцене, главную роль исполнял культовый актер театра и кино Второй Речи Посполитой, а восхищенный редактор эндековской газеты «*Myśl Narodowa*» писал, что: «Чехи должны прислать делегацию, чтобы увидеть это творение» [13].

Молодежная пресса санации также начала выступать в защиту угнетенных поляков в Чехословакии. Радикальная организация «*Legion Młodych*» даже утверждала, что только она в состоянии эффективно защитить своих соотечественников за рубежом. «*Dziś i Jutro*», общественно-политический еженедельный журнал организации, в апреле 1934 года подверг критике такие газеты, как «*ABC*» и «*Kurier Warszawski*» за то, что они недостаточно заступались за поляков, преследуемых в Чехословакии [14].

Давление СМИ и эскалация событий в Заолзье в последующие годы принесли ощутимые изменения в том, что теперь стало абсолютно однородным образом врага в польской периодике. Большая группа польских интеллектуалов, ранее благосклонно относившихся к чехам, пересмотрела свои взгляды. Политическая метаморфоза охватила деятелей как правых, так и левых взглядов. Писатели Адольф Новачинский и Павел Хулка-Ласковский отказались от доброго отношения к чехам. Новачинский символическим жестом отправил врученный ему орден «Белый Лев» обратно в Прагу, который был получен «в знак благодарности за приверженность чешско-польскому примирению». Эволюция взглядов Новачинского была связана не только с растущим антипольским трендом. Польского писателя напугала позиция чешской элиты, опасно тяготеющей к СССР. В интервью «*Mercurysz Polski*» раздраженный Новачинский громко заявил: «Полная большевизация чешских интеллектуалов, которые не видят мир за пределами Советов – это что-то отвратительное» [15].

Свидетельством трансформации взглядов Хулки-Ласковского стала его книга «Силезия за Олзой». Польский писатель с чешскими корнями в более ранних публикациях скорее выступал за примирение Польши и Чехии. В опубликованной книге он указал на многочисленные примеры дискриминации поляков и объяснил источники чехизации. Во введении к книге, изданной в сентябре 1937 года, Хулка-Ласковский писал: «Я был бы счастлив, если бы судьба позволила мне дожидаться момента, когда я смогу снять обвинения с чешских активистов в Заолзье. Я был бы счастлив, если бы увидел веселые улыбки там, где видел слезы, и если бы я мог вычеркнуть слово «чехизация» в своей книге и написать «дружба и братство» [16]. Книга была восторженно встречена польскими рецензентами. Различные виды несправедливости, совершенные по отношению к польским женщинам в Заолзье, описанные Хулкой-Ласковским, не только документировали дискриминационные действия чехословацкого правительства, но и подтверждали укреплявшееся в прессе мнение о недоброжелательности чешского народа. Рецензент Павел Кубиш напомнил, что еще Стефан Жеромский отмечал враждебность соседних народов к Польше. Составляющими ее были: недоброжелательность, обман, политическая неискренность, стремление напасть на поляков в удобный момент. Кубиш писал, среди таких враждебных народов были и чехи.

Нация с такими недостатками не заслуживала, по мнению поляков, принадлежности к славянской семье. Польские журналисты пришли к выводу, что

отрицательные черты чешского характера связаны с его серьезной германизацией. Польский публицист и писатель Ксаверий Прушиньский после длительного пребывания в Праге пришел к выводу, что ни одна славянская страна не является столь неславянской, как Чехословакия. По мнению Прушиньского, отношение чехов к немцам было двойственным: «Ни один славянский народ не сотрудничал с Германией так плодотворно, никто не может настолько их вынести» [17]. Однако чехи за столетия соперничества с Германией и ненависти к ней многому научились у своих врагов. Как признавал Вацлав Филюховский, путешествовавший по Чехословакии, чехи переняли у своих вечных врагов холодное упорство, расчетливость и неслыханный национальный эгоизм [18]. Стереотип о том, что чехи являются наиболее германизированными славянами, позволил польским интеллектуалам в контрасте с этим образом доказать, что Польша соответствует славянскому идеалу. Артур Гурский, известный довоенный литературовед, построил теорию о существовании «родины славянства» в Польше, как это ни парадоксально, ссылаясь на чешских писателей. Не называя имен и не цитируя никаких работ, он писал в 1938 году, что чехи в порыве откровенности заявляли, что Польша является сердцем славянского мира [19]. Гурский, вероятно, имел в виду такие славянские добродетели поляков, честность, гостеприимство, открытость и непосредственность, и в целом тезис о том, что многонациональная Вторая Речь Посполитая является воплощением идеала и незапятнанной модели славянства.

Интересным результатом путешествия упомянутого выше Филюховского из Праги в Оставу стало обнаружение доказательств того, что местные теории о чешском языке как самом чистом из славянских являются ложными. Филюховский считал чешский язык искусственным творением, а построение его современного варианта опиралось, по его мнению, на другие славянские языки, в спешной попытке избавиться от германизмов. Филюховский писал: «Эта педантичная, неестественная чистота языка, его чрезмерная славянскость – самая большая трудность в усвоении чешского и его духа» [20].

Большая часть польских интеллектуалов и политиков пыталась объяснить, почему поляки на самом деле мало связаны с чехами. Утверждалось, что причина кроется в национальном характере обоих. Чешская нация описывалась как нация рыночных продавцов, а поляки считались рыцарским народом, во всех делах с честью державшим свое слово. Мелочность, чешский прагматизм (еще несколько лет назад столь высоко ценимый в польской журналистике) резко контрастировали с подчеркнутой польской щедростью, патриотизмом и романтизмом. Поэтому, чтобы показать читателю разницу между двумя соседними странами, польские журналисты начали углубленный исторический анализ.

Чтобы заклеить национальные пороки чехов, использовались аргументы из далекого прошлого. Польская журналистика быстро доказала, что на протяжении веков чехи всегда были лживыми, вероломными и обычно не соблюдали свои договоры и соглашения, заключенные с поляками. По утверждению Ежи Длуского, который писал для культурного и социального еженедельника «Sprawy Otwarte», чехи уже в X веке предали идею защиты всех славян от германского давления. Они передали эту ответственность полякам, но упорно и коварно атаковали их в последующие века, в ситуации, когда, несмотря на такую неблагодарность, польские короли всегда приходили на помощь чешским братьям. Не стал исключением и 1863 год, когда чешская пресса назвала польских повстанцев бандитами. Однако настоящей «красной линией» стал удар, нанесенный в 1920 году: когда поляки героически остановили большевиков на Висле, чехи аннексировали Тешинскую Силезию [21].

Профессор Мариан Шийковский в своем эссе на схожую тему предложил несколько иной взгляд на польско-чешские отношения, прежде всего в XVIII и XIX веках. Он напоминал о выдающихся чехах прошедшего столетия, которые черпали вдохновение из польской культуры: Антонин Ярослав Пухмайер, Ян Неедлы, Юзеф Юнгман. Историческое русофильство, столь естественное для чехов и совершенно непонятное большинству поляков, являлось, по мнению автора эссе, причиной трудных взаимоотношений между двумя народами, столь близкими друг к другу [22].

С другой стороны, Станислав Колбушевский, профессор Польского университета в Риге, считал, что Россия стала важным политическим союзником этой страны [23]. В интерпретации Колбушевского неприязнь между поляками и чехами проистекала из демократического чешского убеждения, что в поляках все еще преобладает благородный и аристократический дух, столь чуждый чехам. Чешско-русские или чехословацко-советские симпатии не основывались только на историческом опыте. Они также не были результатом динамично меняющихся европейских политических условий. Хорошие отношения между двумя странами следует искать в чешском экономическом прагматизме, которого Польше так не хватало. В его основе лежала общность экономических интересов, которые связывали Чехословакию и СССР в 1920-1930-е годы, прежде всего активную покупку чехословацких товаров Советским Союзом на весьма крупные суммы.

Драма падения Чехословакии, которая происходила с октября 1938 по март 1939 года, дала польской журналистике возможность еще раз сравнить преимущества поляков с недостатками чехов. Неоказание южным соседом вооруженного сопротивления заставило большую часть польских журналистов поверить в то, что чехи – трусы. Тем более этот стереотип подкреплялся прекрасной осведомленностью прессы Польши о том, насколько хорошо была вооружена, подготовлена и мотивирована чехословацкая армия. Этот факт вызывал все большее и большее презрение, а отсутствие настоящего боевого духа, по мнению поляков, доказывал, что чехи являются «народом Швейка». Они были лишены атрибутов великой нации.

Наблюдая за исчезновением Чехословакии, еженедельник «Jutro Pracy» указал на причину произошедшего в понимании редакции: «Возможно, этот удар – потеря собственного государства – пробудит в них национальный дух, и, возможно, народ Швейка действительно станет нацией, но пока жизнь ясно показывает, что чехи не заслуживают того, чтобы ей называться» [24]. Чехи были далеки от польских образцов «воюющей нации». Они не культивировали рыцарские традиции и волю к борьбе. Именно трусливые граждане – как утверждала часть польской прессы – способствовали тому, что их страна рухнула.

Ксаверий Прушиньский интерпретировал падение «швейцарской нации» совершенно иначе. Бессменный корреспондент газеты «Wiadomości Literackie» в сентябрьском анализе 1938 года утверждал, что чехи – абсолютные прагматики. Он утверждал, что им нужно знать, будет ли борьба прибыльной и принесет ли кровопролитие ощутимые выгоды. Прушиньский писал, рассуждая об историческом контексте существования чехов: «Это народ Санчо Панс, который ищет преимуществ. Это народ Швейка, который, вопреки ложному мнению поляков, ни в коем случае не является трусливым, но для того, чтобы сражаться и рисковать своей жизнью, нуждается в определенной причине, которую австро-венгерская монархия предоставить не могла» [25].

С другой стороны, менее чем за несколько месяцев до падения Чехословакии Прушиньский утверждал, что чехов сформировал дух гуситского национализма, в котором также были революционные компоненты, которые в дальнейшем вызывали

симпатию ко всем революционным движениям от коммунистов до анархистов. Особенно интересными представлялись его наблюдения двойственности чешской природы. С одной стороны, Прушинский видел в этом непростой дух бунта – наследие гуситства, с другой – подчеркивал кропотливое усердие, строгую организацию и в то же время индивидуализм, смешанный с заботой о материальных вещах, выдвинутых на первый план жизни. По мнению Прушинского, это создало черту, аналогичную протестантской психологии: «Разве Гус не был просто учеником Уиклифа, предшественника Реформации?» – спрашивал Прушинский [26].

Риторический вопрос заключался в том, как чешская храбрость угасла за несколько лет? Национальная пресса Польши очевидно указывала на отсутствие боевого духа как на причину поражения Чехословакии. В начале апреля 1939 года национал-демократические силы Польши увидели главную причину агонии Чехословакии в том, что демократичные чехи доверяли переговорам и договорам, а не своим силам, они доверили другим странам защиту самих себя. Такое доверие, несовместимое с какой-либо национальной философией, привело к неминуемому разрушению государства.

Правые польские националисты описывали в своей прессе «дух» и «психику» южного соседа. Сурово оценивалось отсутствие воинственности чехов, писалось, что этот народ не обладал рыцарской и солдатской силой, был лишен чести и воли бороться за свою свободу. Был сделан вывод, что Чехословакия была свергнута не столько внешними факторами, сколько собственным бессилием. Слабость чехов подтверждалась их так называемой «национальной мягкостью», боязнью войны и ее неизбежных последствий. Вот как это было охарактеризовано: «Чехи проиграли решающую битву в своей душе – остальное было лишь следствием. Внутреннее поражение явилось фактором поражения внешнего. За одним последовало другое. Нация без рыцарского духа существовать не может» [27].

Приведенное выше определение причин разрушения соседнего государства стало для редакторов издания «Polska Narodowa» прекрасным предлогом напомнить о величии польской нации. По мнению газеты, рыцарский польский народ был готов противостоять любому врагу. Поляки, в отличие от чехов, не испытывали комплексов по отношению к своим соседям. Их безграничная сила черпалась из великого наследия прошлого – Битва на собаьем поле, Грюнвальд, оборона Вена, Варшавская битва 1920 года. Славная история Польши должна была дать толчок вере в успех предстоящей войны. «Polska Narodowa» была в этом абсолютно убеждена, возвышенно утверждая следующее: «Мы спокойны, потому что знаем, что наши победы не остались в прошлом. Мы прекрасно знаем, что в будущем наши штыки будут орудием наших побед. Этих побед мы ждем» [28].

Несмотря на жесткую оценку характера чехов, журналистика национального лагеря в 1937–1938 годах не выработала единой позиции. В апреле 1938 года ученики Дмовского, как называли себя журналисты упоминавшейся выше «Polska Narodowa», призывали к политическому реализму. Несмотря на серьезные оговорки по отношению к чехам, утверждалось, что Польше нужен такой союзник ввиду германской угрозы. Раздавались призывы вовлечь братский чешский народ в орбиту польской политики. В условиях растущей мощи Третьего рейха это рассматривалось почти как обязательное действие.

Падение Чехословакии для польских политических кругов символизировало банкротство идеи демократии. В среде эндеков и доктине санационного режима признавалось, что служение польскому государству было долгом, а не привилегией. Поражение чешской политической философии, которая признавала, что государство служит нации, а не наоборот, принесло полякам большое удовлетворение:

«Чехословакия претворяла в жизнь девиз, что Чехословакия для чехов, а не как должно быть, что чехи существуют, чтобы служить интересам и потребностям Чехословакии. На каждом шагу провозглашалось, что чехи обрели независимость и великое государство, что каждый чех найдет легкий хлеб и деньги, что государство существует для того, чтобы чехи преуспели, а не для того, чтобы служить ему каждым вздохом своей жизни, с постоянным отрицанием и самопожертвованием» [29].

В Польше заклеямили то, что чехи считали своей величайшей заслугой в Центральной и Восточной Европе. Они ценили свою развитую демократию гораздо больше, чем даже развитие отечественной промышленности. Эдвард Бенеш несколько раз упоминал аксиомы сложившейся политической системы. По его мнению, чехи созрели для этой формы правления больше, чем соседние страны. Бенеш даже считал, что диктатуры, окружающие Чехословакию, укрепляют чехословацкую форму правления [30]. Кстати, во второй половине 1930-х годов чехи уже не так гордились эффективностью своей политической системы. Благодаря уникальной системе они превратились в одинокий остров в море полуавторитарных, авторитарных и тоталитарных режимов. Между тем, когда в августе 1937 года Чехословакия и Португалия разорвали дипломатические отношения, в чешской журналистике быстро появилось множество публикаций, требующих введения системы по образцу салазаровского режима [30].

Во второй половине 1930-х годов националистические круги, особенно демонстрирующие свою близость к Римско-католической церкви, неоднократно анализировали внутреннюю ситуацию в Чехословакии. Эскалация национальных конфликтов в стране вызвала особый интерес в прессе национал-демократов. Увеличивалось количество критики по отношению к чехословацкому руководству за внесение раздора между славянскими народами. Чехов считали шовинистами, преследующими поляков, русинов и словаков. Польские национал-демократы были удовлетворены тем, что словаки не позволили убедить себя в существовании единой чехословацкой нации. По мнению Войцеха Дунина, журналиста газеты «Polska Narodowa», словаки считали, что чехословацкой нации нет: есть только словацкая и чешская нации, а идея их единства – это искусственная конструкция, с помощью которой чехи хотят замаскировать свои усилия по чехизации словаков [30].

Ксаверий Прушиньский, критически относившийся к словакам, придерживался совершенно другого мнения. В июле 1938 года он не верил в создание независимого словацкого государства. Для него словаки были нацией, которая не имела истории и не внесла ничего значимого в культуру человечества. Вот почему Прушиньский искренне поддержал идею создания чехословацкой нации [17].

Явный рост интереса к проблемам Словакии как части соседней страны произошел в 1938–1939 годах. В январе 1938 года газета «Naród i Wojsko» писала, что у поляков и словаков никогда не было конфликтов в прошлом. Напоминала газета и о том, что чехи не соблюдали Питтсбургское соглашение, которое гарантировало словакам многочисленные национальные свободы. Издание обвиняло чехов в непризнании существования самостоятельного словацкого языка и попытках представить его всего лишь диалектом чешского.

Вера в то, что словаки понимают поляков намного лучше, чем чехов, стала почти догмой. Помимо языковой близости, особое внимание уделялось общему культурному наследию и географической близости. Поляки хорошо понимали борьбу словаков за независимость. Польская пресса напоминала, что чехи никогда не выполняли никаких обязательств перед Словакией [31].

Польская журналистика нашла подтверждение негативного отношения чехов к словакам в книге словацкого историка и публициста Константина Чулена «Pittsburghská dohoda» («Питтсбургское соглашение»), изданной в Братиславе в 1937 году. Её активно и остро комментировали в польской печати. В Польше обращали внимание на то, что словаки подвергались дискриминации в чехословацкой армии еще со времён Первой мировой войны, когда в формировавшихся во Франции воинских частях все офицерские должности были отданы чехам [32].

Заявления о дружбе со словаками и заявления о готовности помочь публиковались в ежемесячных журналах, еженедельниках и ежедневной прессе. Кульминацией прословацких тенденций в польской журналистике стала публикация в 1938 году книги Вацлава Ольшевича «O polsko-słowackiej współpracy na terenie Śląska Cieszyńskiego» («О польско-словацком сотрудничестве в Тешинской Силезии»).

В Польше словацкие писатели печатали свои античешские брошюры и книги. В 1935 году Франтишек Егличка, теолог и профессор теологии Католического университета Варшавы, издал книгу «Quo vadis Słowaczyno?» («Куда идёшь, Словакия?»). Об этом с большим интересом сообщала польская пресса [33]. В 1938–1939 годах словаки получили еще большую поддержку польской журналистики. Многочисленные газеты и журналы в Кракове, Познани и Варшаве призывали словаков публиковать свои статьи в местной прессе. Впрочем, некоторые словаки использовали эту возможность для критики польских взглядов на страницах польской же прессы, призывая к диалогу с чехами. Известный словацкий полонофил Карол Сидор, к примеру, раскритиковал газету «Kurier Warszawski» и ее редактора Станислава Стронского. Его удивляло, что Стронский, отождествляя себя со славянской идеей, совершенно неправильно понимал политические интересы Словакии [34].

Подводя итог, следует отметить резкость изменений в образе Чехословакии в польской печати, которые произошли в 1934 году. Политические решения чехословацкого руководства по сближению с СССР привели к тому, что в очень короткий период риторика газет Польши по отношению к соседнему государству изменилась на прямо противоположную. Журналисты искали в истории, культурных особенностях и национальном характере чехов подтверждение их антипольских настроений, лживости и коварства, а также ряда других негативных черт. На контрасте активно поддерживалось словацкое национальное движение, а черты словаков и их образ в польских газетах создавался нарочито благородным и близким полякам. Все это явно демонстрирует активное использование Второй Речью Посполитой периодической печати в своих политических целях, и нарратив на страницах периодики менялся в соответствии с ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kasprzycki R. Dobrzy i źli bracia. Obraz Czechów i Słowaków w publicystyce II Rzeczypospolitej // Zeszyty Prasoznawcze. – 2015. – V. 58, nr. 4 (224). – S. 905–929.
2. Januszewska-Jurkiewicz J. Zaolzie w polityce rządu i opinii społeczeństwa polskiego (1925-1937). – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. – 192 s.
3. Rogozik D. Stosunki polsko-czechosłowackie w latach 1934-1938 w świetle śląskiej „Polonii” i „Polski Zachodniej” // Pamiętnik Cieszyński. – 2001. – V. 16. – S. 51-85.
4. Média - dějiny - společnost: obraz Polska a Poláků v českých médiích // red. Monika Horsáková. – Opava: Slezská univerzita v Opavě, 2020. – 118 s.
5. Szał antypolski w Czechach. Jad nienawiści ku wszystkiemu co polskie // Polska Zbrojna. – 1934. – Nr. 95. – S. 1.
6. Kampania antypolska // Polska Zbrojna. – 1934. – Nr. 97. – s. 2.
7. Pobóg-Niemętowski R. Za Olzą // Łowicz. – 1938. – Nr. 21-22. – S. 193.

8. Wynaradawianie Polaków // *Naród i Wojsko*. – 1934. – Nr. 2. – S. 15.
9. Bezbożnicy działają // *Dzwon Niedzielny*. – 1934. – Nr. 3. – S. 37.
10. Dwulicowość polityki czeskiej. Oburzająca książka min. Szeby w świetle interpretacji, deklaracji i prasy // *Naród i Wojsko*. – 1937. – Nr. 8. – S. 2.
11. Benes E. Odrodzenie narodów, z upoważnienia autora. Warszawa–Kraków–Poznań– Lwów: Instytut Wydawniczy „Renaissance”, 1937.
12. M. W. Książki o wojnie (dokończenie) // *Polska Zbrojna*. – 1934. Nr. 126. – S. 5.
13. Z. W. Szejnk na scenie // *Myśl Narodowa*. – 1930. – Nr. 29. – S. 458.
14. Z tamtej strony // *Polska Zbrojna*. – 1934. – Nr. 102. – S. 2.
15. Nasi współcześni. Adolf Nowaczyński po 35 latach miłości zerwał z Czechami // *Merkuryusz Polski*. – 1937. Nr. 7. – S. 199-201.
16. Hulka-Laskowski P. Śląsk za Olzą, z 274 ilustracjami i 2 mapami. – Katowice: Wydawnictwo Instytutu Śląskiego, 1938.
17. Pruszyński K. O czas Świętego Wojciecha. Listy z Czechosłowacji. Od specjalnego wysłannika Wiadomości Literackich // *Wiadomości Literackie*. – 1938. – Nr. 38. – S. 3.
18. Filochowski W. Cierpkie pobratymstwo. Książka o Czechosłowacji. – Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”, 1938.
19. Górski A. Niepokój naszego czasu. – Warszawa: Nakładem Komitetu Wydawniczego, 1938.
20. Dłuski J. Stosunki polsko-czeskie w rozwoju historycznym. // *Sprawy Otwarte*. – 1938. – Nr. 10. – S. 6.
21. Szykowski M. O tzw. „wzajemności” czesko-polskiej (wspomnienie historyczne) // *Ateneum*. – 1939. – Nr. 3. – S. 351-363.
22. Kolbuszewski S. Polska a Czechy. Zarys zagadnień kulturalnych. – Poznań: Drukarnia Wydawnicza Fr. Krajana Spółka z o.o. Poznań, 1939.
23. Karabin to nie wszystko // *Jutro Pracy*. – 1939. – Nr. 12. – S. 3.
24. Pruszyński K. Praga, Caput Regni, Listy z Czechosłowacji. Od specjalnego wysłannika Wiadomości Literackich // *Wiadomości Literackie*. – 1938. – Nr. 25. – S. 1-3.
25. Pruszyński K. Hlinka. Listy z Czechosłowacji. Od specjalnego wysłannika Wiadomości Literackich // *Wiadomości Literackie*. – 1938. – Nr. 29. – s. 3.
26. Jesteśmy gotowi! // *Polska Narodowa*. – 1939. – Nr. 14. – S. 3.
27. Rudzki B. Czechosłowacja w okowach // *Tęcza*. – 1939. – Nr. 6. – S. 27-32.
28. Knickerbocker H.R. Europa w mundurze. – Warszawa: Nakładem Księgarni M. Fuchtmanna, 1935.
29. Małkiewicz A. Samobójstwo demokracji. Czechosłowacja w okresie II Republiki 1938–1939. – Wrocław–Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2013.
30. Dunin W. Mniejszości narodowe w państwie czechosłowackim // *Polska Narodowa*. – 1937. – Nr. 4. – S. 5.
31. K. H. Istota słowackich dążeń politycznych // *Naród i Wojsko*. – 1938. – Nr. 4. – S. 3.
32. K. H. Słowacy gnębieni w czeskiej armii podczas wielkiej wojny // *Naród i Wojsko*. – 1938. – Nr. 21. – S. 2.
33. Głos słowacki przeciw Czechom // *Ilustrowany Kurier Codzienny*. – 1935. – Nr. 193. – S. 7.
34. Sidor K. Prawda o wyprawie Słowaków do Polski // *Ziemia Podhalańska*. – 1938. – Nr. 8. – S. 15-23.

Поступила в редакцию 23.07.2023 г.

IMAGE OF CZECHOSLOVAKIA IN PERIODICAL PRESS OF POLAND 1934–1938

V.S. Saiganov

This article researches main stereotypical characteristics of image of Czechoslovakia in periodical press of Poland 1934–1938. Reasons for sudden rise of hostility towards neighboring country, main stages and display of negative attitude of authors are reviewed. Conclusions are made about influence of mass media on developing negative image of Czechoslovakia in public consciousness of Poland are made.

Key words: Poland, Czechoslovakia, image, stereotype, periodicals.

Сайганов Вадим Сергеевич

Аспирант кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».

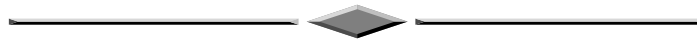
E-mail: saiganov_vadim@mail.ru

Saiganov Vadim Sergeevich

Postgraduate student of the Department of History of
Russia
Donetsk State University.

E-mail: saiganov_vadim@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 172

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

© 2023. *И.И. Бартагариева*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена исследованию этических проблем общества цифровой эпохи. Автор дает определение понятиям «цифровая этика», «цифровизация», «информационное общество» и др. Сделан вывод о том, что к основным аспектам цифровой этики относятся: 1) аспект свободы, безопасности и конфиденциальности; 2) аспект связи этики и права в цифровой среде; 3) аспект сохранения гуманистической направленности социального развития; 4) аспект возможности моральной субъектности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровое общество, этика, мировоззрение, традиция, ценности.

Введение. Этика – это учение о морали, о системе ценностей, убеждений, идеалов, представлений человека о добре и зле, о хорошем и плохом, о должном и сущем. Этика в общественном контексте является «дорожной картой» динамики социокультурных трансформаций. Сохранение целостного этического каркаса мировоззрения общества является особенно актуальным вопросом в переходные периоды развития общества, одним из которых является наступление цифровой эпохи. Цифровизация коренным образом меняет не только внешнюю систему общественных отношений – сферы права, науки и образования, социальные коммуникации, культуру и так далее, но и сопровождается глубинными мировоззренческими трансформациями, порождающими серьезные этические вызовы. Учет этического аспекта общественных изменений весьма важен для целостного и всестороннего понимания развития цифрового общества, его основных проблем и перспектив.

Государство как основной политический институт, в ходе своей исторической эволюции взаимодействовало с базовыми факторами, формировавшими этические смыслы – религией (в Древнем мире и Средневековье), экономикой (начиная с Нового времени и до наших дней) и цифровыми корпорациями современности. Именно цифровые гиганты выступают на сегодня главным фактором, определяющим систему общественной морали в глобальном масштабе. В связи с этим перед обществом и государством встает целый ряд вопросов, связанных с общественными ценностями, лидерством страны в мировом контексте, изменениями в правовом поле, безопасностью. Все эти вопросы, так или иначе, касаются этической сферы. В условиях глобальной цифровой конкуренции перед каждой страной встает задача сохранения своего ценностного этического ядра, что, фактически, означает сохранение независимости и суверенитета.

Цель статьи: выявление специфики основных этических аспектов развития общества в эпоху цифровизации.

Проблему этики цифровой эпохи исследовали такие авторы как Е.В. Андриенко [1], Р.С. Выходец и В.В. Шляпников [2], А. Иванов [3], М. Кастельс [4], Р. Капурро [9], Т.В. Кузьмина [5], Г.П. Отюцкий и О.К. Щипунов [6],

А.Ю. Согомонов [7], К. Томли [10] и др. Вопрос цифровой этики в контексте современного социокультурного пространства является, тем не менее, недостаточно изученным и требует дальнейшей философской разработки.

Основная часть. Говоря об этике цифрового общества, следует проанализировать не только данное понятие («цифровая этика»), но и связанные с ним понятия и категории, такие как информационная этика, информационное общество, цифровизация и цифровое общество.

Информационное общество – это одно из самых распространенных понятий в социально-гуманитарных исследованиях начала XXI века. Для раскрытия сути данного понятия целесообразно обратиться к ставшим уже «классическими» идеям испанского ученого М. Кастельса, который в своей фундаментальной работе «Информационная эпоха: Экономика, общество и культура» [4] обосновывает тезис о том, что современное общество характеризуется культурой «реальной виртуальности». К таким базовым составляющим социальной структуры как производство, гендерные отношения и власть, испанский теоретик добавляет также способ развития – технологии, посредством которых труд воздействует на материал с целью создания того или иного экономического продукта, а также экономического профицита. Р.С. Выходец и В.В. Шляпников указывают на связь технологий и понятия «цифровая этика»: «„Цифровую“ этику можно рассматривать как подмножество “техноэтики” (technoethic) – термин, предложенный в 1975 году философом и физиком Марио Бунге для обозначения необходимости для технологов и инженеров развивать этику как отрасль технологии, с упором на информационные коммуникационные технологии, включая вычислительную технику» [2, с. 44]. Согласно определению Р. Капурро – основателя ICIE (Международный центр информационной этики), цифровая этика – это этика, которая рассматривает влияние цифровых технологий на общество и окружающую среду [9]. В целом, можно считать, что такие понятия как «цифровая этика», «компьютерная этика», «информационная этика» – это синонимы, так как во всех случаях речь идет о последствиях влияния новейших (цифровых компьютерных) информационных технологий на социальное и личностное бытие, на сферу общественных и межличностных отношений.

Если пользоваться диалектической методологией и марксистским подходом, то можно сделать вывод, что цифровая этика возникла на основе цифровой экономики (экономики информационного общества). В экономике информационного общества знание выступает источником формирования технологии, а новейшие технологии, в свою очередь, способствуют усовершенствованию процесса производства новых знаний. Иначе говоря, в информационном обществе, в отличие от всех других типов общества, знание воздействует на знание. Примером этому служат современные способы получения энергии из внешней среды (использование энергии солнца, ветра и так далее) в результате новейших научных разработок. М. Кастельс подчеркивает, что хотя информационные технологии зарождаются в сфере производства, они распространяются на все остальные сферы жизни общества и трансформируют и власть, и отношения между людьми, и экономику [4, с. 186]. Эти трансформации затрагивают и этическую сферу.

Итак, можно определить информационное общество как социальную систему, в которой большинство ее участников занято работой с информацией – ее производством, хранением, обработкой и практической реализацией. Информационная экономика – это, соответственно, экономика информационного общества, представляющая собой процесс постепенного перехода общества к доминирующему производству информации и знаний как высшей формы информации. Цифровизация –

это процесс перестройки тех или иных форм человеческой деятельности с использованием современных информационных технологий.

Цифровая этика – это: 1) наука о наиболее общих принципах и нормах морали общества эпохи цифровизации; 2) система этических представлений цифровой эпохи, способствующая оптимизации использования цифровых технологий, а также регулирующих взаимодействие людей с этими технологиями.

Цифровизация как глобальный трансформационный процесс, имеет целый ряд этических вопросов. К ним относятся следующие аспекты.

Аспект свободы, безопасности и конфиденциальности. Одна из основных этических дилемм цифровизации – это рост безопасности и информационной открытости в сочетании с уязвимостью личных данных и потенциальной опасностью тотального контроля над всеми сферами частной жизни со стороны лиц и организаций, имеющих доступ к личным данным. Т.В. Кузьмина в своей работе анализирует эту дилемму в терминах равновесия между демократическими и монархическими элементами власти [5, с. 60]. Если рассматривать монархию и демократию как некие идеальные состояния общественной системы, где демократия – это приоритет элементов над целостностью, а монархия – это приоритет целостности над элементами, то цифровизация придает этой диалектической паре противоположностей новую остроту. Развитые общественные системы современности опираются на демократию как на свой аксиологический фундамент. Иными словами, демократия воспринимается как ценность и благо уже сама по себе. Поэтому усиление цифрового контроля над социальными процессами и отдельными элементами социальной системы неизменно вызывают негативную реакцию. В странах Востока, в частности, в тех, где распространены конфуцианские (и коммунистические) ценности (например, Китай), общественное сознание гораздо легче адаптируется к цифровым нововведениям. Примером является отношение к QR-кодам в России и Китае. Если в России практика введения системы QR-кодов во время известных событий 2020–2021 гг. вызвала бурю негодования, соответствующие заявления и посты в социальных сетях, то в Китае такие понятия как QR-код, паспорт здоровья и так далее давно уже стали нормой жизни. Е.В. Андриенко и Д.В. Корнюхов в своем исследовании указывают на то, что современные политические лидеры демократических обществ Запада обязаны быть открытыми для дискуссий и критики, в то время как, например, в Северной Корее с ее национальной аксиологической системой и акцентом на уважении возраста и социальной иерархии, демократическое лидерство, дискуссии и публичная критика недопустимы [1, с. 68]. При этом приоритет демократических ценностей в обществе или же, наоборот, их нивелирование, сегодня непосредственно связаны с распространенностью цифровых технологий и доступом к информации.

В контексте цифровой этики либеральной цивилизации следует указать на следующий парадокс – при декларации идей гражданского общества, самоуправления и индивидуализма свобода и безопасность личности каждого отдельного гражданина все более зависят от государства. Давление государства, соответственно, нарастает, прежде всего, в связи с развитием новейших информационных технологий. Этическая дилемма (которая одновременно является дилеммой безопасности личности и государства) здесь заключается в том, что разграничение частного и общественного становится весьма затруднительным, а это способствует легитимному отвоевыванию государством плацдарма свободы у личности.

Особое место среди этических проблем цифрового общества занимает вопрос информационной конфиденциальности личных данных членов общества. Крупные

корпорации, занимающиеся разработкой и внедрением цифровых технологий, неизбежно занимаются централизованным хранением личных данных, и этот факт сам по себе уже давно является объектом критики и широкого социального и научного обсуждения [8]. В связи с этим было сформулировано общеевропейское положение о конфиденциальности (General Data Protection Regulation), акцентирующее внимание на таких аспектах как: четкое определение и ограничение целей сбора информации; строгое соблюдение изначально заявленных объемов сбора личных данных; ограничение срока хранения личных данных в соответствии с заявленной целью.

Аспект связи этических и правовых норм цифрового общества. Право и мораль являются регуляторами общественных отношений. Если право – это кодифицированные нормы и правила поведения, то нормы морали, зачастую, представлены в неписаной форме. И право, и мораль в цифровом обществе подвергаются существенным изменениям, которые выражаются в следующих тенденциях: 1) снижение инвариантности регулирования и унификация норм благодаря объединению больших масс людей с помощью информационных технологий; 2) усиление влияния общественных институтов, формализующих нормы морали; 3) снижение роли национального фактора в формировании как правовых, так и моральных норм; 4) частичная автоматизация (машинизация) права, за исключением абстрактных и сложноформулированных норм, апеллирующих к метаправовым источникам [3]. Возможно, в будущем общество разделится на тех, кто будет поддерживать цифровизацию и тех, кто будет бороться против нее, в том числе, обращаясь к праву. В данном случае возможен акцент именно на национальных правовых особенностях в противовес глобальной цифровизации.

Аспект сохранения гуманистической направленности развития общества цифровой эпохи. Общество – это обособившаяся часть природного бытия. При этом современный человек рождается в реальном мире, а проживает жизнь в значительной степени в мире виртуальном. Здесь возникает множество вопросов, связанных с эстетикой, телесностью и гуманизмом в самом широком его понимании. Развитие социума цифровой эпохи ускоряется в связи с человеческим творчеством. На сегодняшний день члены общества должны производить ценности, в которых все большую роль играет инновационность и творческий подход. Это, с одной стороны, фактически принуждает индивида к постоянному саморазвитию, которое отталкивается от культурной традиции (в рамках которой оно раньше протекало). С другой стороны, цифровизация порождает вызов сохранения человеческого общества именно как человеческого, а не машинного. Устойчивое развитие человеческого общества в эпоху цифровизации определяется балансом индивидуального (онтогенетического) развития, социального (филогенетического) и технократического [5, с. 65]. На сегодняшний день существует тенденция доминирования технократического развития. Это означает, что необходимо предпринимать системные усилия по поддержанию первых двух эволюционных линий.

В цифровом обществе с его виртуальным пространством фактически исчезла традиционная оппозиция ролей производителя и потребителя. В таких условиях, как пишет А.Ю. Согомонов «размываются границы между привычными для современности крайностями (по типу: работа-досуг, свобода-неволя, гарантии-неопределенность), что собственно элиминирует все социальные детерминанты рациональной морали» [7, с. 81]. В цифровом пространстве меняется и расширяется само понимание нравственного субъекта. Если раньше нравственным субъектом выступал человек, то сегодня ответ на вопрос о том, кто же такой нравственный субъект, далеко не столь

однозначен. В понятие нравственной субъектности постепенно включаются нечеловеческие сущности, порожденные человеческим разумом.

Аспект возможной моральной субъектности искусственного интеллекта. Проблема возможности наличия морали у искусственного интеллекта обсуждалась в течение последних нескольких десятилетий, но особую остроту приобрела в последние несколько лет. Симптоматичным является реакция Римско-Католической Церкви, которая в 2020 г. представила Этическую инструкцию по применению искусственного интеллекта. Основная идея инструкции – цифровые технологии должны способствовать человеческому творчеству, а не вытеснять или замещать его. Если допустить, что знание о морали можно оцифровать как и любое другое знание, то это может породить глубокий мировоззренческий и антропологический кризис. Поскольку в таком случае будет признана автономность искусственного интеллекта как морального субъекта, а значит он станет равным человеческой личности. Проблема заключается в том, что цифровая этика не дает на сегодняшний день четких моральных ориентиров, не является универсальной в том смысле, в каком были универсальны мировоззренческие ценности эпохи Модерна.

Таким образом, цифровая этика – это наука о наиболее общих принципах и нормах морали общества эпохи цифровизации, а также система этических представлений цифровой эпохи, способствующая оптимизации использования цифровых технологий, а также регулирующих взаимодействие людей с этими технологиями. Основными «проблемными полями» цифровой этики являются: 1) соотношение свободы, безопасности и конфиденциальности; 2) связь этики и права в цифровой среде; 3) сохранение гуманистической направленности социального развития; 4) возможность моральной субъектности и автономии искусственного интеллекта. Перспективными направлениями дальнейших исследований является анализ тенденций в сфере наделения искусственного интеллекта моральным сознанием, а также исследование общественного мнения по вопросу продвижения цифровых технологий и их этической легитимации, или же критика данных процессов и поиск альтернативных путей развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко Е.В., Корнюхов Д.В. Философия лидерства в аспекте политического бытия современного общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – № 2(26). – С. 64–70.
2. Выходец Р.С. Краткий исторический обзор исследований в области цифровой этики / Р.С. Выходец, В.В. Шляпников // Общество. Среда. Развитие. – 2021. – № 4. – С. 43–47.
3. Иванов А. Цифровая этика и право / А. Иванов // Zakon.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/12/07/cifrovaya_etika_i_pravo
4. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Кузьмина Т.В. Этика цифрового общества: неизменное и меняющееся / Т.В. Кузьмина // Научные достижения высшей школы 2020: Сборник статей международного научно-исследовательского конкурса. – Петрозаводск: ИП Ивановская Т.И., 2020. – С. 57–68.
6. Отюцкий Г.П. Информационная этика как понятие и как социальное явление: методологический анализ / Г.П. Отюцкий, О.К. Щипунов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3(65): в 2-х ч., Ч. 1. – С. 132–136.
7. Согомонов А.Ю. Этическая повестка «цифрового общества» / А.Ю. Согомонов // Ведомости прикладной этики. – 2020. – Вып. 56. – С. 71–85.
8. Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2022. – 202 с.
9. Capurro R. Digital Ethics / R. Capurro [Electronic Resource]. – URL: <http://www.capurro.de/korea.html>

10. The Role of Ethics in Developing Professionalism Within the Global ICT Community / C. Thornley, S. Murnane, S. McLoughlin, M. Carcary, E. Doherty, L. Veling // International Journal of Human Capital and Information Technology Professionals. – 2018. – No. 9 (4). – P. 56–71.

Поступила в редакцию 08.08.2023 г.

ETHICAL PROBLEMS OF THE DIGITAL AGE

I. I. Bartagariyeva

The article is devoted to the study of the ethical problems of the society of the digital age. The author defines the concepts of “digital ethics”, “digitalization”, “information society”, etc. It has been concluded that the main aspects of digital ethics include: 1) the aspect of freedom, security and confidentiality; 2) the aspect of the connection between ethics and law in the digital environment; 3) the aspect of maintaining the humanistic orientation of social development; 4) the aspect of the possibility of moral subjectivity of artificial intelligence.

Key words: digital society, ethics, worldview, tradition, values.

Бартагариева Ирина Ириковна

старший преподаватель кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
E-mail: ira@donnu.ru

Bartagariyeva Irina Irikovna

Senior Lecturer of the
Chair of Philosophy,
Donetsk State University
E-mail: ira@donnu.ru

УДК 1(091)

**ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ XX ВЕКА:
РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ VS МАРКСИЗМ**© 2023. *А.А. Миргородский**ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского»*

В статье рассматривается содержание антропологической концепции в философско-религиозном творчестве мыслителей XX века. Содержание антропологической концепции в данной традиции выступает целостным феноменом, соединяя в себе любовь, свободу, труд. Человеческая личность имеет главенствующее место во всей современной философии. Марксистская позиция вовсе не исключает религиозного пути достижения идеала гармоничной личности.

Ключевые слова: антропология, личность, марксизм, творчество, христология.

В последнее время в связи с трансформациями в общественной сфере особое значение приобретает антропологическая проблематика. Проблема человека в религиозной философии разрешается в сторону христологии, где доминирует понимание о том, что «Бог есть любовь», что соответственно предполагает оценку человека как существа любящего. Марксистская концепция человека апеллирует к понятию труда, но труд дает лишь отчуждение. Сила любви состоит в том, что она преодолевает отчуждение. На наш взгляд, религиозную и марксистскую концепции человека нельзя противопоставлять, а наоборот – необходимо найти точки пересечения между данными мировоззренческими системами.

Цель статьи – показать, каким образом проявилась и реализовалась антропологическая тема в религиозной философии XX века в контексте определенного переосмысления марксистской философии.

Любовь в антропологическом аспекте исследовали В.И. Красиков, С.Б. Крымский, А.М. Руденко, Р.Б. Сабекия, Л. Энгельштейн проблему человека. Делается основной вывод, что любовь и человечность синонимичны, а, следовательно, тайна любви – это тайна человека вообще. В.И. Шинкарук отстаивает принципы веры, надежды, любви как основу творческой свободы человека. В философии В.И. Шинкарука просматривается человеческое измерение философских взглядов, его антропоцентризм. Для осуществления любви в мире необходима действенная сила разума и воли человека. Необходимо упомянуть также тот факт, что с именем В.И. Шинкарука связывается понимание философии как пути веры – надежды – любви. В антропологическом разрезе К. Василев делает следующие обобщения: реализация любви как явления социальной жизни всегда происходит в определенной индивидуализированной форме. На первый план в любви автор выдвигает как человеческие чувства, так и ее духовные черты.

Ю.Б. Рюриков считает, что по своей природе любовь не терпит никаких «внешних пут», она – сильнейшее стремление к свободе. Только преодоление препятствий может превратить первую влюбленность в глубокое чувство с ощущением дорожения Другим. Семья будущего должна стать месторождением «счастья невиданного и неслыханного», но главное на этом пути идти постепенно к намеченной цели, любовь возникает постепенно (Ибн Хазм). Это теорема, которую нужно доказывать постоянно (Архимед). По мнению исследователя, избавят от проблем союзы семей, когда люди, близкие по взглядам и интересам, будут помогать друг другу в домашнем хозяйстве, воспитании

детей. Но, с другой стороны, быт и семья ограничивают. Поэтому необходимо творчество хороших отношений с людьми, диалог культур, ведь на Востоке брачующиеся живут с родителями. Исследователь говорит о романтическом таинстве любви, об ее эстетике и этике, связи духа и тела, о чистой страсти любви. По мнению Ю.Б. Рюрикова, в любовь входит восторг и тоска, радость и мука, надежда и печаль – «двуречье любви». В поздние времена любовь «утончается и разветвляется». Но остается вечной как четвертое измерение жизни, как сближение двух огромных и сложных человеческих миров. О.П. Зубец [5] полагает, что нет в жизни человека явления более интимного, значимого и в то же время более загадочного, противоречивого, чем любовь. Любовь не считается ни с какими преградами – ни с моральными предостережениями, ни с юридическими запретами, ни с социальными традициями. Любовь оказывается в плане духовного возвышения человека силой более могучей, чем все привычные социально-нравственные воздействия. Разрушительная сила любви на низменном уровне приобретает созидательный характер. Если смотреть на любовь не извне, а изнутри, глазами любящего человека, то она не требует обоснования через соотнесение с моралью, искусством, политикой и даже с историей, а сама служит основой осмысления мира и человеческого отношения к нему, сама является «зеркалом», своеобразно отражающим реалии человеческого бытия.

В.Д. Губин говорит о любви как «прорыве» из временного в вечность, переходе в то бытийственное состояние, где нет ни смерти, ни апатии, ни уныния, а есть чистая актуальность, постоянное напряжение духа, подлинное творчество [2, с. 239]. Любовью действительность воспринимается как «Ты», в то время как рассудочная мысль видит в мире только совокупность чуждых ему предметов, как «Оно» [2, с. 244]. В.Д. Губин считает, что человека любят за то, что в нем приоткрывается бездонная неисчерпаемая глубина. И в этом заключена основная тайна любви, то, что делает любовь из факта обыденной жизни таинством [2, с. 246-247]. Любовь – осознание смысла жизни вообще и собственной автономии, критерий искусства быть человеком. То есть существует еще один подход к концепту любви как тайне, которому сложно дать определение.

Итак, отдельно следует рассмотреть феномен любви, а вместе с ним – и проблему человека в религиозной философии. В восточной религиозной философии (Ш. Радхакришны, С. Вивекананды, А. Гхош) концепт любви отождествляется с йогой божественной любви и с дао любви (Д. Кришнамурти, Ч. Йолан). Человек обретает любовь тогда, когда обретает покой «в чистоте нирваны». Любовь не терпит принуждения в гармонии с божественным дао и Логосом. Главное в любви достичь созерцания истинной формы настоящего Я (Атмана, тождественного Брахману).

В западном богословии (католический неомизм, протестантская теология) земной эрос противопоставляется духовной любви к Богу, которая выступает главной ценностью. В XX веке обострилась антропологическая проблематика, в русской религиозной философии доминирует идея Богочеловечества (Н.А. Бердяев). На первый план в философских построениях становится не отвлеченная метафизика и абстрактное человечество, а бытие конкретного человека, при этом чрезвычайно важной становится проблема любви к «ближнему». К теме бытия апеллировал М. Хайдеггер (1889–1976 гг.) [6, с. 242], который считал вестью бытия (и ответом на нее) в человеке мысль сердца как основание рассудочной мысли. С точки зрения немецкого философа, начиная с Нового времени возникло и укреплялось понимание мысли как представления, как мысли о чем-то, понимание сущего только как предметного. Но есть и другой вид мышления, который направлен на себя, условия мысли, на невысказанное (непредставимое). У чистой мысли сердца совсем другая логика, она

недоступна представляющему мышлению. Сердце как духовный центр человека характеризуется способностью сострадать.

П.А. Сорокин пишет, что Святой Дух созидает сообщество на протяжении всей истории. При этом идеальная любовь достигает максимума по мере приближения к нашим временам, но соединение физиологической и эстетической любви для П.А. Сорокина почти невозможно. Немецкий социолог Георг Зиммель (1858–1918 гг.) [5, с. 66-76] рассуждает о трансвитальности любви. Человек – всякий раз новое образование, но любит не какая-то часть человека, а весь человек. Любовь есть категория необоснованная и первичная. Любовь определяет предмет в его полной и последней сущности. Любовь как имманентная и формальная функция душевной жизни, рождается из самодостаточности внутренней жизни. Она переводит из латентного в актуальное состояние. Любовь – форма поведения и наличествует как интенция, направленная на объект. Г. Зиммель пишет, что любовь есть чувство, которое связано со своим предметом теснее и безусловнее, чем любое другое. В любви существует генетическая связь, а брак имеет телеологическо-родовой смысл. Жизнь должна служить любви, потому что любовь выше жизни. Любовь (эротика) отнюдь не изгоняет из своего собственного слоя чувственность. Исключают же друг друга любовь и изолированная чувственность, полагание чувственным наслаждениям себя самоцелью, т. е. когда в любви присутствует солипсизм. Г. Зиммель говорит, что любовь отвергает интерес к продолжению рода. Трагедия Ромео и Джульетты обусловлена мерой их любви: этому ее измерению нет места в эмпирическом мире. Закон любви исполняется тогда, когда она производит свое иное, чуждое и противоположное себе. Итак, любовь центральна для себя сама, а не для какой-то цели.

В фундаментальной работе Дитриха фон Гильдебранда [1] «Метафизика любви» любовь к Богу является носителем высшей нравственной ценности и включает в себя всю нравственность. Божественная заповедь становится приглашением и призывом к любви, является предпочтительней интереса к земному благу. Д. Гильдебранд говорит, что нужно уметь принять дар любви, который предполагает ответственность. Так выявляется ценностноответная функция любви. Философ вводит понятия восторга, преданности, счастья любви, проводя метафизический и феноменологический анализ любви, критикуя психологизм З. Фрейда. Сущность любви заключается в том, что человек может заинтересоваться другим человеком, в результате чего возникает солидарность, подобная той, которая имеет место по отношению к собственной персоне. Но всякая любовь стремится не только к личному спасению, а единство личностей – не источник любви, а ее достижение. Любовь должна быть направлена к своему божественному первообразу, быть тонкой и глубокой. Для совершенной любви необходимы самопожертвование, преданность, благожелательство, мягкое отношение, доверие, нежная забота, а не эгоистическая жизнь для себя, т.е. главное препятствие на этом пути – гордыня. Любовь спасает индивидуальность (В.С. Соловьев), человек в любви продолжает себя. *Amor concupiscentiae* (вожделеющая любовь) и *amor benevolentiae* (благоволящая любовь), эгоистическая и бескорыстная, физическая и экстатическая любовь различаются и противопоставляются. Для Д. Гильдебранда каритас (agape) значительнее, чем эрос. Каритативная любовь заставляет выполнять требование или принцип *ordo amoris*, проявлять жест благожелательности и единения – *intentio benevolentiae*, *intentio unionis*. Без любви к Богу нет любви к ближнему и наоборот. Любимый человек воспринимается целостно и безусловно: от простого радостного проникновения любви в сердце любимого до взаимопроникновения взглядов любви и общего переживания счастья осуществленного единства.

Католические (неотомизм) мыслители (Э. Мунье, Ж. Маритен, М. Блондель, Г. Марсель) противопоставляют приземленной любви возвышенно-духовную любовь к Богу (Агапе). Здесь Бог – главная ценность. Концепция неотомизма представляет единство Блага, красоты и бытия, взаимосвязь интеллекта и воли, гармонию разума и веры. К примеру, у Э. Мунье «быть» значит любить. Бытие тождественно любви. При этом должна быть общность, ответственность личностей. У Ж. Маритена не существует дуализма между ценностью и долгом, так как они связаны божественным провидением, естественным законом. Неопротестантские мыслители – Э. Бруннер, Д. Гильман, Р. Джознн, Р. Нибур, Д. Флетчер, Д. Эванс – также дают религиозную интерпретацию феномена любви («аст-агапизм»). Богословие К. Барта и П. Тиллиха [4] сравнивают с теологией С. Н. Булгакова. По мнению С. Н. Булгакова, только Богочеловек мог взять на себя все грехи человечества силами его человеческой природы в совершенной гармонии с божественной. Как и К. Барт, Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков высказывали мысли о всеобщем спасении мира и человека. Они ведутся еще со времен Григория Нисского, который много говорил о милосердии Божиим. Он утверждал, что зло есть область ограниченных проявлений и все грешные существа, даже «демоны», рано или поздно откажутся от него, вступят на путь добра, удостоятся апокатастасиса (возрождения), ведущего в Царство Божье, так что Бог будет «всяческая во всех» (1Кор. 15:28). В истории философской мысли также достаточно говорится о временности «адских мучений» (Ориген, Иоанн Скот Эриугена, А.И. Осипов).

Альберт Швейцер предлагает этику благоговения и исцеления любовью, благоговения перед жизнью, бескорыстное служение людям. Это не позволяет пренебрегать интересами мира, а утверждать вечный мир. Духовность как этика самосовершенствования и этика самоотречения могут быть одним. Пауль Тиллих [4] находит связь этической и онтологической природ любви. Философ считает, что существуют не типы, а модификации любви. Чувство любви неподвластно приказанию. Если жизнь – это актуальное бытие, а любовь – движущая сила жизни. Без любви бытие не становится актуальным. Любовь побуждает все, что есть, стать большим, чем оно есть. Любовь есть побуждение к единению разделенного, а воссоединению предшествует разделенность. Английский философ К.С. Льюис в своей книге «Любовь» основывается на авторитете и религиозных мыслителей, и художественных произведений. Главная его тема – божественная любовь. Он не противопоставляет божественную и человеческую любовь, потому что любовь – вечное таинство, брак Неба (Отца) и Земли (Матери). К. С. Льюис выделяет два типа любви: 1) любовь-нужда и 2) любовь-дар. Любовь-дар – редкий тип любви, основанный на самоотречении. Жертвенная и романтическая любовь – глас Божий: «Ее терпение, ее сила, ее блаженство, ее милость, ее желание, чтобы другому было хорошо, роднят ее с Божьей любовью» [7, с. 106]. Интересное толкование любви предлагает французский философ Пьер Тейяр де Шарден. Он рассматривает феномен любви с точки зрения общей теории эволюции человека, которую развивает в своей работе «Феномен человека» [3]. Любовь – это творческая энергия, которая разлита по всей природе и в одинаковой мере присуща всему живому. Эта энергия носит космический характер. Любовь – примирение элемента и целого, единства и множества, наша способность любить развивается до охвата всех людей и всей Земли. Любовь – основа будущей ноосферы и сверхжизни. В русской философии эти идеи развил Александр Мень.

Очень ценные вещи об истинной любви пишет Г. Марсель, говоря, что пока человек любит, ничего не потеряно. Он подчеркивает, что любовь, поскольку она отличается от желания, противостоит ему, подчиняет Я высшей реальности, поэтому

ближе к «моей» сущности, чем Я сам. Любовь или уважение к истине ведет к верности. Это закрепляется в акте трансцендирования, соединения с Богом (С.Л. Франк). В основе милосердия лежит присутствие как абсолютная самоотдача, как лучший дар, который вовсе не обедняет, а обогащает, к этой сфере неприменимы понятия вещей. В свою очередь, О. Хаксли считает, что любовь – это форма знания, и когда любовь достаточно бескорыстна и достаточно сильна, это знание становится объединяющим и приобретает качество безошибочности. Лучше любить и знать Бога, чем просто знать о Боге без любви, прочитав теологический трактат. Любовь – не просто благотворительность, а божественная форма любви, которая не ждет похвалы и не позволяет себе огорчиться, когда за добро ей воздают злом. При этом любовь не является эмоцией. Она начинается как усилие воли и достигает своего пика, как чисто духовное озарение, объединяющая любовь и знание сути своего объекта. Высшей формой любви является непосредственная духовная интуиция, посредством которой знающий, знаемое и знание становятся единым целым. Похожие идеи о воплощении целостности высказывал Н.О. Лосский. Религиозные философы идут вслед за В.С. Соловьевым, когда пишет, что препятствие любви – эгоизм, приобретающий разные формы.

Таким образом, в основе антропологии религиозно-идеалистической философии лежит понимание о том, что завершение человеческой истории настанет с началом воскрешения всего творения в Боге. При этом, чтобы достичь этой полноты времен, нужно найти подлинную свободу. Это достигается в героизме крестного подвига смиренной любви, потому что, согласно Евангелию, Бог есть Любовь.

Итак, согласно философско-религиозной традиции XX века, любовь – основа бытия человека. Проблема любви в человеческой жизни является не только самой древней, но и всегда актуальной, потому что без любви существование человека проблематично. Истинность любви проявляется во многих чертах, таких, как уникальность, вечность, неизменность, абсолютность и другие. Концепт любви связан с высшим смыслом жизни человека, солидарностью в труде (К. Маркс), радостью и одновременно благоговением перед жизнью, проявляется в системе «Я – Другой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гильдебранд Д. Метафизика любви / Д. Гильдебранд. – СПб.: «Алетейя», 1999. – 628 с.
2. Губин В. Д. Любовь, творчество и мысль сердца / В. Д. Губин // Философия любви. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1990. – С. 231-253.
3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе / П. Тейяр де Шарден; [пер. с фр.] / Сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с., [7] с. — (Philosophy).
4. Тиллих П. Любовь, сила и справедливость. Их онтологические качества и применение в сфере этики / П. Тиллих // Трактаты о любви. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 129-151.
5. Трактаты о любви: сборник текстов / Составитель О. П. Зубец. – М.: ИФРАН, 1994. — 187 с.
6. Философия любви. Ч. 1 / [Под общ. ред. Д.П. Горского; Сост. А.А. Ивин]. – М.: Политиздат, 1990. – 510 с.
7. Философия любви. В 2 т. Ч. 2 // Антология любви / [сост. А.А. Ивин]. – М.: Политиздат, 1990. – 605 с.

Поступила в редакцию 31.05.2023 г.

**HUMAN AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION OF THE 20th CENTURY:
RELIGIOUS PHILOSOPHY VS MARXISM**

A.A. Mirgorodskiy

The article examines the content of the anthropological concept in the philosophical and religious creativity of the thinkers of the XX century. The content of the anthropological concept in this tradition acts as an integral phenomenon, combining love, freedom, and work. The human personality has a dominant place in all modern philosophy. The Marxist position does not exclude the religious way of achieving the ideal of a harmonious personality.

Key words: anthropology, personality, marxism, creativity, christology.

Миргородский Андрей Александрович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
и социологии ГБУ ВО «Академия МВД ДНР
имени Ф.Э. Дзержинского».
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Mirgorodskiy Andrei Aleksandrovich

Candidate of philosophical Sciences
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Sociology, Dzerzhinsky Academy of the Ministry
of Internal Affairs.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

УДК 124.5:141.319.8+130.2

ЦЕННОСТИ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

© 2023. *И.Г. Сухина**ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»*

Представлено рассмотрение и анализ ценностей как смысловых определенностей человеческого бытия, выступающих его, имеющими телеологический характер, мировоззренческими ориентирами – диспозициями мироотношения. Предложена классификация ценностей по степени их смысловой значимости для человеческого бытия, в которой выделены: высшие ценности-цели и инструментальные ценности-средства. Показано, что содержащие целевые установки субъектности, развертывающиеся в ценностную ориентацию и ценностное мироотношение, ценности выступают универсальным смыслообразующим основанием и началом человеческого бытия как бытия в культуре, сущность которого заключается в объективации ценностей в качестве культурных явлений – артефактов.

Ключевые слова: смысл, значение, значимость, ценность, ценностный ориентир, цели, ценностное отношение, человек, сознание, человеческое бытие, мировоззрение, субъектность, объективация, мир, действительность, культура.

Собственно человеческое бытие в своей подлинности (субъектного вершения) имеет сознательно-мотивированный характер, и представляет собой бытие, ориентированное на ценности, в которых актуализируется, презентуется, удостоверяется и фундируется его значимое смысловое содержание. Эта имманентно присущая ему, как таковому, ориентация находит свое воплощение в актуальных ценностных ориентирах, выступающих смысло-значимыми установками – диспозициями его целенаправленной праксеологической акционности, а в своем предельном выражении – конституирующим его основанием. Подлинно человеческое бытие – это, прежде всего, ценности, ценностные ориентиры, и неотъемлемое от него ценностное отношение к миру, действительности. Во всей совокупности своих аутентичных – осмысленных, сознательно-мотивированных (праксеологических) проявлений, на протяжении всей своей истории человеческое бытие осуществляет объективацию ценностей. Мир человеческого бытия – это смысло-значимый мир объективированных/объективируемых ценностей, и прежде всего – мир культуры.

Понимание человека, его бытия предполагает постигающее обращение к ценностям. Философское понимание осуществляет концептуализацию этого обращения к ценностям как методу понимания (В.Дильтей) человеческого. В силу безусловной актуальности тема ценностей представлена в философии издревле, – начиная с философии Древней Индии, Древнего Китая и Древней Греции. Свою концептуальную разработку и представленность в философском дискурсе тема ценностей обрела в работах многих видных философов Нового времени и современности – Р.Лотце, В.Виндельбанда, Г.Риккерта, Э.Кассирера, Г.Мюнстерберга, М.Шелера, Н.Гартмана, Э.Гуссерля, Р.Ингардена, Ж.-П.Сартра, А.Камю, Г.Марселя, Ж.Маритена, Э.Жильсона, Д. фон Гильденбранда, Б.Кроче, Л.Витгенштейна, Д.Мура, У.Морриса, Ч.Пирса, Д.Дьюи, и др. Тема ценностей присуща традиции русской религиозной метафизики, где последовательно проводится идея их онтологической объективности – В.Соловьев, Н.Бердяев, С.Булгаков, Е.Трубецкой, В.Эрн, Н.Лосский, П.Флоренский, С.Франк,

И.Ильин, Б.Вышеславцев, и др. С 60-х гг. XIX века происходит становление философии ценностей, которая примерно на рубеже XIX–XX вв. выдвигается на передний план системы философского знания, и становится ее структурным разделом. Так или иначе, тема ценностей представлена во всем многообразии современного философского знания, а категория ценности, как центральная категория человеческого бытия, становится одной из центральных категорий философии. Наиболее адекватная предметная сфера применения ценностей/ценностного подхода – человеческое бытие, философско-антропологическая проблематика, и здесь актуальным является анализ ценностей в качестве актуальных ценностных/ценностно-мировоззренческих ориентиров человеческого бытия, предполагающих ориентированную на ценностное мироотношение субъектность, и выступающих ее диспозициями, что и предпринято в данной статье.

Цель статьи: экспликация ценностей в качестве ценностно-мировоззренческих ориентиров человеческого бытия, выступающих конституирующим его основанием.

«...К ценностям ведь возможно только одно отношение признания – деятельное отношение личности. Таким путем восстанавливается идейное право на утверждение смысла мира и жизни»
(Моисей Рубинштейн «Философия ценности как продукт времени» [9, с. 244]).

Человеческое бытие, его субъектность – не просто фатическая активность, оно обладает смысловой содержательностью, оно значимо, ценностно, т.е. определяется ценностями, предполагает санкционирование ими, целе-ориентировано на них. Ценности выступают мотивирующими его вершение смысловыми детерминантами,

Человеческое бытие и ценности взаимно предполагают, имплицитно друг друга.

Человеческое бытие – наиболее универсальная форма сознательно-мотивированной субъектности человека, актуализирующая и интегрирующая его сущностные силы и сущностные свойства его природы в смысло-полагающем освоении действительности, позиционировании в ней. Оно самоопределяется как субъектное мироотношение, – бытие в мире, процессуально развертывающееся на всем протяжении человеческой истории. Как таковое человеческое бытие – экспансивно, это – универсальный способ освоения мира.

Ценность – это, прежде всего, человечески значимый, антропный (от греч. *anthropos* – человек) смысл, актуализируемый сознанием, т.е. смысл, в котором мерилom значимого выступает человек и его бытие. Это – присущие сознанию ментальные смысло-формы, в которых происходит активация, концентрация, интеграция и трансформация присущих ему смысловых содержаний, актуализирующее их формообразование. Универсальным интегратором смысловой содержательности ценностей выступает антропный принцип. Российский философ В.Ильин утверждает, что суть антропного принципа в том, что «...человек с его сознанием занимает привилегированное положение в мире» [3, с. 17]. Он отмечает, что «единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный...» [3, с. 4].

Ценности – это исходные, архетипические инстанции смыслов, формирующие их, и выступающие интегрирующими их универсалиями. Именно в ценностях осуществляется презентация мира/действительности субъекту сознания. Российский философ А.Максимов указывал на то, что «ценность – первичная форма реальности, в которой она предстает перед сознанием через его ценностное отношение к этому предмету...» [6, с. 139].

Ценности – это средоточия смыслов, активирующие раскрывающуюся в значениях их определенность, интегрирующие ее. Это – конфигурации смыслов, их идеальные формы – эйдосы (от греч. *eidos* – вид, образ), т.е. организующие смысловые содержания ментальные смысло-формы, вырабатываемые человеческим сознанием как таковым – трансцендентальным сознанием; сознание выступает ментальным полем инспирирования ценностей как смысловых определенностей человеческого бытия. Ментальность (от англ. *mental* – психический, умственный, духовный) – это идеальная содержательность сознания, обретающая свою смысловую определенность в его актах. Основными, базовыми формами смысловой активности, определенности сознания являются ценности.

Будучи сопряженными с трансцендентальным сознанием, ценности возникают, вместе с ним, и в них сознание актуализирует и развертывает свое смысловое содержание.

Главная и самая существенная характеристика ценности – (смысловая) значимость, актуализирующая смысл в определенности его значений в соответствующих ментальных формах сознания и социокультурных контекстах человеческого бытия. Г.Риккерт отмечал, что «проблема ценности, есть проблема «значимости» ценности...» [8, с. 23]. В свою очередь Н.Лосский констатировал, что «...понятие ценности связано с понятием значения...» [5, с. 261]. Ценность – это определенный смысл, который актуализируется в качестве его значения, и предполагает его объективацию в качестве значимости; это – сформированная смысловая содержательность в конкретизирующих ее значениях. И ценность есть не просто выражение смысла, это его действительность, его действенность.

Смыслы и ценности взаимно конвергентны, и эта их конвергенция осуществляется через значения, в которых раскрывается содержание смысла и актуализируется ценность. Актуализация доминантной для человеческого сознания смысловой содержательности, раскрывающая присущие ей значения, осуществляется в качестве ценностей. Русский философ М.Рубинштейн отмечал, что: «...только ценностями дается смысл» [9, с. 243].

Такой концептуальный подход – с позиции смысла и значения, их взаимной конвергенции, можно квалифицировать семантическим (от греч. *semantikos* – значимый, обозначающий), понимая семантику философским учением о смысле, его доктринацией.

Согласно этому концептуальному семантическому пониманию феномена ценности, онтологически удостоверяющему ее в соответствии со смыслом, значением, значимостью:

- смысл – это объективно присущее миру/действительности идеальное содержание;
- значение – это конкретизирующая актуализация смысла, раскрывающая его содержание;
- значимость – это свойство перехода и фиксации смысла в объективирующей его форме (в отличие от значения, значимость является степенью объективации смысла в мире, который перестает быть «миром для себя», и предстает именно как «мир для человека»).

В свете семантического понимания смысл и ценность онтологически закономерны. И ценность презентует не просто свойства и качества предметности сущего, а смысл, бытия явления или процесса, отвечая на вопрос: «для» или «во имя» чего? Так, Н.Лосский утверждал, что «...любое содержание бытия есть положительная или отрицательная ценность не в каком-либо своем отдельном качестве, а насквозь

всем своим бытийным содержанием. ... Само бытие, само esse есть не только бытие, но и ценность» [5, с. 263].

Как определенности смысла, ценности удостоверяются с семантической позиции своей смысло-значимости, на что указывает лексема ценность. Смысло-значимость – это объективированная проявленность смысла в сфере человеческого бытия и его контекстах.

Как таковые, ценности – сингулярные центры активирующей актуализации и формирования смыслов – являются иницирующим и руководящим началом всех форм сообразной со смыслом/значением ментальной активности сознания, и следующих из них форм сознательно-мотивированного, осмысленного, поведения/деятельности человека.

Ценность есть актуализируемое и интегрируемое в определенной форме (идеальное) смысловое содержание, раскрывающееся в соотнесенных с человеком, его Я, сознанием и бытием в целом антропно адекватных значениях, сублимируясь и удостоверяясь в них.

Человеческое бытие исполнено смыслами, их содержаниями, значениями. Оно формируется, самоопределяется и самореализуется в актуализируемой им смысловой потенциальности, – в ментальном поле активации смыслов и семантическом пространстве их проективного полагания, сублимируемых в ценностное отношение к действительности.

Как значение ценность содержит в себе отношение, пред-полагает его как свою потенцированную, «означивающую» объективацию. Н.Лосский утверждал, что «...всякое значение содержит в себе отношение...» [5, с. 261]. И это ценностное отношение, которое представляет собой процессуальное развертывание смысловых потенциалов ценностей.

Ценность раскрывается в значении как ценность/ценностность *чего-то* и *для кого-то*. Она – адресна. И этим ее адресатом, центром актуализации и объективации является человек как трансцендентальный субъект, с его сознанием и сознательной мотивацией. Российский философ Л.Столович указывал на то, что «...понятие ценность немисливо без адресата, ценность всегда существует для кого-то... ценность – это ценность для человека» [10, с. 13]. Как человечески-значимый, антропный смысл ценность гуманитарна. Столович подчеркивал, что «подлинные ценности, всегда гуманистичны» [10, с. 16]. Именно через ценность строится связь человека с миром, его мироотношение.

Ценностное отношение есть отношение вершения ценностей, имеющее субъектный характер. Как активируемые значения, ценности содержат когерентный им, «посылу» их смысловой потенциальности субъектный принцип реализации, целенаправляющий на их объективацию. Н.Гартман отмечал, что «реализация ценностей в процессах и результатах деятельности сама есть ценность, более того, в сущности всех ценностей заложено, что их осуществление само является ценным» [2, с. 51]. Принцип реализации определяет собой динамику ценностей, и раскрывает их в качестве связующего человека и мир начала.

Ценностное отношение – это универсальный способ освоения мира человеком, это – способ человеческого бытия в мире, авангардом которого является культура как мир творчески объективируемых в культурных явлениях – артефактах, благих ценностей. По словам Г.Риккерта, «как теория ценностей, философия должна охватить все многообразие культурных благ и понять систему ценностей, лежащую в основе культуры» [8, с. 38].

Человеческое бытие – это бытие с позиции ценностей, определяемое иницируемым им субъектным ценностным отношением к миро-действительности, и представляющее собой объективирующее ценности ее (ценностное) освоение, включающее в себя также интроспективное рефлексивное (само-познающее) освоение человеком самого себя как своего ценностно идентифицируемого личностного начала – самости, в ее самосознании.

Человеческое бытие – это тотально реализуемое ценностное отношение к доступной миро-действительности, которое разворачивается в ходе человеческой истории, и которое в конструктивной своей модальности конституирует культуру и цивилизацию как мир объективируемых ценностей. Создателем этого мира ценностей является человек-субъект. «...Самое существенное в человеке – это способность актуализировать и реализовывать ценности в своем отношении к действительности. Человек есть субъект ценностей и ценностного отношения, что является наиболее адекватной характеристикой его сущности. Сущность субъектного человеческого бытия в том, что оно есть, прежде всего, ценностное отношение к действительности именно как ее ценностное освоение» [11, с. 95].

В общей структурной композиции ценностное отношение включает в себя:

- индивидуальный или коллективный субъект – инициатор и вершитель ценностей;
- антропный/человечески-значимый смысл, актуальный для человека-субъекта;
- объект – носитель ценности или ценность как потенцированное предметное благо;
- отношение субъекта к объекту как актуализация, объективация, модификация ценностей.

В ценностном отношении ценность раскрывается и выступает диалектическим единством идеальной (смысл) и реальной (действительность) сторон мира/мироздания; в своей объективированной полноте она представляет собой идеально-реальное образование.

В ценностном отношении ценность раскрывается субъектно-объектным и межсубъектным образом, определяя связь человеческой субъективности и субъектности и объективной действительности, активируя в ней человеческую субъектность. Российский философ М.Каган утверждал, что «ценность предстает перед нами именно как отношение, причем отношение специфическое, поскольку она связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, т.е. носителем культурных и социальных качеств» [4, с. 67]. Человеческое бытие реализуется, вершится как ценностное отношение к миру/действительности.

Ценностное отношение может осуществляться на индивидуально-личностном, коллективном и общечеловеческом уровнях субъектности. Причем на коллективном уровне оно обретает межсубъектный или интересубъективный (коммуникативный) характер, предполагающий совместную интерпретацию ценностей. «Ценность в жизни человека и общества, отмечал М.Каган, выполняет двойственную роль – она проявляется и в отношениях субъекта к объекту и в межсубъектных отношениях» [4, с. 189].

Соответственно, по масштабу своей смысло-значимости, ценности могут быть: индивидуальными, коллективно-групповыми и общечеловеческими (общезначимыми).

Как субъектно-объектное отношение человека к миро-действительности, ценности – онтологически объективны. Л. Столович отмечал: «...ценность есть субъектно-объектное отношение, а не отношение объективно-субъективное или субъективно-объективное. И само это субъектно-объектное отношение как отношение практическое является объективным... Ценность объективна не потому, что объективен

ее носитель – предмет или явление. Она сама объективна как субъектно-объектное отношение» [9, с. 92].

В своей интегрированной в хронотопе культуры и социума совокупности ценности выступают смыслообразующим основанием человеческого бытия, что находит свое интегральное воплощение в системном ценностном отношении к миродействительности как способе человеческого бытия в мире, равнозначному гуманитарно адекватному его освоению. Ценности связывают, единят человека с миром, который презентуют. Они выступают порталами смысло-значимой миропрезентации для человеческого сознания. Они, соответственно, выступают ориентирами мироотношения для человеческого поведения. Имеющее мировоззренческий характер ценностное отношение реализуется во всем многообразии форм праксеологического освоения человеком действительности.

Будучи смыслообразующей инстанцией человеческого бытия, ценности задают его ориентиры, стимулирующие, целе-направляющие и фундирующие его субъектность. В предельной (смыслообразующей) актуализации ценность выступает мировоззренческой презентацией сущего, мировоззренческим представлением, удостоверяющим мир в его человечески-соответственной смысло-значимости. Человеческие представления о миродействительности – это ценностные представления, которые имеют мировоззренческий характер: представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, и т.д. Мир предстает, раскрывается перед человеком как мир ценностей: священного, добра, красоты, истины, любви, долга, справедливости, свободы, чести, счастья, полезности, чистоты, и т.д.; смысловая содержательность, значимость мира раскрывается человеку в ментальной «оптике» ценностных представлений, например представлений о должном и недолжном. Высшая, предельно значимая ценность человеческого бытия – это ценность личности. Она имеет интегративный характер и выполняет функцию адресата ценностей человеческого.

Человеческое бытие аксиологично, оно детерминировано ценностями. Универсализм его ценностной детерминации проявляется в амбивалентности ценностей как корреляции ценности и антиценности, их значений: священное – профанное, добро – зло, любовь – ненависть, справедливое – несправедливое, прекрасное – безобразное, истина – заблуждение, полезное – бесполезное, чистое – нечистое, и т.д. Вся смысловая формация человеческого бытия представлена, сконцентрирована в ценностях, фундирована ими.

Мир или сфера ценностей – это подлинная сфера человеческого бытия, включающая все аутентичные – сообразные со смыслом/значением его активации, и простирающаяся как «внутри» человека, в ментальном пространстве его субъективности, так и «вовне» – в пространстве его объективного (субъектного) мироотношения. И если в ментальном пространстве человеческого сознания происходит актуализация ценностей, то во внешнем пространстве объективного мироотношения происходит их антропогенная объективация.

Типичным образом ценности проявляются/раскрываются в качестве установочных ориентиров человеческого бытия, диспозиций его соз(субъектного) мироотношения.

Человеческое бытие направляется ценностями, ориентировано на них, предполагает ценностные ориентиры. Так, ценностное отношение в его целенаправленности задается ими. Как подчеркивает российский философ В. Барышков, «ценности есть то, на что ориентируется субъект в своей познавательной и практической деятельности» [1, с. 92].

Так или иначе, ценность конституируется как ценностный ориентир, включающий цель/целевую установку, и развертывается в целенаправленное ценностное отношение.

Исходя из ментально фиксируемой человеческим сознанием степени смысловой значимости ценностей, и их соотношения в мировоззренческих горизонтах человеческого бытия и его целесообразной интенциональной проективности, можно, обобщенно, выделить ценности-цели и ценности-средства. В их соотношении выявляются приоритеты ценностной ориентации человека, и задается иерархия ценностей/ценностных измерений.

Высшие ценности-цели – это предельно значимые ценности человеческого бытия, определяющие его стратегические ориентиры, цели, и имеющие мировоззренческий, смысложизненный характер. Они обладают безусловным и самоочевидным значением, не требующим подтверждающего его обоснования, и как высшая ценностная инстанция не могут быть подведены под более высокие в значении ценности. Это – самодостаточные в своем значении ценности, которые, согласно немецкому философу Ф.-Й. фон Ринтелену представляют собой самоценности, т.е. «ценности, покоящиеся сами в себе» [10, с. 226].

Высшие ценности-цели дают ответ на кардинальный семантический вопрос: «во имя чего?», который может быть адресован человеческому бытию как смысл жизни. Это – высшая, общезначимая, подлинно гуманитарная инстанция ценностности человеческого бытия, показательные примеры которой: священное, добро, истина, красота, мудрость, любовь, творчество, долг, справедливость, свобода, честь, и др. Этим ценностям присуще выраженное долженствование, они – деонтологичны (от греч. *deontos* – должное).

Такие ценности, как: бог и священное, истина, добро, красота, мудрость, любовь, долг, свобода, справедливость показывают высшую степень долженствования, выступают в качестве идеалов. Американский психолог А. Маслоу по поводу высших ценностей, их мотивационного (смысложизненного) влияния на человека, его моральную субъектность, отмечал: «перед нами предстают ценности, способные воодушевить человека, вещи, за которые человек готов пойти на смерть, терпеть боль, страдания и лишения» [7, с. 121].

На примере высших ценностей отчетливо проявляется семантическая структура ценностей, включающая смысл и его значения, производные от активирующих и развертывающих его содержание актуализаций, интерпретаций, контекстов объективации.

Пример высших ценностей показывает, что ценности телеологичны, – содержат, несут в себе целевые установки как значимый предмет направленных стремлений. «Целевые установки человека инициируются ценностями, будучи их праксеологической проекцией на действительность, вовлекаемую в сферу его жизнедеятельности» [11, с. 25].

Цели, инициируемые высшими ценностями, как правило, имеют деонтологическую возвышенность, выводят за границы существующего, трансцендируя его по направлению к долженствованию. Согласно утверждению Н. Гартмана, «ценность – это сила, стоящая за динамикой долженствования бытия. В принципе ценности сущее теряет свое равновесие, приходит в движение, обретает ту или иную тенденцию – за свои пределы» [2, с. 231].

Высшие ценности имеют персонифицирующий характер, предполагают личностное начало человека и соответственные ему качества, их совершенствование.

Как утверждал Н. Гартман, «цели должны быть настолько высоки, насколько человек в состоянии представить» [2, с. 540]. Целесообразное поведение есть целеориентированное движение в сфере/мире ценностей, и поскольку в сознании происходит актуализация и модификация ценностей, то отношения между ними проявляется в самой сути человеческого поведения.

Поскольку ценностям присуща (деонтологическая) потенция долженствования – идеальное «как должно быть», – они являются не только отношением к действительности, но и к тем потенциальным возможностям, в которых активируется способность человека моделировать и осуществлять потребное будущее. Актуализация смысла посредством ценности есть не просто удостоверяющая его идентификация, а, по сути, трансформация смысловых содержаний применительно к оптимизации человеческого бытия в мире. «Поэтому феномен ценности можно охарактеризовать как перспективистский смысл человеческого бытия, оптимизирующий его с позиции долженствования» [11, с. 25].

Соответственно, ценности-средства – это ценности инструментального порядка, выражающие в значениях соподчиненные высшим ценностям ориентиры и целевые установки, являющиеся средствами их осуществления. Они логически подчинены высшим ценностям, но могут иметь свое значение. Так, физическая культура выступает средством поддержания здоровья и оптимизации жизнедеятельности, но имеет и самостоятельное, в том числе – эстетическое, значение, и может быть эталоном или образом жизни. Вместе с тем инструментальные ценности-средства могут выявлять и самостоятельное значение свое, которое, все-таки, не является предельным, окончательным, терминальным.

Высшие – терминальные ценности-цели американский психолог и социолог М. Рокич определял как убеждения, что какая-либо конечная цель человеческого индивидуального бытия – мир во всем мире, счастье семейной жизни... – с личной и общественной точки зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. К ценностям-целям Рокич относил: деятельную жизнь, жизненную мудрость, здоровье, (эстетическую) красоту природы и искусства, любовь, познание, развитие, свободу, творчество, и др. [12, р. 160].

В свою очередь инструментальные ценности-средства М. Рокич определял как убеждения, что какой-либо образ действий – честность, рационализм... – с личной и общественной точки зрения предпочтителен в любых ситуациях. К ценностям-средствам Рокич относил: жизнерадостность, независимость, дисциплинированность, воспитанность, образованность, ответственность, аккуратность, рациональность, самоконтроль, твердую волю, терпимость, честность, широту взглядов, трудолюбие, и др. [12, р. 160]. Он считал, что ценности-цели более устойчивы и основательны, нежели ценности-средства.

Соотношение ценностей-целей и ценностей-средств в сфере/системе ценностных ориентиров человеческого бытия имеет мировоззренческий характер, и в направлении определения и фундирования его приоритетов актуализирует смысло-значимые потенциалы этих ценностей/ценностных ориентиров, выявляет степень их значимости.

Такая классификация ценностей исходит из степени и уровня их значимости как ценностных ориентиров человеческого бытия, его приоритетов и целевых установок.

При более детальной классификации к двум основным классам ценностей – ценностям-целям и ценностям-средствам можно добавить также производные ценности, которые имеют значимость как символы, признаки других, более значимых ценностей, следствием или выражением которых они выступают, – например: герб,

флаг, знаки отличия, медаль, подарок, церемониал, этикетная форма выражения уважения...; эти ценности являются символическими проводниками общезначимых ценностей – символами, позиционирующими их в социокультурной среде человеческого бытия.

Человеческое бытие в его сознательно активируемой осмысленности предполагает, что в нем, на взаимно дополняющих друг друга – индивидуально-личностном и социально-коллективном уровнях его вершения, вырабатывается система ценностных ориентиров, определяющая его цели/целевые установки. На вершине этой иерархической системы находятся ценности-цели, а на более низких уровнях – ценности-средства и производные ценности. Система ценностных ориентиров человеческого бытия выступает его универсальной смысловой ориентацией, которая определяет его мироотношение, его систему координат, интенциональную проективность его целенаправленной субъектности.

Иерархический порядок ценностных ориентиров человеческого бытия строится исходя из ментально фиксируемой и акцентируемой сознанием степени их значимости для человеческого бытия, задающей его общие – мировоззренческие диспозиции:

- высшие, предельно значимые ценности-цели (терминальные ценности / самооценности);
- инструментальные ценности-средства, соподчиненные высшим ценностям;
- производные ценности – символические выражения/символы значений ценностей, тиражирующие, экстраполирующие и позиционирующие их смысло-значимость.

В человеческой жизнедеятельности, как на индивидуальном, так и на социально-коллективном, межсубъектном ее уровнях, так или иначе, вырабатывается более-менее упорядоченная, иерархически-выверенная, устойчивая система ценностных ориентаций.

В ее структуре на вершине иерархии позиционируются высшие ценности-цели, а на более низких уровнях – соподчиненные ценности-средства и ценности производные. Иерархия ценностей является универсальной для человеческого бытия, удостоверяет его смысловую формацию, и задает смысловую ориентацию человека, как в окружающей его миро-действительности, так и в ментальном мире своей собственной субъективности.

Ценностные ориентиры человеческого бытия в их иерархической упорядоченности определяют стратегические направления ориентации его субъекта в окружающем мире сущего, в ментальном мире своей субъективности, и в мире явных ценностей. Они имеют выраженный мировоззренческий характер, содержат смысложизненные значения.

Ценностные ориентиры определяют ценностное отношение человека, присущую человеческому бытию исторически развертывающуюся систему мироотношения в целом.

Раскрывающие ценности в качестве диспозиций и нормативных целевых установок ценностного отношения, ценностные ориентиры являются его смысловыми доминантами. Они моделируют ценностное отношение в перспективе его субъектного вершения.

Ценностное отношение может иметь интроспективную направленность ценностной идентификации человеческого «Я» как (рефлексивно) удостоверяемой самости. Оно предполагает ориентиры, раскрывающиеся в целевых установках человека и его бытия в мире. Н.Гартман утверждал, что «человек может сделать целью только то, что он ощущает как ценность. Делая это своей целью, он превращает его в реальность» [2, с. 583].

Исходя из того, что ценности презентуют мир человеку, раскрывая мир субъекту сознания в его смысло-значимости, ценностные ориентиры имеют мировоззренческий характер, выступая миро-презентациями, предполагающими ценностное отношение. Ценности презентуют человеку миро-действительность и соотносят его с ней. И в ценностных ориентирах это соотношение обретает свою выверенную целенаправленность.

Деонтологичность ценностей/ценностных ориентиров вносит долженствование в актуальные мировоззренческие презентации, воплощаемые в целевых установках. Это в праксеологическом плане инспирирует трансцендирование наличной данности мира человеком в его бытии, с преобразованием миро-действительности, позиционированием в ней человеческого бытия в динамике его развития, личностным совершенствованием самого человека. В мировоззренческой «оптике» ценностей, говоря словами А. Маслоу, «мир, который *«есть»* становится миром, который *«должен быть»*» [7, с. 121-122].

Соответственно, на основе и посредством ценностей осуществляется преобразующее мир привнесение должного в реальное, с приданием человеческому бытию в мире как бытию в культуре идеально-реального характера, согласно объективируемым ценностям.

Мир ценностей – подлинный мир человеческого бытия – конституируется, позиционируется и разворачивается на стыке должного и реального, раскрывается в их сопряженности. Ценностные ориентиры выступают проводниками ценностно-должного в реальность сущего, направляющими человеческую субъектность на преобразующее сущее вершение. «И субъект, согласно утверждению Н. Гартмана, является посредником ценности и долженствования в реальном, причем дважды, один раз – в полагании цели, а затем – в действии, осуществлении, которое опять-таки производит субъект» [2, с. 226].

Ценности как презентации действительности имеют мировоззренческий характер. Ценностные ориентиры предполагают мировоззренческие горизонты перспективного разворачивания, в которых актуализируется семантическая проективность ценностей. По сути, ценности представляют собой мировоззренческие ориентиры человеческого бытия, предполагающие сопровождаемую мировоззренческой презентацией целенаправленность.

Ценностями инициируется семантически емкая, мировоззренчески презентующая действительность осмысленность ориентиров человеческого бытия. Как таковые ценности выступают в качестве собственно ценностно-мировоззренческих его ориентиров. Именно в (мировоззренчески активированной) ценностной миро-презентации идеально должное проецируется в реальность сущего, в направлении его деонтологической модификации. Совмещение должного и реального имеет ценностно-мировоззренческий характер.

Ценностям присуща тенденция к интеграции в определенные семантические целостности миро-презентации. В интегрированной целостности ценностные ориентиры выступают как система, как диспозиционная матрица ценностного отношения, в котором человеческое бытие обретает свое подлинное – ценностно осваивающее мир – вершение.

Действенная система ценностных ориентиров является конститутивным основанием человеческого бытия как бытия в его смысловой определенности. И как таковое оно представляет собой исторически разворачивающееся ценностное отношение к миро-действительности, которое в конструктивной своей модальности создает мир культуры.

Человеческое бытие как бытие в культуре онтологически самоконструктивно, что обеспечивается объективацией ценностей в качестве культурных явлений – артефактов. По существу ценностные ориентиры ориентируют человека на вершение ценностей, их объективацию. И человеческое бытие таково, каковы объективируемые им ценности.

Высшая человеческая форма и инстанция объективации ценностей – это личность. Н. Гартман определяет личность исходя из ценности. И согласно его определению, «нравственный субъект, который один из всех реальных существ соприкасается с идеальным миром ценностей и один имеет метафизическую тенденцию придавать им недостающую реальность, этот субъект есть «личность» [2, с. 227]. Сама метафизическая тенденция придавать реальность ценностям, объективировать их в их значимости активируется ценностно-мировоззренческими ориентирами человеческого бытия.

Принимая во внимание, что объективация ценностей сама есть ценность, личность можно понимать высшей – персоналистической – ценностью человеческого бытия.

Выводы. Ценность, перспективистски развертывающаяся в ценностный ориентир и ценностное отношение, предполагающее целенаправленную субъектность антропогенного их вершения – объективацию, является универсальным основанием человеческого бытия.

Ценностные ориентиры переводят ценности в ценностное отношение и активируют присущий ценностям принцип реализации, целенаправляя человека в его субъектности на праксеологическую объективацию ценностей в поведении, коммуникации и деятельности.

Человеческое бытие имеет ценностно ориентированный характер. Это бытие в системе ценностных ориентиров, полагающих «систему координат» его смысловой определенности, в которой происходит его субъектное вершение. Ценностные ориентиры не просто активируют человеческую субъектность, но выступают ее проводниками.

В ценностных ориентирах происходит актуализирующая принцип реализации ценностей их соответственная человеческой субъектности модифицирующая сублимация. В оптимальном своем выражении ценностные ориентиры раскрывают мировоззренческое измерение ценностей, в деонтологических горизонтах которого человеческая субъектность выходит на творческий уровень объективирующего ценности мироотношения, конституирующего человеческое бытие в мире как смысло-значимое бытие в культуре.

В ценностях содержится код к пониманию сущности человека и человеческого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышков В.П. Аксиология личностного бытия / В.П. Барышков. – М.: Логос, 2005. – 192 с.
2. Гартман Н. Этика / Н. Гартман ; пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 708 с.
3. Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.
4. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
5. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло: Сборник / Лосский Н.О. – М.: Республика, 1994. – С. 249-314.
6. Максимов А.Н. Философия ценностей / А.Н. Максимов. – М.: Высшая школа, 1997. – 174, [2] с.
7. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / А.Г. Маслоу; пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.
8. Риккерт Г. О понятии философии / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г. ; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 13-42.

9. Рубинштейн М.М. Философия ценности как продукт времени / М.М. Рубинштейн // О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Том II / Рубинштейн М.М. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 376 с. – С. 237-244.
10. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
11. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ГОВПО «ДонНУЭТ», 2016. – 444 с.
12. Rokeach M. Beliefs, attitudes and values. A Theory of organization and change / M. Rokeach. – San Francisco: Josey-Bass Co, 1972. – 214 p.

Поступила в редакцию 16.08.2023 г.

VALUES AS WORLDVIEW GUIDEPOSTS OF HUMAN BEING

I.G. Sukhina

Consideration and analysis of values as semantic determinants of human being, acting as it, having a teleological character, worldview guidelines – dispositions of world-attitude is presented. A classification of values by the degree of their semantic significance for human being is proposed, in which the following are distinguished: higher values – goals and instrumental values – means. It has been shown that values containing target attitudes of subjectivity, unfolding into value orientation and value world-attitude, act as a universal semantic basis and the beginning of human being as being in culture, the essence of which lies in objectification of values as cultural phenomena – artifacts.

Key words: sense, meaning, significance, value, value reference, goals, value attitude, person, consciousness, human being, worldview, subjectivity, objectification, world, reality, culture.

Сухина Игорь Григорьевич

доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры философии ФГБОУ ВО «Донецкий
национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского».
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Sukhina Igor Grigoryevich

doctor of philosophical sciences, the associate
professor, professor of department of philosophy
FSBEI HE «Donetsk National University of
Economics and Trade named after Mikhail Tugan-
Baranovsky».
E-mail: suhina_igor@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.147

ЭКСКУРСИИ КАК МЕТОД ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДОНБАССА (1920–1930-е гг.)

© 2023. Т.Ю. Анпилогова¹, Г.П. Сафронов²

¹ ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

² ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

В статье прослежена динамика развития организации экскурсионной деятельности как метода обучения в системе профессионального образования Донбасса 1920–1930-х гг. Авторами выделены основные типы экскурсий, выявлены причины востребованности данного метода в процессе подготовки профессиональных кадров в советский период.

Ключевые слова: экскурсии, профессиональное образование, фабрично-заводские ученичества Донбасса, Донецкий институт народного образования.

В контексте модернизации системы образования новых субъектов Российской Федерации особую актуальность приобретает проблема отбора и использования наиболее эффективных методов и средств обучения. Одним из них является метод экскурсий, активно практикуемый в учреждениях профессионального и высшего образования в 1920 – 1930-е гг. Проблеме его применения посвящены многочисленные труды ученых, среди которых, работы по дидактике, методике обучения, истории, истории педагогики. Опыт организации экскурсий студенческой молодежи и школьников в СССР в довоенный период был отражен в исследованиях Ф.А. Бельского, А.Д. Буравцовой, С.А. Локтюшева, Л.А. Штефана. Изучению отдельных исторических и методических аспектов экскурсионной деятельности обучающихся посвящены многочисленные работы ученых советского и постсоветского периода, в частности, статьи Е.В. Адаменко, Д.В. Арцыбашева, Т.Н. Арцыбашевой, О.О. Лаврут, К.А. Селиванова, Е.Н. Трегубенко и др.

Цель статьи – проследить динамику развития и выделить основные типы организации экскурсионной деятельности обучающейся молодежи Донбасса в 1920-е – 1930-е гг.

Период становления и довоенного развития системы советского образования характеризовался активным процессом экспериментирования и педагогического новаторства. Нередко новые педагогические подходы и методы (дальтон-план, бригадный (бригадно-лабораторный) метод, проектный метод, комплексная система и другие) без должной теоретической апробации внедрялись в учебный процесс, и через короткий срок упразднялись, продемонстрировав неэффективность и несоответствие реалиям жизни. Наравне с новаторскими использовались и традиционные, подтвердившие свою эффективность, методы обучения. К ним относился метод экскурсий, широко применявшийся во всех учреждениях системы профессионального образования – в институтах и техникумах, на рабфаках и курсах, в профессиональных

школах и школах фабрично-заводских ученичеств – согласно их специфике. Как отмечает исследователь Е.Н. Трегубенко, «экскурсии и прогулки познавательного характера (экскурсионно-иллюстративный метод) позволяли конкретизировать очевидные общие знания и формировать новые представления и понятия на основе наблюдения местных объектов или явлений окружающей действительности» [1].

Активное использование экскурсионной деятельности обучающихся в образовательных целях в 1920-е гг. было поддержано на уровне государства. Широкое распространение она приобрела после получения на местах в 1927 г. подписанного академиком Н.Я. Маром информационного письма о создании при ЦБК Экскурсионно-справочного бюро. На бюро возлагалась функция оказания помощи краоведам, «желающим отправиться в путешествия, а также учреждениям, организующим экскурсии, в выборе маршрутов путешествий, указании интересных мест, книг для подготовки экскурсий и т.п.» [2]. Усиленное внимание центральных органов краеведческой работы к распространению экскурсионного движения привело к увеличению количества экскурсий обучающихся системы профессионального образования. Методическую поддержку педагогам оказывали редакции журналов «Краезнаводство» (УССР), «Известия Центрального бюро краеведения», «Краеведение» (РСФСР), «На путях к новой школе», «Радянська школа» и др.

Проблема организации экскурсионной деятельности обучающихся нашла отражение в научных статьях ученых и педагогов-практиков, стремившихся на основе конкретных критериев классифицировать экскурсии, разработать методику их организации. Так, в статье, опубликованной в 1925 г. в Известиях Центрального бюро краеведения, делалась попытка систематизировать типы экскурсий: «...классификация экскурсий возможна лишь по преобладающему в экскурсии тому или иному элементу. Наиболее важное значение для краеведения имеют, конечно, экскурсии социально-краеведческие, исследовательские, или научные, и образовательные с краеведческим уклоном» [3].

В учебно-методическом издании «Физико-географические экскурсии в средней школе» Г.Г. Шенберг также предпринял попытку классифицировать различные типы экскурсий. Он отмечал, что «Классификация такого сложного явления как экскурсии, отличающегося по содержанию (объекту изучения), участникам (субъекту), методам ведения, по условиям места и времени, поневоле должна быть сложна, многогранна и условна» [4]. Согласно «основному научному содержанию и связанным с ним методическим соображениям» он выделял следующие типы экскурсий:

1. Экскурсии математические (по геодезии, механике, астрономии и т.п.).
2. Естественно-исторические (по геологии, минералогии, метеорологии, почвоведению, ботанике, зоологии, соматической антропологии и т. д.).
3. Гуманитарные (по археологии, истории, лингвистике, литературе, искусству и т. п.).
4. Социально-экономические (по статистике, по изучению хозяйственных и социальных форм, по отдельным экономическим вопросам).
5. Техничко-производственные (по изучению вопросов техники и производства).
6. Географические (по объему и частному землеведению, по физической и экономической географии)» [4].

Наработки Г.Г. Шенберга были широко использованы в процессе организации практической экскурсионно-туристической деятельности указанного периода.

Современный исследователь О.О. Лаврут, проанализировав разнообразие экскурсий, проводимых в 1920-е гг. в системе образовательных учреждений, условно

выделяет два их типа: общеобразовательные и учебные. «Первые, – пишет исследователь, – имели своей целью поднять общеобразовательный уровень молодежи, познакомить экскурсантов с географическими особенностями местности, чертами хозяйственной и культурной жизни, изучить работу промышленных, сельскохозяйственных предприятий, государственных учреждений. Вторые углубляли знания по конкретной дисциплине» [5].

Проведение экскурсий для студентов было поэтапным и имело свою методику. Характеризуя алгоритм проведения экскурсий, О.О. Лаврут отмечает: «Составляющими экскурсионной работы стала подготовка к путешествию, проработка материала, итоги. Планируя проведение и организацию поездки, необходимо было увязать экскурсионный материал с курсом предмета с целью конкретизации тем, которые уже были изучены на занятиях, и материалом, необходимым для дальнейшего изучения. Необходимо было перед экскурсией дать студентам общее представление о месте ее проведения, его роли в исторической эпохе, а также характере и значении памятков, которые предполагалось осмотреть» [5].

Анализ целей, форм организации и содержания различных экскурсий, осуществляемых в межвоенный период в образовательных учреждениях Донбасса, дает возможность определить несколько их типов.

Первым типом стали производственные экскурсии, применяемые, в большей степени, при обучении студентов техникумов и учащихся профшкол и школ ФЗУ для обобщения уже имеющихся и приобретения новых знаний. Они полностью отражали политехнический принцип обучения, согласно которому обучающиеся изучали научные и специальные дисциплины на примере функционирования того или иного производства. Так, с целью наглядного изучения основ применения законов физики в производственной деятельности, подросткам фабрично-заводских ученицеств демонстрировались принципы работы станков, при анализе которых особое внимание уделялось детальному разбору функционирования энергетического центра, передаточных устройств и рабочей машины, непосредственно воздействовавшей на материал будущего изделия. То есть, юноши и девушки на наглядных примерах изучали все звенья работы того или иного механизма [7]. Подобные экскурсии на производства, расположенные за пределами региона, были направлены на решение трех основных задач: изучение планового строительства на территории советских республик, повышение квалификации, обмен опытом и изучение новых производственных механизмов, политическое просвещение подростков [8]. Примером подобного мероприятия являлась двенадцатидневная выездная экскурсия учащихся школы ФЗУ предприятий «Объединенной промышленности» города Луганска летом 1929 г. в г. Москва, в ходе которой они посетили завод «Серп и Молот», «Динамо», «Машиностроительный № 3», «Раиз», Дегуинский сернокислотный завод и предприятие «Кмучук». Программа производственных экскурсий включала посещение цехов и мастерских, ознакомление с имеющимся оборудованием и готовой продукцией, изучение методов обработки металлов, анализ мер, направленных на повышение мотивации труда и поддержание трудовой дисциплины, а также методов рационального использования рабочего времени. Кроме того, в рамках мероприятий по культурному просвещению юноши и девушки побывали в Мавзолее, музее Ленина и музее Революции [9].

Ряд экскурсий был предусмотрен учебными планами учреждений профессионального образования. Например, в учебном плане Донецкого института народного образования (далее – ДИНО) за 1929/30 уч. г. отдельное место занимала

экскурсия по маршруту «Днепрельстан – Аскания-Нова» [10], а планы обучения студентов третьего курса рабфака предполагали осуществление экскурсии по маршруту «Ленинград – Москва» [11]. Теоретические знания по организации экскурсионно-туристической работы студенты получали в рамках учебных занятий. Так, в учебный план на 1929/30 уч. г. отделения физкультуры факультета социального воспитания в раздел «Практическая работа» входила дисциплина «Экскурсии и туризм» [5].

Отдельным типом экскурсионной деятельности были так называемые научно-исследовательские экскурсии, имевшие ознакомительный и, чаще всего, общеобразовательный характер. В зависимости от направленности, они решали такие задачи, как знакомство обучающихся с методикой краеведческих исследований, освещение отдельных вопросов истории, природы, культуры родного края, формирование ответственного отношения к историко-культурным ценностям. Кроме того, они являлись одной из форм научно-исследовательской деятельности студентов. Подобные экскурсии для учащихся различных учебных заведений активно проводились в 1920-е – 1930-е гг. преподавателем Донецкого института народного образования С.А. Локтюшевым. Например, летом 1925 г. под его руководством были организованы экскурсии студентов на территорию Каменного Брода г. Луганска и в окрестности Луганской Станицы и Кондрашевки [12]. Только за 1926/1927 уч. год в Луганском округе было проведено семь подобных экскурсий, в которых приняли участие 139 студентов [12]. Методика обучения учащихся и студентов археолого-краеведческой работе предполагала не только выработку у них практических навыков и умений, но и была направлена на усвоение совокупности знаний по истории края, археологии, этнографии, геологии, формирование определенной культуры мышления и поведения. Описывая методику раскопок, С.А. Локтюшев в статье «Полевые научно-исследовательские работы Луганского музея» отмечал: «Все эти работы в основе своей были проникнуты идеею охраны памятников материальной культуры и природы. Так, например, все полевые палеоэтнологические изыскания сопровождалось для присутствующих объяснительными лекциями... Содержанием лекций обычно служило значение памятников материальной культуры вообще, социально-научное значение открытого при работах, – заканчивались лекции призывом оберегать и не разрушать памятники прошлого и природы» [13]. Таким образом, данная форма краеведческой работы студентов приобретала просветительскую направленность.

Еще одним типом осуществления историко-краеведческой работы учащейся молодежи Донбасса являлись научно-педагогические экскурсии. Их суть заключалась в знакомстве обучающихся с опытом обучения студентов в других вузах страны. Организация подобных экскурсий стала возможной благодаря установлению руководством и педагогами ДИНО в середине 1920-х гг. прочных научных связей с педагогами Киевского, Неженского и Екатеринославского институтов народного образования, вылившихся в длительное плодотворное сотрудничество. Ярким примером организации научно-педагогической экскурсии стала командировка студентов и преподавателей вуза в Нежинский институт народного образования. Экскурсионная группа, состоявшая из 20 человек (18 студентов и двух руководителей) получила сокращенное название «ДЭКОН», что означало «Донецкий экскурсионный коллектив, отправляющийся в Нежин». Экскурсионный маршрут, занявший по времени 15 дней, охватывал крупные города и культурно-образовательные центры – Харьков, Нежин, Киев, Екатеринослав [14].

Организация экскурсии проходила по тщательно намеченному заранее плану, а анализ ее результатов был впоследствии описан педагогом и ученым Ф.А. Бельским в

статье «Научно-педагогическая экскурсия Донецкого Института народного образования», изданной в журнале «Просвещение Донбасса» в 1924 г. (№5 – 6) [15]. Научно-педагогические экскурсии, несмотря на сложность организации и проблему финансирования, являлись эффективным средством развития студенческого самоуправления, обмена ценным опытом. Они позволяли студентам не только углубить знания по истории родного края, но и расширить кругозор, ознакомиться с региональными особенностями и историей других регионов, позаимствовать опыт организации научной, учебной, историко-культурной, краеведческой деятельности других вузов.

Таким образом, основными типами экскурсий, применявшимися в качестве популярного метода обучения в учреждениях профессионального образования Донбасса в межвоенный период, стали производственные экскурсии (местные и выездные), научно-исследовательские (общеобразовательные) и научно-педагогические экскурсии. Значение экскурсий состояло в расширении общего кругозора обучающихся, их возможности непосредственно, в реальной обстановке ознакомиться с навыками профессиональной деятельности. Опыт, полученный в ходе организации экскурсий в советский период, сохраняет свою актуальность и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трегубенко О.М. Природниче краєзнавство в системі вітчизняної шкільної освіти (20–80-ті роки ХХ століття: монографія / О.М. Трегубенко; Держ. закл. «Луган. нац. ун-т імені Тараса Шевченка». – Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – С. 118.
2. Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего... Российская академия наук: Национальное культурное и научное наследие. 1880 – 1930 гг. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 322–323.
3. Экскурсии // Известия Центрального бюро краеведения. – 1925. – №4. – С. 22–23.
4. Шенберг Г.Г. Физико-географические экскурсии в средней школе. Методическое пособие для преподавателей / Г.Г. Шенберг. – Москва – Ленинград: Учпедгиз, 1935. – С. 12.
5. Лаврут О.О. Екскурсії студентів УСРР: досвід 1920-х років / О.О. Лаврут // Гілея. Історичні науки. – 2009. – Вип. 24. – С. 99.
6. Калашников А.Г. Проблемы политехнического образования: избранные труды / А.Г. Калашников. – М.: Педагогика, 1990. – С. 264.
7. Шульгина О.В. Феномен «пролетарского туризма» в 30-е годы ХХ века: объекты посещения, информационное обеспечение, идеология / О.В. Шульгина, Д.П. Шульгина // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 5. – С. 102–103.
8. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (далее – Госархив ЛНР). Р-401. Оп. 1. Д. 298. Л. 57.
9. Госархив ЛНР. Ф. Р-416. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.
10. Госархив ЛНР. Ф. Р-416. Оп. 1. Д. 42. Л. 4-об.
11. Госархив ЛНР. Ф. Р-416. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.
12. Локтюшев С. Краеведение на Луганщине // Краєзнавчі записки. Випуск V. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка / Автор-упорядник І.М. Ключенева. – Луганськ: вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність», 2009. – С. 54.
13. Локтюшев С.А. Полевые научно-исследовательские работы Луганского музея / С.А. Локтюшев // Краєзнавчі записки. Випуск V. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка / Автор-упорядник І.М. Ключенева. – Луганськ: вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність», 2009. – С. 89–90.
14. Адаменко Е.В. Работы Фомы Антоновича Бельского на страницах журнала «Просвещение Донбасса / Радянська школа» // Современное педагогическое знание: сборник научных статей по итогам педагогических чтений, посвященных 1000-летию кафедры педагогики, 17 декабря 2013 г., г. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова / под научной ред. Е.И. Снопковой. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2014. – С. 13.
15. Бельский Ф. Научно-педагогическая экскурсия Донецкого Института народного образования / Ф. Бельский // Просвещение Донбасса. – 1924. – №5 –6. – С. 57 – 79.

Поступила в редакцию 27.06.2023 г.

**EXCURSIONS AS A METHOD OF ORGANIZING TRAINING IN THE SYSTEM
OF VOCATIONAL EDUCATION IN DONBASS (1920–1930s)**

T.Y. Anpilogova, G.P. Safronov

The article traces the dynamics of the development of the organization of excursion activities as a teaching method in the vocational education system of Donbass in the 1920s-1930s. The authors identified the main types of excursions, identified the reasons for the demand for this method in the process of training professional personnel in the Soviet period.

Key words: excursions, vocational education, factory apprenticeships in Donbass, Donetsk Institute of Public Education.

Анпилогова Татьяна Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент.

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: dana-100@yandex.ru

Anpilogova Tatyana Yuryevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl. Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines.

E-mail: dana-100@yandex.ru

Сафронов Георгий Павлович

аспирант ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск.

E-mail: taybox15@mail.ru

Safronov Georgiy Pavlovich

Post graduate student,

Lugansk State Pedagogical University

E-mail: taybox15@mail.ru

УДК [378.016:784.9]:[378.011.3-051:78.071.4]

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВОКАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ НА ОСНОВЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

© 2023. *Т.В. Бавыка*

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

Статья посвящена формам и методам обучения пению в классе постановки голоса у будущих учителей музыки в контексте совершенствования их вокальной подготовки. В работе акцентировано внимание на средствах музыкальной выразительности и вокально-технических приемах как составной части компонентов структуры вокальной подготовки будущего учителя музыки.

Ключевые слова: вокальная подготовка, вокально-исполнительское мастерство, обучение пению, вокально-художественный звук, вокально-образное слово, будущий учитель музыки.

В настоящее время повышение качества вокальной подготовки будущего учителя музыки в системе высшего образования приобретает особую значимость для современной музыкально-педагогической науки, поскольку стратегическим направлением модернизации высшей школы является обеспечение нового уровня качества подготовки квалифицированных кадров, способных к постоянному профессиональному росту. Индивидуальные занятия в классе постановки голоса, которые основаны на субъективном подходе, нацеленные на создание условий для раскрытия и формирования индивидуальности каждого студента, будущего учителя музыки, дают возможность вооружить его не только специальными знаниями, умениями и навыками, но и развивать его как личность, его творческий потенциал, художественный вкус, исполнительское мастерство, формировать основы вокального мастерства. Одной из главных задач в классе постановки голоса является работа над вокально-художественным звуком, вокально-образным словом – важнейшим средством художественной выразительности в музыкальном исполнительстве и искусстве воздействия на слушателя.

Целью данной статьи является определение роли совершенствования вокальной подготовки будущих учителей музыки в контексте практико-ориентированного подхода.

Формирование художественного звука и художественного вкуса, которые тесно связаны между собой, приобретают приоритетное значение и являются составной частью вокально-исполнительского мастерства будущих учителей музыки. Работа над звуком – это не только формирование вокально-технических навыков и приемов, а еще и непрерывный процесс, в котором задействован эмоциональный и интеллектуальный потенциал личности, нуждающийся в постоянной работе и развитии.

О важности вокально-певческого воспитания в развитии личности писали в своих научных работах Л.М. Абелян, Н.Н. Добровольская, А.М. Луканин, А.Г. Менабени, Д.Е. Огороднов, Н.Д. Орлова, В.Н. Шацкая и другие педагоги.

Вокальное искусство в исполнительском и педагогическом ракурсах музыкально-художественного творчества исследовали Д.Л. Аспелунд, В.А. Багадуров, Л.Б. Дмитриев, О.В. Далецкий, В.М. Луканин, И.П. Прянишников. Педагогические условия формирования вокального мастерства учителя музыки исследовала Е.М. Барвинская.

Попытки научно обосновать вокально-педагогическую практику предпринимались давно, еще со времен существования староитальянской школы. Однако большинство трудов из вокальной методологии как русских, так и зарубежных, не дают стройной научно-обоснованной теории искусства пения. Работа над вокально-художественным звуком и вокально-образным словом рассматривается преимущественно как техническая сторона звукообразования или звукоизвлечения, и не отделяется в отдельный взятый раздел вокально-исполнительского мастерства для совершенствования вокальной подготовки в системе высшего образования будущих учителей музыки.

Поскольку проблема повышения качества вокальной подготовки будущего учителя музыки в системе высшего образования изучена в научно-педагогической литературе недостаточно, то целью нашей статьи является исследование форм и методов обучения пению в классе постановки голоса у будущих учителей музыки для совершенствования вокальной подготовки. В статье также решаются задачи анализа использования средств музыкальной выразительности и вокально-технических приемов – составной части вокально-исполнительского мастерства для совершенствования вокальной подготовки будущих учителей музыки в системе высшего образования.

Основная часть. Звук, с точки зрения физики, – это своеобразный вид движения. Физики рассматривают органы слуха и слуховые ощущения только как средство, с помощью которого мы можем понять законы движения. Вокальный звук – это, прежде всего, эмоционально-художественное явление, которое каждый слушатель воспринимает индивидуально. Исполнителя звук интересует как слуховое восприятие качества художественного голоса и не только как движение, но и как импульс художественных эмоций.

Вокально-художественный звук – это результат скоординированной работы всего голосового аппарата певца, полноценное и свободное звучание певческого голоса, которое достигается путем применения всех вокально-технических приемов и максимального выявления вокально-акустических и психофизиологических возможностей голосового аппарата в процессе пения.

Вокально-художественный звук – это звучание правильно сформированных и спетых гласных и их сочетаний с согласными, то есть результат правильной продленной речи.

Звук, гласный и слово в процессе художественного пения взаимосвязаны, неотделимы друг от друга. Результатом такого «симбиоза» является выражение самых сокровенных мыслей, чувств автора произведения. Выдающийся режиссер и замечательный певец Осип Осипович Палечек говорил: «Прежде всего – мысль. Мысль дает выражение лицу, осмысленную мимику, оправданный жест. Мысль окрашивает слово и звук, придавая фразе надлежащего звучания» [1, с. 41].

Вокально-исполнительское мастерство включает в себя как технику владения голосовым аппаратом, голосом, так и психотехнику – технику переживания. Психотехника – это комплекс технических приемов, связанных с творческим переживанием во время пения.

Создание художественного образа, раскрытие идейно-художественного содержания, вокально-образное слово – это основные средства воздействия на слушателя. Работа эта состоит из нескольких этапов:

- 1) ознакомление с произведением;
- 2) всесторонний анализ, разучивание произведения и вокально-техническая работа;

- 3) вокальное чтение текста, впевание произведения и процесс вживания в образ;
- 4) художественное исполнение.

Работа над вокально-художественным звуком, в котором задействованы эмоциональные и интеллектуальные способности исполнителя, проводится в следующих направлениях:

- 1) поиск максимального разнообразия звуковых красок, средств музыкальной выразительности и вокально-технических приемов исполнения;
- 2) достижение как можно большего созвучия и напевности, которые совпадают с творческим замыслом авторов произведения и идейно-художественным образом.

Одним из важнейших признаков вокально-художественного звука является напевность, «полётность» и кантиленность вокальной линии. Некоторые музыканты, певцы отождествляют качественные признаки вокального звука (напевность, «полётность») со средствами музыкальной выразительности (кантиленой, легато). Мы не разделяем такой подход. Напевность, «полётность» вокального звука – это одна из качественных характеристик вокального звука. Таким звуком можно петь и нелегитимированные, стаккатируемые звуки. Кантилена как средство художественной выразительности является самым характерным моментом выявления созвучия. Принцип кантиленного пения заключается в том, что техника построения каждого последующего звука должна соответствовать технике построения предыдущего. Звук должен быть абсолютно ровным, однородным и одинаково качественным.

В воспроизведении непрерывной звуковой вокальной линии большую роль играет вокальное дыхание. Это комплексный тип дыхания (диафрагматическое, нижне-реберное-брюшное), которое мы называем певческим дыханием, или дыханием на «опоре». Но пение на «опоре» не может существовать без правильного распределения дыхания, то есть равномерного расходования запаса воздуха в течение музыкальной фразы. Этот навык появляется только в результате тщательной тренировки, впевания произведений и исполнительской практики у будущих учителей музыки в процессе вокальной подготовки.

Звуковой оттенок, окраска, насыщенность, полнота вокального звука, который льется, во многом зависит от вибрато. Каждая голосовая связка, вибрируя как одно целое, одновременно вибрирует и в отдельных своих частях, которые звучат самостоятельно, одновременно с основным тоном. Эта дополнительная вибрация голосовых связок и создает тембр голоса или звуковую окраску. Звучание отдельных частей связок представляет собой звучание обертонов. Именно обертоны дают звуку особой окраски, сочности, полноты и силы. Наличие в голосе вибрато предоставляет певцу большие возможности для исполнения, а именно, динамичности, эмоциональности и выразительности. Но чрезмерное увлечение вибрато приводит к таким негативным явлениям как колебания, качания и треморирование голоса. Такое исполнение поражает слушателя своим неестественным тембром, неточной интонацией, несоблюдением стиля и не проникновением содержанием произведения. Злоупотребление вибрато утяжеляет звук, влечет к потере созвучия и протяжности.

Работа над содержанием произведения, его характером не должна нарушать авторское обозначение темпов. Она достигается путем окраски отдельных фраз и слов сменой динамических оттенков и выразительностью слова. Допустимые отклонения автором от установленного темпа, должны иметь определенные пропорции по отношению к основному «пульсу». Регулируется темп своеобразным законом компенсации – незначительные ускорения внутри одной или нескольких фраз ведут к эквивалентному замедлению.

Исполнитель должен быть очень осторожен, изменяя темп произведения. Незначительные изменения в темпе придают музыке живое дыхание и тепло.

Одним из негативных явлений в вокальном исполнении является затягивание длительности ферматы. Главным ориентиром длительности ферматы является художественный вкус, чувство художественной меры и глубокое понимание авторского замысла вокального произведения. Часто неопытные певцы исполняют ферматы для того, чтобы подчеркнуть свои вокальные данные.

Работа над устранением этих недостатков должна проводиться методом преувеличенного «копирования» студента, который резко выявляет диспропорцию между ритмичным рисунком и «свободной» ферматой исполнителя, вызывая у него критический взгляд к неоправданному затягиванию ферматы и постепенному пониманию законов и требований музыкально-художественной нормы исполнения. Такие же требования касаются выполнения фермат на паузах, которые являются равноценным элементом вокально-художественного звука. Пауза тоже играет роль носителя авторской мысли и имеет эмоционально-содержательную окраску: пауза-размышление, пауза-неожиданность, пауза-вызов и т. д.

Очень часто в исполнении произведений изменение темпов сопровождается изменением динамики, а именно: ускорение темпа на *crescendo*, замедление на *diminuendo* и наоборот. В воплощении музыкального образа произведения это является своеобразным гибким и эмоциональным музыкальным развитием, используемым певцом для передачи эмоциональных чувств, но здесь нужно найти ту границу в исполнении, которая бы была художественно-закономерной.

Для достижения вокально-художественного звука необходимо систематически и целенаправленно впевать все гласные, а также их сопряжение с согласными, потому что в основе пения лежат гласные. Особое большое внимание культуре пения этих гласных и их сочетаний с согласными нужно уделять во время развития и сглаживания певческого диапазона, а также ликвидации пестроты звучания голоса у будущих учителей музыки в процессе формирования основ вокального мастерства. Произношение слов должно быть всегда четким, динамичным, а главное осмысленным близким (в высокой позиции) и темброво-высококачественным. Если между произношением слова и звуком существует разрыв, то произведение, которое выполняется, теряет идейно-художественное содержание. Пение и вокальная техника не могут быть самоцелью, а лишь средством для раскрытия авторского замысла. М.И. Глинка – выдающийся русский композитор, основатель русской вокальной школы, создавший собственный (концентрический) метод обучения говорил: «В музыке, особенно в вокальной, ресурсы выразительности безграничны. Одно и то же слово можно произнести на тысячу ладов, не меняя даже интонации, ноты в голосе, а меняя только акцент, придавая устам то улыбки, то серьезного, строгого выражения» [2, с. 52].

Одним из мощных факторов в развитии техники пения и наиболее законченной формой динамики является владение вокально-техническим приемом вокально-исполнительского мастерства – филирование звука. Филировка звука – это вокально-технический прием постепенного усиления, а затем ослабления звука в процессе пения. Техника филировки звука строится на постепенной подаче вокально-дыхательной энергии (голосовой струи) в резонансный пункт и постепенном, эластичном ее ослаблении. Происходит все это с помощью интенсивной работы диафрагмы и брюшного пресса. Умелое владение техникой филировки предоставляет возможность звуку меняться, приобретать «живое» звучание.

Самым изящным вокально-техническим приемом в вокально-исполнительском мастерстве является владение вокальным приемом портаменто (постепенный, ползучий переход голоса от одного звука к другому). К сожалению, некоторые певцы, не обладая должной мерой или злоупотребляя мастерством кантилены, не выдерживают вокальную линию и заменяют ее непрерывным портаменто.

Владение вокально-техническими приемами портаменто и филировкой звука требуют от исполнителя, кроме технического мастерства, еще и чувства художественного меры и стиля, высокого уровня общей и музыкальной культуры.

Создание художественного образа на основе синтеза звука и слова, за отсутствием ясной дикции невозможно. Четкость и ясность дикции в значительной степени зависит от высокой позиции звука (сохранение резонаторно-акустических форм одинаковой акустической звучности голоса при переходе от одного гласного к другому, одного слога или слова к другому), при которой сложность сочетания гласных и согласных заметно уменьшается. Чтобы донести до слушателя содержание произведения нужно одинаково владеть как звуковой палитрой голоса, так и художественной выразительностью слова. Характер произведения, темп, в котором он исполняется, с одной стороны требует четкого произношения, подчеркнутых или удвоенных согласных, а с другой – более мягкой. В работе над четкой дикцией часто встречается склонность к преувеличению в произношении, чрезмерно подчеркнутая артикуляция языкового характера. Такие преувеличения нарушают один из самых важных принципов пения – выдержанности звуковой линии, певучести.

Вокальное мастерство тесно связано с театральным искусством, в теории которого вопросы формирования исполнительских возможностей, развития средств выразительности и создания сценического образа больше разработаны и имеют определенную систему. Все средства сценической выразительности пения (эмоционально-тембровая палитра, мимика и сценические движения) должны подчиниться внутренним чувствам и глубокому пониманию вокального произведения. Взгляд, выражение лица, движения, жесты, эмоционально-тембровая палитра, форма рта – все это влияет на характер звука, его тембр.

Заключение. Итак, анализируя средства вокальной выразительности и некоторые вокальные приемы, которые являются основной составной частью вокально-исполнительского мастерства будущих учителей музыки как компонента вокальной подготовки, вопросы повышения качества вокальной подготовки и исполнительских возможностей, развития средств музыкальной выразительности и создание вокально-художественного образа должны быть разработаны и систематизированы.

Таким образом, на основе анализа научно-педагогической и специальной музыкальной литературы мы пришли к выводу, о том, одним из возможных решений проблемы совершенствования вокальной подготовки будущих учителей музыки в высшем учебном заведении может стать профессиональное обучение пению в классе постановки голоса студентов, гармонично сочетающее вокальную и исполнительскую подготовку в творческих условиях, образовательном пространстве, созданном в вузе.

Методика обучения пению должна базироваться на вокально-технических приемах – составной части вокально-исполнительского мастерства будущих учителей музыки и создании исполнителем вокально-художественного образа.

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении заключаются в выявлении педагогических условий повышения уровня вокальной подготовки будущих учителей музыки на основе практико-ориентированного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубев П.В. Советы молодым педагогам-вокалистам / П.В. Голубев. – К.: Муз. Украина, 1983. – 87 с.
2. Микиша М.В. Практические основы вокального искусства / М.В. Микиша. – К.: Муз. Украина, 1985. – 80 с.
3. Горбатова Е.В. Внедрение компетентностного подхода в систему музыкально-педагогического образования / Е.В. Горбатова // Музыка в современном мире: наука, педагогика, исполнительство: тезисы II Международной научно-практической конференции. – Тамбов: ТГМПИ им. С.В. Рахманинова, 2006. – С. 85-88.
4. Мациевская С.В. Проблема вокального обучения будущего учителя музыки на современном этапе / С.В. Мациевская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/22818> (дата обращения 19.04.2023).
5. Цыпин Г. Музыкально-исполнительское искусство: Теория и практика / Г. Цыпин. – СПб.: Алетейя, 2001. – 320 с.

Поступила в редакцию 20.07.2023 г.

IMPROVING THE VOCAL TRAINING OF FUTURE MUSIC TEACHERS BASED ON A PRACTICE-ORIENTED APPROACH

T.V. Bavyka

The article deals with the forms and methods of setting the voice future music teachers' while teaching singing in the context of improving their vocal training. The work is focused on the means of musical expressiveness and vocal technique as components of the structure of vocal training of the future music teacher.

Key words: vocal training, vocal-performing skills, singing training, vocal-artistic sound, vocal-figurative word, future music teacher.

Бавыка Татьяна Васильевна,

Старший преподаватель кафедры музыкального образования факультета музыкально-художественного образования имени Джульетты Якубович ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск.

E-mail: tanya.bavyka@mail.ru

Bavyka Tatiana Vasilievna,

Senior teacher of the Department of Music Education of the Faculty of Musical and Art Education named after Juliet Yakubovich, Luhansk State Pedagogical University.

E-mail: tanya.bavyka@mail.ru

УДК 378.14

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБКИХ МЕТОДОЛОГИЙ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© 2023. *Е.И. Приходченко, Д.Б. Иващенко*

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»

В данной статье рассмотрено применение гибких методологий проектного управления в образовательном процессе высших учебных заведений. Рассмотрены аспекты реализации методологии Education Scrum (eduScrum), выделены роли и процессы методологии в управлении образовательным процессом.

Ключевые слова: гибкие методологии, Agile, Scrum, EduScrum, методология преподавания, образовательная практика.

Современный выпускник высшей школы должен не только обладать практическими знаниями в предметной области, но также иметь ряд специфических навыков – уметь ориентироваться в динамично меняющемся, изменчивом мире, самостоятельно заниматься поиском и анализом информации, определять перед собой цели и задачи, грамотно определять временные рамки на их выполнение, уметь самостоятельно адекватно оценить собственный прогресс и результаты деятельности, уметь выступать как грамотным управленцем в одних процессах, так и компетентным исполнителем в других, обладать коммуникативными навыками для результативной работы в команде.

Данные навыки студент может приобрести в процессе обучения, основанного на принципах проектного управления – таких как метод Agile и его «ответвления» Scrum [1], а также такого специфического метода, зародившегося в образовательной сфере – Education Scrum (eduScrum) [2].

Целью данной работы является анализ возможностей применения гибких методологий проектного управления в образовательном процессе вуза.

Agile-метод получил свою популярность в сфере разработки программного обеспечения благодаря своей гибкости и адаптивности [3]. Он представляет собой итеративный и инкрементальный процесс разработки, который позволяет командам оперативно и эффективно реагировать на изменения требований и условий рынка. Данный метод основывается на эффективной коммуникации и сотрудничестве между разработчиками, заказчиками и другими участниками проекта, что приводит к разработке такого программного продукта, который устраивает все заинтересованные стороны проекта [4].

Scrum является одним из наиболее популярных и широко используемых Agile-методов в разработке программного обеспечения. Scrum также является итеративным и инкрементальным процессом разработки, но в отличие от других Agile-методов, Scrum предполагает чёткое определение ролей и процессов при разработке программного обеспечения [5].

Так, в Scrum выделяют такие роли: скрам-мастер, заказчик продукта и команда разработчиков. Каждая роль имеет свои обязанности и задачи в рамках процесса разработки. Скрам-мастер отвечает за соблюдение процесса и помогает команде

разработчиков достигнуть целей, заказчик продукта определяет требования к продукту и приоритезирует их, а команда разработчиков отвечает за разработку и доставку продукта [6].

Согласно данному методу, команда разработчиков работает в определенных временных рамках, называемых спринтами. Каждый спринт имеет конкретно сформированные цели и задачи, которые должны быть выполнены командой в течение этого спринта. Результаты работы команды в рамках каждого спринта оцениваются и обсуждаются на специальные встречи, которая называется «ретроспектива спринта». На данной встрече должны участвовать все заинтересованные стороны проекта, что позволяет убедиться в том, что команда разработчиков на правильном пути и продукт соответствует ожиданиям заказчика [7].

Благодаря своей простоте и структурированности, Scrum широко применяется в различных проектах, не только в IT-сфере. Scrum позволяет командам быстро реагировать на изменения требований и условий рынка, что позволяет создавать более успешные и качественные продукты.

Рассматривая применение Scrum в контексте применения в высшей школе, можно выделить следующие особенности [8]:

Спринт как альтернатива «длинной дистанции»:

Традиционная модель образования подразумевает деление учебного процесса на семестры длительностью, в среднем, 4-5 месяцев. Методология Scrum привносит в образование следующие изменения – учебный процесс разделяется на итерации («спринты») длительностью от двух недель до двух месяцев. Перед каждой итерацией перед обучающимися определяются цели и задачи, которые необходимо достигнуть за итерацию, а по завершении проводится подведение итогов – каких результатов добился студент, и как можно улучшить его будущий прогресс. За счёт таких непродолжительных итераций и получению обратной связи преподаватель имеет возможность корректировать учебный процесс в случае необходимости, применяя методы адаптивного обучения.

Взаимодействие в команде:

Agile-методология отводит взаимодействию в проектной команде главенствующее место. Для решения образовательных задач создаётся команда от 6 до 8 студентов. В данной команде определяется лидер («Scrum-мастер»), устанавливаются рамки выполнения поставленной задачи, распределяют задачи между участниками для параллельного выполнения. Такая форма взаимодействия позволяет студентам не только активно и ответственно включаться в процесс обучения, но и приобретать, повышать социальные, коммуникационные навыки.

Проектный подход как альтернатива классической модели лекции:

Agile-методология предусматривает достижение результата без жёсткой регламентации метода реализации. Данный принцип применим и в образовательном фреймворке – участники команды могут прибегать к таким методам как «мозговой штурм», поиск нестандартных методов и креативных идей для решения задач. Данный подход развивает у студентов креативное мышление, а также преобразует учебный процесс в более увлекательную для студента форму.

Систематический контроль и улучшение прогресса:

Классическая модель образования подразумевает метод оценки знаний в виде контрольных работ, итоговых тестирований. Agile-методология подразумевает оценивание прогресса студента по завершении итерации, что позволяет оценить его знания и восполнить недостающие знания в процессе.

Внутренняя оценка прогресса:

Преподаватель выбирает команды по завершении итерации, анализирует их результаты, и просит студентов из выбранной команды самостоятельно оценить результаты собственной работы.

Данный подход позволяет студентам развивать адекватную обратную связь и ответственно подходить к выполняемой ими работе.

Изменение роли преподавателя:

Классическая модель образования ставит преподавателя в центре учебного процесса. Agile-методология наделяет его другой ролью – «Scrum-мастера» или «владельца процесса». Преподаватель в данном случае задаёт направление поиска, assisteрует в сложных вопросах, корректирует действия студентов.

Так, в контексте высшего образования набирает популярность внедрения eduScrum в деятельность Высших Учебных Заведений (ВУЗ) [9–11].

eduScrum – это модификация, основанная на базовых принципах Scrum таких как итеративность, инкрементальность, коммуникация, кооперативность и быстрое реагирование на изменения, специально для применения в образовании, которая позволяет студентам развивать социальные и учебные навыки путем реализации проектов в рамках малых группах [11]. Данная модификация была разработана в Нидерландах в 2014 году как ответ на вызовы, стоящие перед образованием. К таким вызовам относится [12]:

- низкий уровень мотивации студентов и учащихся;
- традиционная лекционная система обучения, которая не всегда эффективна для всех студентов;
- необходимость развития социальных и коммуникативных навыков у студентов;
- потребность в более гибком и адаптивном образовании, которое может лучше отвечать на изменяющиеся потребности рынка труда.

Положив начало своего применения в Нидерландах, eduScrum получил своё распространения во многих учебных заведениях по всему миру, особенно это касается профессий, где в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и методов управления персоналом традиционная форма деятельности преобразуется от просто проектной работы [13], к командной форме проектной деятельности [9, 13].

К таким профессиям можно отнести:

- разработку программного обеспечения и информационных технологий;
- управление проектами и бизнес-процессами;
- дизайн и архитектуру;
- маркетинг и рекламу;
- инженерии и технические науки;
- образование и педагогику;
- социальная работа и здравоохранение.

В этих профессиях командная работа является необходимым условием для успешной реализации своей деятельности и достижения поставленных целей.

Во время прохождения производственной практики студенты сталкиваются с необходимостью выполнения проектной работы и именно в этом процессе происходит оптимальная реализация eduScrum.

Также, как и в методе Scrum, применение eduScrum в образовательной деятельности требует чёткого определения ролей. Выделяются такие роли [14]:

Роль заказчика продукта назначается заинтересованному лицу (профессионалу) компании, на которой студент проходит производственную практику. Данное лицо

отвечает за предоставление бэклога продукта, за составление списка требований к проекту и является основным контактным лицом от компании для вопросов, связанных с содержанием проекта;

Agile Coach – это роль, которая включает в себя поддержку студентов в вопросах, связанных с применением методики eduScrum и теоретическими знаниями, необходимыми для выполнения заданий производственной практики. В рамках данной модификации Agile Coach является преподавателем, который берет на себя обязанность обучить студентов теоретическим аспектам, связанным с выполнением заданий и прохождением производственной практики [15]. К таким аспектам можно отнести научные методы для решения поставленной задачи и теоретические основы организации работы в команде;

Роль eduScrum Master играет ключевую роль в успешной реализации проектов в рамках данной модификации, и заключается в организации деятельности проектной команды. Он обеспечивает своевременное выполнение задач, устраняет препятствия, которые могут замедлить процесс, и содействует команде в достижении целей проекта. Это включает организацию регулярных встреч команды, взаимодействие с Agile Coach и заказчиком продукта для обеспечения эффективной коммуникации между студентами и заинтересованными сторонами, а также проведение ретроспектив, чтобы оценить результаты деятельности, достигнутые в рамках одного спринта. eduScrum Master назначается из числа студентов. Стоит отметить, что каждая студенческая команда выбирает eduScrum Master поочередно на каждом спринте, что позволяет студентам развивать свои лидерские качества и получать опыт работы в разных ролях;

Роль «Команда студентов». Команда студентов действует как самоорганизующаяся команда, определяя, как реализовывать требования и структурировать рабочие задачи в отдельном спринте. Команда междисциплинарна и её размерность составляет от трех до семи человек. Данная команда, основываясь на знаниях, полученных от Agile Coach, однако они самостоятельно выбирают метод для выполнения проекта, а также принимают решения о распределении задач внутри команды. Следовательно, высокий уровень ответственности за результаты проекта лежит именно на этой команде.

Также, данная модификация адаптирует под образовательные нужды основные процессы Scrum [14]:

Планирование спринта. Цель данного процесса заключается в планировании и организации деятельности для грядущего спринта. Совместно с заказчиком продукта, команда студентов обсуждают и утверждают требования к инкременту продукта, который планируется разработать в результате спринта. Результатом данного процесса является разработанный eduScrum Master план на предстоящий спринт. Составляющие этого плана, такие как использованные методы решения, определение временных рамок для каждой из задач спринта, изучается и оценивается Agile Coach;

Следующий процесс – ретроспектива спринта. На данном процессе все участники проекта оценивают работу команды студентов и качество составленного eduScrum Master плана на спринт. Поднимается вопрос проблем, возникших в процессе работы, на которые Agile Coach предоставляет теоретическую базу, чтобы не допустить этих проблем на практике в дальнейшем;

Также адаптированным процессом является Scrum-митинг – это ежедневная встреча команды студентов на которой происходит планирование и синхронизация работ на текущий день. Это самая короткая встреча по длительности и, согласно рекомендациям eduScrum, не должна занимать более 15 минут;

Процесс усовершенствования в рамках eduScrum предполагает проведение встречи, которая происходит раз в неделю в тот период, когда не проходит встреча, посвященная планированию спринта. Данная встреча используется для того, чтобы заказчик продукта мог представить и объяснить новые или измененные элементы списка задач. Если команда студентов, оценивая новый список задач понимает, что его невозможно выполнить в рамках текущего спринта, то этот список выносится на встречу по планированию следующего спринта. Также, Agile Coach, изучая этот список, может подготовить теоретическую базу, которая поможет при решении этих задач.

Адаптированы под требования образования и характерные для Scrum артефакты [14, 13]. Так, бэклог продукта, в контексте eduScrum – это список задач, требований и идей, которые необходимы для успешного выполнения проекта. В eduScrum, ответственность за создание бэклога лежит на заказчике продукта, который определяет список задач и их приоритетность. Agile Coach предоставляет команде студентов и eduScrum Master необходимую теоретическую базу для решения этих задач, а команда студентов во главе с eduScrum Master определяет какими методами и технологиями они будут их выполнять.

Бэклог спринта – это список задач, которые должны быть выполнены командой студентов во время спринта. Во время проведения встречи, посвящённой планированию спринта, все заинтересованные стороны проекта высказывают своё мнение, какие задачи оптимально выполнить, однако, ключевое значение при составлении этого списка задач лежит на заказчике продукта.

Инкремент продукта представляет собой результаты работы команды студентов на протяжении спринта. Команда студентов, согласно выбранным методам, основанных на теоретической базе, предоставленной Agile Coach, создают готовый инкремент, который должен иметь ценность для заказчика продукта. Команда студентов должна предоставить готовый инкремент продукта до проведения ретроспективы спринта, чтобы заказчик продукта успел оценить его и определить, нужно ли внести изменения в бэклог продукта.

Длительность производственной практики зависит от многих факторов, включая требования к квалификации и уровню подготовки студентов, задач, которые необходимо выполнить, а также требований компании, в которой проводится практика. В среднем производственная практика длится от 6 до 14 недель.

Следовательно, использование коротких спринтов длительностью 1-2 недели имеет множество преимуществ в производственной практике. Во-первых, такие спринты позволяют быстро оценить эффективность работы и внести необходимые коррективы. Во-вторых, короткие спринты позволяют быстрее получать результаты работы и достигать поставленных целей. В-третьих, они способствуют увеличению прозрачности работы команды и повышению ее ответственности за результаты.

Заключение. В заключении, можно сказать, что Agile-методология и её модификация education Scrum (eduScrum) является особым видом проектной деятельности как студентов, так и преподавателя. Рассмотренные особенности eduScrum позволили выявить ряд характеристик, присущих фреймворку, ключевыми из них можно выделить больший упор на самостоятельную работу студента в команде, смещение роли преподавателя к «владельцу продукта» (знания, полученные студентом), приобретение студентом не только практических знаний в предметной области, но и приобретение социальных и коммуникативных навыков.

Применение метода eduScrum не ограничивается исключительно образовательным процессом, и, как показывает зарубежная практика, гибкость и

адаптивность метода оптимально подходит в разрезе производственной практики, которую проходит студент в процессе обучения. Применение гибких методологий в обучении, несмотря на множество публикаций и достаточное раскрытие темы, является перспективным направлением, особенно, в виду новых вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иващенко Д. Б. Корпоративное приложение как прикладное решение по повышению степени информатизации и автоматизации процессов на предприятии / Д. Б. Иващенко, А. О. Коломыцева // Новое в экономической кибернетике. – 2020. – № 2. – С. 73-92.
2. Бобр А. Специфика развития гибких навыков на основе технологии scrum в современной средней общеобразовательной школе / А. Бобр, И. Мигдаль // Коцепт. – 2021. – №6. – С. 118.
3. Михайлов А. А. Масштабируемые гибкие фреймворки. Анализ и сравнение/ А. А. Михайлова, О. Н. Владимирова // Масштабируемые гибкие фреймворки. Анализ и сравнение. – 2022. – №7. – С. 664-673.
4. Alsaqqa S. Agile Software Development: Methodologies and Trends / S. Alsaqqa, S. Sawalha, H. Abdel-Nabi // International Journal of Interactive Mobile Technologies. – 2020. – Iss. 4. – pp. 246-270.
5. Коршикова М. В. Современные подходы проектного менеджмента / М. В. Коршикова, И. Г. Свистунова, Т. И. Сахнюк // Наука Красноярья. – 2020. – №4. – С. 383-395.
6. Ильин И. В. Практика реализации AGILE-методологий при разработке программного обеспечения в дисциплинах цикла «программирование» при подготовке бакалавров IT-направлений / И. В. Ильин, А. Ф. Кузаев // Педагогическое образование в России. – 2022. – №5. – С. 104-110.
7. Найдис И. О. Метод AGILE в управлении проектами: реализация метода, компетенции команды и руководителя проекта / И. О. Найдис // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2020. – №4. – С. 15-24.
8. Aragonés-Jericó C. AGILE learning in marketing: SCRUM in higher education / C. Aragonés-Jericó, P. Canales-Ronda // Journal of Management and Business Education. – 2022. – Vol. 5. – №4. – P. 345-360.
9. Запевалов А. В. Организация командной проектной деятельности студентов в формате онлайн с использованием метода Eduscrum / А. В. Запевалов // Вестник кибернетики. – 2022. – №1. – С. 23-28.
10. Молчанова Е. В. Сквозные цифровые технологии как предиктор нового формата работы преподавателя в условиях цифровой трансформации образования / Е. В. Молчанова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – С. 164-166.
11. Гороховская Н. А. Применение метода Scrum в обучении студентов: организация командной работы // Современное педагогическое образование. – 2023. – №1. – С. 19-25.
12. Молодчик Н. А. Формирование и внедрение модели практико-ориентированного обучения в университете на основе agile-принципов / Н. А. Молодчик, Н. И. Нагибина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2019. – №1. – С. 44-54.
13. Tudevtagva Ur. An Implementation and Evaluation Report of the Active Learning Method EduScrum in Flipped Class/ Ur. Tudevtagva, Ar. Heller, W. Hardt // International Journal of Information and Education Technology. – 2020. – Vol. 10. – №9. – P. 649-954.
14. Neumann M. Agile Methods in Higher Education: Adapting and Using eduScrum with Real World Projects / M. Neumann, L. Baumann // ArXiv. – June, 23, 2021. – URL: <https://arxiv.org/abs/2106.12166>
15. Чуланова О. Л. Agile-коучинг как высокоэффективный инструмент управления проектными командами в условиях неопределенности и многозадачности / О. Л. Чуланова // Вестник Сургутского государственного университета. – 2019. – №1. – С. 145-155.

Поступила в редакцию 26.06.2023 г.

**THEORETICAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF FLEXIBLE PROJECT MANAGEMENT
METHODOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER EDUCATION**

E.I. Prihodchenko, D.B. Ivashchenko

This article examines the application of flexible project management methodologies in the educational process of higher education institutions. The aspects of the implementation of Education Scrum (eduScrum) methodology are considered, the roles and processes of the methodology in the management of the educational process are highlighted.

Key words: Flexible methodologies, Agile, Scrum, EduScrum, teaching methodology, educational practice.

Приходченко Екатерина Ильинична

Доктор педагогических наук, профессор,
Профессор кафедры инженерной педагогики
и лингвистики ФГБОУ ВО «Донецкий
национальный технический университет».

Prihodchenko Ekaterina Ilyinichna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of Department of Engineering
Pedagogy and Linguistics,
Donetsk National Technical University,

Иващенко Даниил Богданович

Аспирант ФГБОУ ВО «Донецкий национальный
технический университет».
E-mail: ivashhenko.1997@mail.ru

Ivashchenko Daniil Bogdanovich

Postgraduate student
Donetsk National Technical University.
E-mail: ivashhenko.1997@mail.ru

УДК 371.27

СПЕЦИФИКА ПРИЕМА ОДАРЕННЫХ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ В ВУЗЫ США

© 2023. *Е.В. Скворцова*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматриваются основные тенденции процесса приема одаренных старшеклассников в высшие учебные заведения США, делается попытка выделить основные требования к поступлению в университеты США, выделяются основные программы раннего поступления одаренных выпускников школ в высшее учебное заведение.

Ключевые слова: одаренность, одаренный обучающийся, высшее учебное заведение, программы раннего поступления для одаренных студентов.

Введение. В настоящее время высшее образование развивается в соответствии с мировыми тенденциями, что позволяет адаптировать систему высшего образования к международным стандартам. В первую очередь, это касается нормативно-правовой базы, которая должна соответствовать современным потребностям и инновационным возможностям страны, а также четкого определения перечня документов, необходимых для поступления.

Процесс выбора учебного заведения и поступления в него представляет значительные трудности для молодых людей, так как они часто не уверены в определении своих будущих карьерных целей в конце школьного обучения. Особенно сложно это может быть для одаренных личностей, у которых имеются особенности в психологическом развитии и требуется больше времени для принятия решений. В связи с этим, опыт США в организации процесса определения карьерного будущего и процедуры поступления для одаренных выпускников школ может оказаться весьма полезным для отечественной системы образования.

Ученые, педагоги и психологи ведущих стран мира, таких как Б. Блум, Д. Векслер, Дж. Гилфорд, А. Зиглер, Дж. Рензулли, Дж. Равен, С. Рис, Л. Смит, Л. Терман, П. Торренс и Ф. Уильямс, А. Бине и Р. Мейли из Франции, К. Хеллер и В. Штерн, Ю. Бабаева, С. Дерябо, В. Лебедева, Н. Лейтес, А. Матюшкин, В. Орлов, В. Панов, Б. Теплов, М. Холодная, В. Шадриков, В. Юркевич, Е. Яковлева и Д. Богоявленская, исследовали возможности одаренных личностей, само явление одаренности, а также проблемы, возникающие при наличии определенных талантов и психологические особенности этой группы людей. Эти исследования проводились в течение XX века.

Цель данной статьи заключается в исследовании основных тенденций, связанных с поступлением одаренных старшеклассников в высшие учебные заведения США, а также в определении особенностей вступительной кампании для таких талантливых личностей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: провести анализ современного состояния проблемы поступления одаренных индивидуумов в американские вузы; осуществить критический анализ тенденций в применении различных форм и методов поддержки в процессе поступления в университеты; выявить наиболее существенные процедуры поступления для одаренных учащихся в вузах США, которые могут быть использованы и изучены в российском педагогическом опыте.

Основная часть. В процессе поступления одаренных выпускников школ в вузы США имеются свои особенности. Талантливые студенты стремятся получить образование на качественном уровне и преумножить свои знания и навыки. Прежде всего, для поступления в американский вуз необходимо пройти строгий отбор. Один из ключевых критериев – успехи ученика в учебе. Зачастую, для того чтобы отличиться от остальных претендентов на обучение, необходимо продемонстрировать яркие результаты в учебной деятельности, иметь высокие оценки и активно участвовать во внеурочных занятиях и проектах [9].

Однако, успехи в учебе – не единственный фактор, влияющий на решение приемной комиссии. Качественный анализ индивидуальных достижений каждого поступающего становится первостепенной задачей вуза. Это означает, что допуск в университет не зависит исключительно от успехов в учебном процессе. Положительный вывод о выполнении заданий, проведении исследований и привлечении к делу широкого круга людей может стать решающим аргументом.

Независимо от успешности в учебном процессе, рекомендательные письма написанные учителями или тьюторами, могут стать важным критерием. Ведь такие письма могут отражать не только успех студента в школе, но и его личностные качества – лидерство, инициативность, творческий потенциал. Также, при поступлении в американские вузы необходимо пройти стандартные экзамены SAT или ACT, которые оценивают знания и интеллектуальные способности учащихся. Эти экзамены предоставляют баллы, по которым можно сравнивать кандидатов друг с другом.

Наконец, стоит отметить, что многие вузы в США проводят личные интервью с претендентами на обучение. Это позволяет выявить индивидуальные способности и мотивацию студента к обучению в данном заведении, а также дает возможность лично пообщаться и задать вопросы.

Окончательное решение принимается на основе комплексного анализа всех этих факторов, их взаимосвязи и соответствия требованиям университета [10].

В Соединенных Штатах Америки отсутствует единая национальная система высшего образования, так как учебные заведения, за исключением военных академий, не подчиняются федеральному правительству. Тем не менее федеральная власть обеспечивает руководство и финансирование образовательных программ, в которых участвуют как государственные, так и частные учебные заведения. Министерство образования США следит за выполнением таких программ.

Высшие учебные заведения в США предоставляют разнообразные возможности для одаренных старшеклассников и могут быть условно классифицированы следующим образом:

1. Двухлетние колледжи. Известные как местные или общественные колледжи, финансируются местными властями и ориентированы на удовлетворение местных потребностей в специалистах средней квалификации. Программы обучения разнообразны и включают подготовку к высшим учебным заведениям, получение практических навыков, общее образование и подготовку специалистов для местных нужд. Преимущество таких колледжей – в относительно невысокой плате за обучение и в том, что в них легче поступить. После окончания общественного колледжа и получения степени младшего специалиста студент имеет возможность перевестись на второй курс университета. Однако, следует заметить, что престижные университеты принимают лишь небольшой процент студентов колледжей.

2. Четырехлетние колледжи. Предоставляют образование в родственных дисциплинах, приводя к получению степени бакалавра гуманитарных или естественных наук.

3. Университеты. Включают в себя различные колледжи, аспирантуры, профессиональные школы и научно-исследовательские центры, предоставляя программы для бакалавров, магистров и аспирантов.

Процесс планирования поступления в колледж предоставляет студентам информацию от консультантов, взрослых и сверстников, способных понимать потребности одаренных. Программы для одаренных студентов должны начинаться с седьмого класса, обеспечивая подробную информацию и содействуя развитию навыков самоанализа и принятия решений [1].

В седьмом и восьмом классах особое внимание уделяется самоанализу, управлению временем, навыкам обучения и профориентации. Разрабатываются 4- или 6-летние планы, и стимулируется участие в региональных программах поиска талантов. Обучающихся поощряют к сдаче вступительных испытаний, таких как SAT и ACT, а также к изучению усложненных курсов в математике, языках и естественных науках. Если ученики не могут начать изучение сложных курсов по расписанию, предлагаются летние или дистанционные программы, финансируемые региональными центрами поиска талантов [6, p. 171].

В процессе консультирования выпускников девятого и десятого классов акцент продолжает делаться на помощи старшеклассникам в разъяснении их интеллектуальных, социальных и эмоциональных переживаний, формировании собственной идентичности и направлении их в будущем, а также определении краткосрочных и долгосрочных целей. К 10-му классу одаренные студенты начинают осознавать, как их предметы, ценности, интересы и цели связаны с будущей профессиональной карьерой. Они также узнают, что некоторые интересы и таланты развиваются в художественном или научном направлении, в то время как другие остаются только хобби.

В одиннадцатом и двенадцатом классах руководящие меры включают организацию взаимодействия и стажировки у опытных наставников. На групповых семинарах школьникам предоставляется возможность узнать, как выбрать университет, кто участвует в процессе приема, как оценивают кандидатов и какие требования предъявляются. Они осознают важность подачи заявления и умение представить себя таким образом, чтобы учебное заведение рассмотрело их как достойных кандидатов. Родители одаренных старшеклассников также вовлекаются, поддерживая эффективность программы руководства, участвуя в школьных центрах по развитию карьеры и предоставляя дополнительные возможности [8].

Одаренные выпускники школ узнают о колледжах поэтапно. Первый этап включает сбор общей информации и посещение разных колледжей. К концу 11-го класса ученик должен составить список от 10 до 20 колледжей на основе своих личных критериев. Второй этап включает анализ и оценку этой информации. К середине 12-го класса выпускник должен сократить свой список до пяти или шести колледжей, учитывая свои личные ценности, интересы и потребности, разнообразие и доступные возможности колледжей, прагматические аспекты, такие как стоимость и расстояние, и методы приема в колледж (коэффициент селективности). Окончательный список должен включать один университет, который безусловно примет данного кандидата, а также второй и третий колледжи, требования которых немного выше средних результатов выпускника [11, p.186].

Некоторые одаренные старшеклассники стремятся поступить в самые селективные колледжи и университеты, где на одно место первокурсника приходится более 10 заявлений. Абитуриенты, мечтающие о поступлении в такие колледжи

должны быть готовы к высоким требованиям. Они должны понимать, что сам процесс подачи заявления может сыграть решающую роль в принятии или отклонении их кандидатуры [2].

В американских учебных заведениях обычно используются различные критерии для приема студентов, и одаренные абитуриенты не являются исключением. Среди общих критериев можно назвать результаты тестирования (American College Testing Program/Scholastic Assessment Test), активное участие во внеклассной деятельности, средний балл аттестата, целостность личности и эссе при подаче документов. Также могут быть учтены дополнительные критерии, такие как спортивные достижения, принадлежность к семье с высшим образованием, раса, финансовая способность оплаты обучения, жертвование финансов учебному заведению, определение необходимого состава класса (особенно наличие разнообразия в классе по расе, географии и национальности, а также интересам), состояние здоровья, субъективная оценка характера студента (на основе эссе или интервью) и окончательное решение приемной комиссии. Значение различных факторов меняется в зависимости от университетов, и их строгость измеряется процентом принятых заявлений, который может варьироваться от 100 % в колледжах с открытым приемом до менее 10 % [7, p. 92].

В большинстве американских вузов абитуриенты могут подать заявку на поступление с использованием общей формы заявления (the common application), не ограничивая себя в количестве колледжей и университетов, в которых они могут подаваться. Обычно требуется оплата за рассмотрение документов для каждого приема в каждом вузе, но в зависимости от финансового положения заявителя или его семьи плата может отсутствовать. Каждый колледж оценивает пакет документов, используя свои собственные критерии, чтобы определить, следует ли принять абитуриента (и, возможно, предоставить финансовую помощь). Из-за того, что каждый колледж имеет свои собственные критерии допуска, система приема старшеклассников в вузы в США является децентрализованной, даже при использовании общей формы заявления.

Хотя процесс поступления в американские вузы достаточно стандартизирован, существуют альтернативные программы, которые позволяют одаренным выпускникам школ поступать в выбранный колледж раньше. К таким программам относятся "раннее решение" (early decision program) и "ранние действия" (early action program) [4].

"Раннее решение" (early decision) - это распространенная политика приема, которую используют колледжи в Соединенных Штатах, чтобы зачислить первокурсников в бакалаврские программы. Она позволяет кандидатам указать, что они хотят поступить именно в этот университет или колледж. Кандидаты, подающие заявление раньше, обычно отправляют свои документы до конца октября последнего года обучения в средней школе и получают решение в середине декабря. В отличие от студентов, выбирающих обычный срок подачи заявления (regular decision), которые должны подать заявки до 1 января и получить решение до 1 апреля. Только небольшое количество колледжей в США предлагают программы "раннего решения" или "ранних действий". Другие принимают заявки в течение длительного периода времени, известного как период зачисления (rolling admission). Программа "раннее решение" отличается от программы "ранних действий" тем, что она обязывает студента поступить в выбранный колледж, а программы "ранних действий" не обязывают студента принять предложение о поступлении.

Для участия в программе "раннего решения" абитуриенты должны заполнить специальную форму заявления, которая подтверждает их намерение поступить именно

в этот колледж. Прежде чем заполнять заявление, абитуриенты должны обратиться к инструкциям по программе "раннего решения" на сайте учебного заведения, чтобы ознакомиться с крайними сроками подачи документов и требованиями колледжа. На верхней части бланка заявления указывается название колледжа и крайние сроки подачи документов. Затем абитуриенты должны указать свое имя, пол, дату рождения, адрес и информацию о своей школе. Кроме того, они должны указать, были ли они участниками программы "раннего решения" в предыдущем году.

В инструкции от Национальной Ассоциации Консультирования Колледжей о Правилах Приема, взятой из официального бланка, рассматривается понятие "ранних решений" — это процесс подачи заявки в колледж, где старшеклассники обязуются присоединиться к учреждению, являющемуся их первым выбором (First-choice institution), и, при условии, что их документы будут приняты, они будут безусловно зачислены. Претенденты, преследующие цель поступления по программе раннего решения, но интересующиеся также другими учебными заведениями, могут подать только одно заявление по программе раннего решения и ожидать его рассмотрения. В случае, если учреждение не предоставило финансовую помощь студенту, тем самым делая его обучение в конкретном колледже невозможным, студент может отклонить предложение о поступлении, освобождая себя от обязательств перед учреждением в рамках программы раннего решения. Организация должна ознакомить заявителя с принятым решением в течение определенного времени после окончания срока подачи документов. Как правило, что касается уплаты за рассмотрение дела, которая не возвращается в случае отклонения, она должна быть произведена до 1 мая. Учреждение также должно ответить на заявки на финансовую помощь одновременно с предложением о поступлении. Некоторые колледжи, использующие программу раннего решения, могут ограничить возможность студентов подавать документы по другим программам. В связи с этим, учреждения должны четко определить свою политику в отношении программы раннего решения в договорах о раннем зачислении.

В случае получения заявителем уведомления о его зачислении в колледж по программе раннего решения, он обязан немедленно отозвать все остальные заявления, поданные в другие колледжи и университеты. В то же время, он не может обратиться к другим учебным заведениям в любой стране мира с просьбой о зачислении. Однако, если кандидат, подавший заявление по программе раннего решения и нуждающийся в финансовой помощи, пока не получит сообщение о ней от учебного заведения, к которому он обратился по программе раннего решения, ему необходимо сохранить остальные заявления.

Дополнительно, абитуриент, заполняя бланк заявления, подтверждает свои намерения быть участником программы раннего решения и принимает на себя обязательства, описанные в связи с процессом раннего принятия решений. Он также соглашается с тем, что учебное заведение, принимающее его по программе раннего поступления, может опубликовать его имя в качестве претендента на обучение. Своей подписью консультант старшей школы подтверждает, что он рекомендовал заявителю соблюдать обязательства по программе раннего решения, описанные выше. Подпись родителя или опекуна подтверждает его намерения гарантировать, что заявитель будет соблюдать обязательства программы раннего решения, описанные выше. Вместе с каждой подписью указывается дата заполнения бланка [3].

Растущая популярность такой программы, позволяющей поступить в учебное заведение раньше обычных сроков, является следствием ее преимуществ для студентов, которые уверены в своих академических достижениях и выборе колледжа, независимо

от финансовой помощи, которую они могут получить в других учебных заведениях. Раннее зачисление также позволяет избежать стресса, связанного с подачей заявлений в несколько учреждений, и дает студентам больше времени для планирования своей будущей жизни в конкретном колледже [5].

Заключение. Рассмотрев стандарты вступительной кампании в высшие учебные заведения США, можно сделать выводы о том, что: 1) не существует отдельной системы отбора одаренных студентов в вузы; 2) не наблюдается выдвижения отдельных требований к одаренным выпускникам школ в процессе подачи документов о зачислении в колледж, кроме заполнения дополнительных заявлений, в которых указываются - особые достижения кандидата (например, творческие, спортивные, академические и т.д.); 3) каждое высшее учебное заведение США имеет право разрабатывать собственные критерии приема и требования к кандидату, именно поэтому существует личностный подход в рассмотрении заявления каждого абитуриента; 4) в Америке существует особый опыт подготовки одаренной личности к выбору колледжа (6-летний процесс определения учебного заведения; 5) использование особых ранних программ поступления (Early decision/ Early Action Programs) позволяют одаренным выпускникам школ, которые приняли свое решение в отношении вузов, не терять время и поступать раньше.

Таким образом, критическое осмысление ведущего американского опыта дает возможность реформировать вступительную кампанию в нашей стране, разработав отдельные требования к поступлению одаренных старшеклассников в вузы, и четко определить приоритеты, направленные на стимулирование наиболее талантливых студентов к обучению на протяжении всей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новикова Е.В. Основные характеристики вступительной кампании одаренных студентов в вузы США [Электронный ресурс] / Е.В. Новикова // Вестник Донецкого педагогического института. – №3. – С. 99-106. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-vstupitelnoy-kampanii-odarennnyh-studentov-v-vuzy-ssha> (дата обращения: 04.10.2023).
2. Admission requirements in Universities of the USA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unipage.net/en/admission_usa (дата обращения: 09.07.2023).
3. Complete Guide to the US University & College Application Process [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shorelight.com/student-stories/the-ultimate-us-university-application-guide-for-international-students/> (дата обращения: 30.08.2023).
4. Early Decision and Early Action Deadlines for 2023-2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://admissionsight.com/early-decision-and-early-action-deadlines-2023-2024/> (дата обращения: 14.06.2023).
5. Eligibility & Admissions Requirements [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.giftedstudy.org/how-to-apply/eligibility> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Gagné, F. The Differentiated Model of Giftedness and Talent // Systems and Models for Developing Programs for the Gifted and Talented. – 2nd ed. – Routledge: Londong, UK, 2023. – P. 165–192.
7. Hinterplattner, S.; Wolfensberger, M.V.C.; Lavicza, Z. Honors students' experiences and coping strategies for waiting in secondary schools and at university // J. Educ. Gift. – 2022. – Vol. 45. – P. 84–107.
8. Kaplan, S.N. Factors Affecting the Perceptions and Practices of Differentiated Curricula and Pedagogies for Gifted and Talented Students // Educ. Sci. – 2022. – Vol. 12. – P. 41.
9. Reis, S.M., Renzulli, S.J., Renzulli, J.S. Enrichment and Gifted Education Pedagogy to Develop Talents, Gifts, and Creative Productivity // Educ. Sci. – 2021. – Vol 11. – P. 615.
10. Snyder, K.E., Wormington, S.V. Gifted Underachievement and Achievement Motivation: The Promise of Breaking Silos // Gift. Child Q. – 2020. – Vol. 64. – P. 63–66.
11. Ziegler, A., Stoeger, H. Systemic Gifted Education: A Theoretical Introduction // Gift. Child Q. – 2017. – Vol. 61. – P. 183–193.

Поступила в редакцию 14.08.2023 г.

THE USA UNIVERSITIES ADMISSION PECULARITIES FOR THE GIFTED STUDENTS

E.V. Skvortsova

The article discusses the admission process for gifted students in higher educational institutions in the United States. It aims to identify the main requirements for these students and highlights the early admission programs available for them. The focus is on giftedness, gifted students, institutions of higher education, and early admission programs for gifted students..

Key words: giftedness, gifted student, institutions of higher education, early admission programs for gifted students.

Скворцова Екатерина Владимировна

Преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: knovikovamegi1@mail.ru

Skvortsova Ekaterina Vladimirovna

The lecturer of the department of theory and practice of translation,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donentsk, DPR, RF
E-mail: knovikovamegi1@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (elena_andrienko8@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
- Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
- На следующей строке: официальное название организации (курсивом).
- Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 14+1(091)

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ХАЙДЕГГЕРА И СОЛОВЬЕВА

© 2023. *И.И. Иванов*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена сравнительному изучению онтологических идей Мартина Хайдеггера и Владимира Соловьева, которые старались преодолеть господствующую в их время философию позитивизма, поставив в центр своих философских учений принцип онтологической дифференции. Хайдеггер показывает, что бытие – это время, базовая характеристика субъекта сознания, присутствия в мире. Соловьев показывает, что бытие – это модус Сущего, каковым является только Бог. Таким образом, онтология Хайдеггера является философией бытийствующего субъекта, присутствия, человека в философско-антропологическом смысле. Онтология же Соловьева вырастает из Сущего (Бога). Имея общий полюс отталкивания, философы создают противоположные системы: в центре одной из них – человек, в центре другой – Бог. Так оба философа преодолели философию позитивизма, создав различные онтологические системы в немецком и русском культурном контексте.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Мартин Хайдеггер, онтология, русская философия, немецкая философия

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

Поступила в редакцию 02.05.2023 г.

THE PRINCIPLE OF ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF HEIDEGGER AND SOLOVIEV

I. I. Ivanov

The article is devoted to a comparative study of the ontological ideas of Martin Heidegger and Vladimir Solov'yov, who tried to overcome the dominant philosophy of positivism in their time, placing the principle of ontological differentiation at the center of their philosophical teachings. Heidegger shows that being is time, the basic characteristic of the subject of consciousness, presence in the world. Soloviev shows that being is a mode of Being, which only God is. Thus, Heidegger's ontology is the philosophy of the being subject, presence, man in the philosophical and anthropological sense. Soloviev's ontology grows out of Being (God). Having a common pole of repulsion, philosophers are aware of opposing systems: in the center of one of them - man, in the center of the other - God. Thus, both philosophers overcame the philosophy of positivism, creating various ontological systems in the German and Russian cultural context.

Key words: Vladimir Soloviev, Martin Heidegger, ontology, presence, Russian philosophy, German philosophy

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Иванов Иван Иванович Доктор философских наук, профессор. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» E-mail: i.ivanov@mail.ru	Ivanov Ivan Ivanovich Doctor of Philosophy, Professor. FSBEI HE “Donetsk State University” E-mail: i.ivanov@mail.ru.
---	--

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Иванов И.И. ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ХАЙДЕГГЕРА И СОЛОВЬЕВА .

Ivanov I. I. THE PRINCIPLE OF ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF HEIDEGGER AND SOLOVIEV

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андриенко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого государственного университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонГУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2023. – № 2

На русском и английском языках

Технический редактор: М.В. Фоменко

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 29.08.2023 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 11,08.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.